

Галкина Е. С.
Elena S. Galkina

АРАБСКАЯ ВЕСНА И «БРАТЬЯ-МУСУЛЬМАНЕ» В ЕГИПТЕ

THE ARAB SPRING AND THE MUSLIM BROTHERHOOD IN EGYPT

Галкина Елена Сергеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва); 119992, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1. E-mail: galkina-es@yandex.ru.

Ms. Elena S. Galkina □ Doctor of History, Professor, Department of History, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow); 119992, Moscow, Malaya Pirogovskaya Str., 1. E-mail: galkina-es@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматривается связь между событиями Арабской весны в Египте и многолетней деятельностью «Братьев-мусульман». В 2011-2012 гг. гражданское общество Египта сумело мобилизоваться в жёстких условиях политической несвободы и не только превратить бунт в начало революции, но и продолжить её, пройдя точку невозврата, во многом, потому что всё это время существовали «Братья-мусульмане» – организация, десятилетия целенаправленно формировавшая это гражданское общество во имя своей политической цели.

Summary. The paper examines the connection between the events of the Arab Spring in Egypt and the long-term activity of the Muslim Brotherhood. In 2011-2012 Egypt's civil society was capable to mobilize itself in the context of lack of political freedom and not only expand their revolt into a revolution, but continue it and cross the event horizon, largely due to the presence of the Muslim Brotherhood that had been around all the time. It is an organization that has for decades been shaping Egypt's society for the sake of its political goals.

Ключевые слова: Египет, Арабская весна, «Братья-мусульмане», арабские революции, политический ислам.

Key words: Egypt, Arab Spring, Muslim Brotherhood, Arab revolutions, political Islam.

УДК 94

В январе 2011 г., когда Арабская весна только начиналась, большинство экспертов считали режим Хосни Мубарака одним из самых стабильных в регионе. Вслед за Тунисом вспыхнули волнения в Алжире, Ливане, Иордании, Йемене, Омане, даже в Саудовской Аравии было неспокойно. В Египте же в ноябре – декабре 2010 г. были проведены очередные выборы, в которых 420 мест из 518 Народного собрания, нижней палаты парламента, завоевала Национально-демократическая партия, которую возглавлял Мубарак. В парламент вошла и оппозиция: в целом другие партии завоевали 15 мест, остальные достались независимым кандидатам. Правда, ко второму туру в декабре 2010 г. часть независимых кандидатов была отсеяна с применением административного ресурса. О бойкоте выборов объявила влиятельная, но в политическом поле нелегальная ассоциация «Братья-мусульмане» (далее также используется аббревиатура БМ). Но каких-либо серьёзных общественных протестов не последовало.

Не только политическая апатия общества заставляла сомневаться в возможности революции. Экономика не проявляла признаков коллапса, статистика показывала рост уровня жизни. МВФ давал Египту оптимистичные прогнозы на развитие в 2011 г. [8, 84]. С 2000 по 2009 гг. ВВП Египта увеличился в 3 раза [4, 165]. Мировой кризис тоже не стал катастро-

фой для страны. Дефицит бюджета в 2009 г. равнялся 8,1 %, а темпы экономического роста снизились до 4,6 % в год. В 2010 г. ситуация начала выправляться, и рост превысил 5 %. Инфляция в 2008 г. сделала рывок в 23,1 %, но уже в 2009 г. вернулась к ординарным для Египта 9,7 %.

Безработица в 2010 г. составляла 9,7 % (среди мужчин около 7 %, среди женщин 19 %, среди молодёжи 26 % – это средний показатель для арабского мира [3, 109]). Резкого подъёма уровня безработицы, равно как и спада, в последние десятилетия не зафиксировано: по данным Всемирного банка, амплитуда колебаний в 1996 – 2010 гг., не превысила 1,6 % (см. прим. 1). Эти проблемы – ничто в сравнении с началом 1990-х гг. с их постоянной инфляцией (25 %), дефицитом бюджета (20 %), безработицей (20 %) и четвертью населения за национальной чертой бедности, которая тогда составляла 45 долларов в месяц (см. прим. 2).

В экономике Египта производство составляет 37,5 % от ВВП, но занято в нём лишь 17 % рабочих рук. Доля услуг составляет 48 % ВВП и 51 % занятого населения. Остальные трудятся в сельском хозяйстве, в деревне живёт более половины египтян. Низкий процент промышленного пролетариата и более половины занятых в неиндустриальном секторе означает отсутствие классового сознания у большей части граждан и естественную узость социальной базы традиционных левых идеологий.

Ещё одна важная черта – огромная доля неформальной экономики, в которой участвуют около 45 % занятых на производстве и в сфере услуг [3, 111]. С этой деятельности не платят налогов, а обычно откупаются взятками. Для этих людей, самозанятых или получающих «серую»/«чёрную» зарплату, главным объектом ненависти является не наниматель, а коррумпированное государство, персонифицированное в чиновнике-взяточнике.

За последние десятилетия средний египтянин стал жить несколько лучше. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) в 2010 г. составлял 6200 долларов и в предыдущие годы демонстрировал небольшой рост. Только около 2 % египтян вынуждено существовать менее чем на 1,25 долларов по ППС.

Итак, экономика краха режима не предвещала. С этим фактором и связано поведение основных политических сил революционного Египта: дело не шло дальше абстрактных слов о социальной справедливости и экономических реформах неведомого содержания.

Не выглядит убедительной и демографическая версия. Население страны действительно быстро растёт, но всё познаётся в сравнении. Арабский мир в целом сейчас один из самых молодых регионов: 60 % там младше 25 лет, а медиана возраста – 22 года (в среднем по миру – 28) [3, 35]. Но здесь Египет не в первых рядах с 24 годами. Поэтому демографические показатели важны для понимания революции и прогноза её течения, но в целом события в Египте 2011 г. не детерминированы некоей «мальтузианской ловушкой». Важно другое: большая часть юного поколения нулевых выростала, осознавая, что перспектив вертикальной мобильности нет и не будет. Номинальные социальные лифты, такие как зачисление в вузы, проходили через плотные неформальные фильтры, отсеивающие талантливую молодёжь из низов невзирая на результаты экзаменов. Случайно просочившиеся через них молодые люди оказывались, как правило, отторгнутыми старыми университетскими корпорациями и выталкивались в сферу влияния радикальных оппозиционных организаций. Вопиющая несправедливость режима, отсутствие места для шага вперёд – это была питательная среда, в которой множилось латентное недовольство. Но главный вопрос, почему свержение режима состоялось, выплеснулось не в бессмысленные беспорядки, а в хорошо организованный протест, которому для взрыва конструкции оказалось достаточно детонирующего шнура тунисского восстания и трёх недель активного противостояния.

В правление Мубарака окончательно сформировалась зрелая имитационная демократия. Основная её особенность – правовое камуфлирование реальных недемократических механизмов управления (законодательно закреплённый институт выборов, квазимногопартийность и т.д.). Ротация элит, приход к власти оппозиции мирным путём при такой модели невозможны.

Межпартийная конкуренция на египетских выборах была сведена к минимуму административным ресурсом и манипулятивными технологиями. Поэтому в парламенте полностью доминировала правящая Национально-демократическая партия. Разделение властей было декларировано, но не существовало, а количество сроков пребывания одного лица на посту президента не регламентировалось. Формирование и ротация политической элиты происходили в закрытом режиме [2, 64-65]. Военно-бюрократическая номенклатура, сращиваясь с крупным бизнесом, превращалась в замкнутую касту.

Несмотря на внешнюю устойчивость системы, латентные настроения египтян отличались от официальной статистики. В июле 2010 г. Университет Мэриленда заказал американскому центру Zogby International опрос жителей Египта на предмет их отношения к США, исламу и ближневосточным проблемам. Негативно относились к Штатам 85 % опрошенных, 92 % называли США и Израиль главными врагами. В то же время 85 % полагали, что роль ислама в политике позитивна, 65 % были убеждены, что исламское духовенство должно играть большую роль в политической системе страны, а 59 % симпатизировали фундаменталистам при выборе между модернизмом и фундаментализмом. Таким образом, вскрывалось отношение общества к режиму. Официальный Египет позиционировался как светское, антиисламистское государство, поддерживал Кэмп-Дэвидский мир с Израилем, ежегодно получал самую большую американскую помощь на Ближнем Востоке, однако эти действия расценивались египтянами как предательство арабских и мусульманских интересов, которое поставило крест на амбициях Египта как регионального лидера.

Столпом, на котором зиждилась социально-политическая система Египта, было чрезвычайное положение (ЧП) на основе закона 1958 г., действующее практически непрерывно с 1967 г. Отмена ЧП стала одним из главных требований восставших зимой 2011 г. Закон о ЧП легализовал цензуру, ограничивал неправительственную политическую деятельность. Количество заключённых, лишённых свободы в соответствии с этим законом, в середине нулевых оценивалось приблизительно в 30 тыс. чел. [7]. Ни Мубарак, ни его предшественники не скрывали, что закон действует прежде всего против исламистской оппозиции и отменить его никак нельзя, потому что в противном случае она придёт к власти.

И действительно, на первых постреволюционных выборах в парламент исламисты взяли значительно больше мест, чем прогнозировалось по результатам опросов. Победу одержала Партия свободы и справедливости, «политическое» крыло «Братьев-мусульман». Рассмотрим причины её успеха в 2011 г.

В социальной основе своей БМ – городское явление, порождение антиколониальной, национально-освободительной борьбы «базара» и городских низов. В идеологии БМ панисламизм органично сочетается и с панарабизмом, и с партикулярным национализмом. Политической формой всеисламского единства БМ считают халифат как политическое, экономическое и культурное сотрудничество исламских государств, которые образуют «союз исламских наций» [1, 14-16].

Запад с его передовой наукой, материальным благополучием и демократией БМ не рассматривают как образец для подражания из-за мертвящего материализма, индивидуализма и эксплуатации бедных богатыми. В советской модели «Братья» находили позитивные стороны: социальная справедливость, эгалитаризм, солидарность и гуманизм. Но это перечёркивалось атеизмом, тиранией, отсутствием свободы и демократии. Исламский же «третий путь» должен включать положительные черты обоих европейских вариантов и не допустить их отрицательные стороны [5, 98-100].

Структура БМ очень эффективна для оппозиционной организации, которая претендует стать центром притяжения активных и талантливых кадров из всех социальных слоёв: продвижение больше зависит от личных заслуг, а не от происхождения, есть разные формы членства, от помощника до активиста, с различными обязанностями, ответственностью и размером взносов. «Братья», находящиеся в затруднительном материальном положении, могут рассчитывать на помощь организации.

При Мубараке, как и во времена его предшественников, «Братья» были запрещены. Но режим имитационной демократии допускал тот факт, что БМ выпускали газеты, делали публичные заявления, их книги можно было свободно купить. Исламские благотворительные организации и мечети вели общественную деятельность и стали аккумуляторами инакомыслия. БМ удалось внедриться в ряды чиновников, их много в объединениях врачей, учителей, административных работников [6, 71-75, 88-89, 93-118, 202].

Успешны БМ и в привлечении студентов и недавних выпускников. Они предлагают юношеству смысл жизни – борьбу за утопию, сообщество, где можно стать уважаемым человеком не с помощью чина или богатства, а путём благочестия и исламской учёности. БМ дают молодёжи ссуды, медицинскую страховку, курсы переподготовки для безработных. Эта помощь весьма скромного размера и качества, но формирует ощущение защищённости.

Первый успешный опыт инфильтрации БМ в легальную политику состоялся на парламентских выборах 2000 г. через институт независимых кандидатов: из 76 кандидатов прошло 17, что значительно превышало результаты светской оппозиции. Хотя преимущество правящей партии оставалось подавляющим – 353 депутата из 454. В 2005 г. БМ начали принимать участие в демонстрациях оппозиционного движения «Кефайя», образованного в 2004 г. Чтобы снизить градус политической напряжённости, на выборах 2005 г. правящий режим позволил «Братьям» участвовать в качестве независимых кандидатов. Несмотря на давление административного ресурса, им удалось добиться 88 мест в парламенте. Это был огромный успех, за которым неизбежно последовали репрессии правительства, напуганного результатом, и рост популярности БМ в обществе как «борцов с режимом».

После имитационных выборов в ноябре – декабре 2010 г. все ждали волнений, но их не последовало. Раздавались слова о том, что БМ за десятилетия полуподпольного существования настолько вросли в режим, что давно являются его частью, поддерживающей статус-кво. Однако тунисский фитиль уже был зажжён. Революция началась 25 января – в «День гнева», дату которого установили 19 января «Братья-мусульмане».

Мощность ресурса БМ проявилась 18 февраля, после свержения Мубарака, когда три миллиона человек (данные канала «Аль-‘Арабийя» от 19.02.2011) пришли внимать проповеди Юсуфа аль-Кардави, духовного лидера «Братьев-мусульман», ступившего на египетскую землю впервые за последние тридцать лет. Двадцать первого февраля аль-Кардави дал интервью египетской газете «Аль-Ахрам», где, в частности, отметил: «Я ориентирован на создание светского государства, но на исламской основе. Так будет правильно для нашего государства. Многие государства выбрали в качестве основы социализм, другие – национализм... Но я категорически против религиозного государства, мы не государство мулл или шейхов» (см. прим. 3).

Партия свободы и справедливости была создана «Братьями» 30 апреля 2011 г., руководители которой сразу сообщили: «Свобода, равенство, братство – всё это есть в шариате». Девиз партии – «Мы несём добро Египту».

Ближе к выборам стало ясно, что светское государство в понимании «Братьев» несколько отличается от общепринятых представлений. Так, в мае 2011 г. Кардави разъяснил, что отстаивает концепцию «светского государства на исламской основе», власти которого должны отвечать требованиям шариата, а граждане имеют право не повиноваться грешнику.

Понятие «свобода рынка» также отличается от западного: она допустима только при соблюдении принципов исламской экономики, таких как закят, запрет монополизма, мошенничества, расточительности, роскоши и т.п. Таким образом новое государство должно восстановить социальную справедливость.

С этими идеалами Партия свободы и справедливости (ПСС) победила в ноябре – декабре 2011 г., что было для экспертного сообщества скорее неожиданностью. Всего в Народное собрание прошло 26 партий, но только у 3 из них было более 20 представителей (ПСС – 222, салафитский «Нур» – 112, «Вафд» – 39). Салафиты, которым за две недели до выборов прогнозировали максимум 9 %, завоевали почти в три раза больше.

Победа исламистских организаций показала, что в восприятии египтян оба светских проекта – либеральный и социалистический – в своё время потерпели крах. Исламисты остались единственной силой, которая всё время находилась в оппозиции, у которой ещё не было возможности попробовать реализовать свою утопию. Не менее важно, что БМ, являясь силой сплочённой и многочисленной, смогли на время нейтрализовать сторонников старого режима и на улице, и в административном аппарате. Светская оппозиция была традиционно разрознена и ещё не готова объединиться с остатками партии Мубарака для борьбы с исламизмом.

Выбор граждан Египта на парламентских выборах показал, что на первом этапе революции главными в обществе были антиколониальные настроения, стремление к независимости и национальному достоинству, которое должно выражаться и в создании самобытного типа справедливого общества. Достоинство, честь, справедливость – вокруг этих понятий формировался язык предвыборных кампаний. «Братья-мусульмане» сумели наиболее точно ответить на этот запрос как в партийных программах, так и в действиях – от обеспечения наблюдателей и порядка на выборах до адресной и оперативной помощи нуждающимся.

В 2011 г. социально-активная часть Египта сумела мобилизовать себя в жёстких условиях политической несвободы, превратить бунт в начало революции и продолжить её во многом потому, что всё это время существовали «Братья-мусульмане» – организация, долгие десятилетия целенаправленно формировавшая гражданское общество во имя реализации своего политического проекта. Но, как показали дальнейшие события, свергнуть авторитарный режим и победить на выборах ещё не достаточно, чтобы удержаться у власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милославская, Т. П. Концепция «исламского единства» и интеграционные процессы в «мусульманском мире» / Т. П. Милославская, Г. В. Милославский // Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока. – М.: Наука, 1986. – С. 5-40.
2. Труевцев, К. М. Политические системы арабских стран – между авторитаризмом и демократией / К. М. Труевцев // Ислам и общественное развитие в начале XXI века / отв. ред. В. Я. Белокриницкий, А. З. Егорин, Н. Ю. Ульченко. – М.: Крафт+, 2005. – С. 61-89.
3. Arab Human Development Report 2009. Challenges to Human Security in the Arab Countries. – NY: UNDP, 2009. – 288 p.
4. Egypt Private Sector. Country Profile. – African Development Bank, 2009. – 213 p.
5. Religious fundamentalism in the contemporary world: critical social and political issues / ed. by Saha S. C. – Lexington Books, 2004. – 340 p.
6. Wickham, Carrie Rosefsky. Mobilizing Islam: Religion, Activism and Political Change in Egypt. – New York: Columbia University Press, 2002. – 300 p.
7. Williams, Daniel. Egypt Extends 25-Year-Old Emergency Law // The Washington Post. – 2006-04-30.
8. World Economic Outlook. Recovery, Risk and Rebalancing. – IMF, 2010. – 239 p.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Egypt // The World Bank. Working for a World Free of Poverty. Data. Режим доступа: <http://data.worldbank.org/country/egypt-arab-republic?display=default>.
2. Гафуров С. З. Опыт сравнительного анализа приватизации и формирования рынка корпоративных ценных бумаг в развивающихся и пост-социалистических странах. На примере России и Египта (1991-1996) // Институт свободы Московский Либертариум. Режим доступа: http://www.libertarium.ru/l_lib_gafur_3#02.
3. Аль-Кардави: Ля ‘аляка ли би-т-танзим аль-Ихван // Аль-Ахрам. 2011.02.21. Режим доступа: <http://www.ahram.org.eg/450/2011/02/21/12/63784.aspx>.

Гальперин М.С.

ГЕНЕРАЛИССИМУС ЧАН КАЙШИ И «НАНКИНСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ» В КИТАЕ (КОНЕЦ 1920-х - 1930-х гг.)

Гальперин М. С.

Mikhail S. Galperin

**ГЕНЕРАЛИССИМУС ЧАН КАЙШИ И «НАНКИНСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ» В КИТАЕ
(КОНЕЦ 1920-х – 1930-е гг.)**

**GENERALISSIMO CHIANG KAI-SHEK AND THE "NANJING DECADE"
IN CHINA'S HISTORY (LATE 1920s – 1930s.)**

Гальперин Михаил Самойлович – кандидат философских наук, доцент кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: Mgalperin@list.ru.

Mr. Mikhail S. Galperin - PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Linguistics and the Cross-cultural Communications, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: Mgalperin@list.ru

Аннотация. Статья рассматривает события и процессы, связанные с деятельностью нанкинского правительства в критический период на рубеже 1920 – 1930-х гг. Проводится мысль о необходимости объективной оценки места и роли Чан Кайши как выдающегося политического деятеля в новейшей истории Китая.

Summary. The paper considers the events and processes linked to the activity of the Nanking Kuomintang in the crucial period of late 1920s – early 1930s. We propound the idea that it is necessary to offer an unbiased assessment of Chiang Kai-shek's place and role as of an outstanding political figure in China's recent history.

Ключевые слова: Нанкинское правительство, Коминтерн, ВКП(б), КПК, Чан Кайши, Япония, западные державы, США, Германия, Сиань.

Key words: Nanjing government; Comintern; All-Union Communist Party (Bolsheviks); CPC; Chiang Kai-shek; Japan; Western powers; USA; Germany; Sian.

УДК 94(47).084.6+94(510).092

В ряду государственных деятелей, сыгравших важную роль в новейшей истории Китая, особое место занимает фигура Чан Кайши. В относительно недавнем прошлом личность этого, без сомнения, харизматичного лидера подавалась в исключительно мрачном, отталкивающем свете, а оценочный аспект исследований, посвященных его жизни и деятельности, строго следовал установкам ВКП(б) – КПСС и Коминтерна. Именно в таком ключе оценивает, например, фигуру генералиссимуса известный политический деятель и идеолог КПК Чэнь Бо-да в своей книге «Чан Кайши – враг китайского народа», изданной в Китае в начале 1948 г.: «Враг народа Чан Кайши является последним крупным цепным псом империализма в Китае. Китайский народ в прошлом ликвидировал целый ряд империалистических выкормышей... Сейчас остался наиболее лютой цепной пес – Чан Кайши, но и он скоро будет низвергнут китайским народом» [10, 16]. Ангажированность подобного подхода, при котором научная полемика подменялась грубым шельмованием политических оппонентов, хорошо известна из нашей истории и относительно недавней истории Китая, и данное «исследование» – еще одно тому подтверждение.

Заметим, что этот устойчивый стереотип доминировал и в исторической литературе, и в историографии советского периода в более позднее время [2, 3-4]. Примером удивительной живучести таких идеологических ярлыков может служить, например, следующая категорич-

ная характеристика генералиссимуса, данная в свое время известным польским историком и публицистом советского периода С. Гломбиньским: «Чан Кайши ... был и остается лишь крайним китайским шовинистом» [3, 53].

Можно согласиться с мнением З. Д. Катковой, которая справедливо видит задачу исследователя в том, чтобы уйти от старых стереотипов и политических клише, применявшихся для оценки личности и политики Чан Кайши в угоду политической конъюнктуре [6, 5]. Представляется целесообразным остановиться отдельно и, может быть, более подробно и объективно, на месте и роли Чан Кайши в десятилетний период между революцией и началом антияпонской и Второй мировой войн.

В этой связи уместно обратиться к монографии профессора Гарвардского университета США Джеймса Томсона «В то время, когда Китай смотрел на Запад. Американские реформаторы в националистическом Китае, 1928 – 1937 гг.», представляющей собой, на наш взгляд, достаточно объективное и аргументированное исследование роли Чан Кайши в рассматриваемый период.

Как известно, политическое и экономическое положение в Китае первой половины 1930-х гг. характеризовалось определенным укреплением позиций нанкинского правительства, расширением сферы его военно-политического контроля. Борьба против революционного движения за подчинение региональных военно-политических группировок, определявшая в значительной степени и в эти годы основное содержание внутренней и внешней политики правительства Чан Кайши, приобрела некоторые новые черты. Хотя по-прежнему решающим фактором в этой борьбе оставалось соотношение военных сил, нанкинское правительство в эти годы во все возрастающей степени стремилось дополнить военное противодействие своим противникам мероприятиями политического, идеологического и экономического характера.

Так, агрессия Японии благоприятствовала урегулированию отношений между нанкинской и гуандун-гуансийской региональными группировками. Начавшийся между ними летом 1931 г. военный конфликт в сентябре – октябре был прекращен, и была достигнута договоренность об объединении. В ноябре 1931 г. в Нанкине проходил IV съезд Гоминьдана, в котором приняли участие представители группировок. Съезд избрал новый состав руководящих органов Гоминьдана с приблизительно равным представительством от Нанкина и Гуанчжоу, были приняты Временная конституция и новый «Органический закон». К началу января 1932 г. в Нанкине был определен новый состав национального правительства. Председателем правительства стал Ван Цзинвэй. Пост главнокомандующего вооруженных сил занял Чан Кайши. Следует отметить, что лидеры нанкинской группировки сохранили лидирующие позиции в партийном аппарате и в армии, а вхождение «реорганизационистов» и представителей ряда других региональных группировок в центральный аппарат Гоминьдана и органы правительства не означало подлинного объединения и прекращения борьбы между ними. В центральном аппарате и правительственных органах Гоминьдана развернулась борьба группировок за посты и влияние. Крупные военные сражения милитаристских группировок в важнейших районах страны на время сменились иными формами политического и военного давления и маневрирования.

В условиях сложившегося мирного противостояния наибольшие шансы имела группировка Чан Кайши, поддерживаемая ведущими державами и имевшая в подчинении наиболее боеспособную в Китае армию и тайную полицию. Это обеспечивалось, как отмечает З. Д. Каткова, в том числе благодаря активной и всесторонней помощи держав и, в первую очередь, Германии [6, 41-44, 115-118]. Однако расширение сферы влияния нанкинского правительства в эти годы на ряд основных районов страны отнюдь не привело к полному и устойчивому объединению Китая под эгидой Гоминьдана: на юге и юго-западе, а также на территории проживания национальных меньшинств нанкинское правительство практически не имело серьезного влияния. Поэтому более правомерно, вероятно, употреблять здесь термин «военно-политический контроль», нежели «объединение». Представляется интересным, хотя и субъективным, мнение представителя администрации США в ранге посланника

(а с 1935 г. – посла) Нельсона Т. Джонсона, находившегося в Китае с 1931 г. Так, в 1934 г. он довольно резко отозвался о способности Гоминьдана контролировать положение в стране: «Ни разу за мой опыт я не чувствовал, что внутривластная ситуация настолько обескураживающая», Гоминьдан «...все более и более импотентен... Контроль Чан Кайши простирается только на горстку областей Янцзы». По мнению Джонсона, налицо «небольшая надежда, если она есть вообще, что Чан может объединить Китай» [11, 28].

Аналогичная ситуация характеризовала армейскую и партийно-государственную структуру нанкинского режима: в армии, партии, администрации действовали более мелкие группировки, нередко различавшиеся по своей социальной базе и программам. Противоречивый и сложный характер взаимодействия этих сил в конечном счете накладывал отпечаток на характер и методы действий генералиссимуса и их результаты.

Наглядным примером в данном случае может служить армия, контролю над которой Чан Кайши всегда придавал особое значение. Здесь действовали две основные группировки: группировка «военной бюрократии», возглавляемая военным министром нанкинского правительства Хэ Инцином, и «Вампу» (или Хуанпу). Ядро этой группировки составляли связанные с Чан Кайши выпускники военной школы Хуанпу. Ее лидеры – это молодые генералы Чэнь Чэн и Ху Цзуннань, командовавшие на тот момент отборными и наиболее боеспособными дивизиями и выступавшие за реорганизацию армии по современному образцу, а также за модернизацию ряда звеньев правительственной администрации в центре и на местах, которая скрыто и явно препятствовала быстрой реформе армии. Но, несмотря на многие отрицательные качества самого военного министра и коррупцию в его министерстве, Чан Кайши все же постоянно поддерживал его группировку в столкновениях с «вампуистами» из опасения стать «заложником» армии в случае усиления в ней какой-либо одной стороны и отпугнуть связанных с Хэ Инцином генералов «старой школы», противодействовавших амбициозным поползновениям молодых представителей офицерского корпуса. При этом Чан Кайши зарекомендовал себя искусным стратегом и тактиком аппаратной борьбы: «Сохранение политической власти посреди текучей в военном отношении ситуации требовало хитрой стратегии так же, как и армии. Чан Кайши имел и то, и другое. Ключом к его выживанию был искусный политический проход, который обеспечил ему господство в центре поля. Коалиции, пенсии и грубая сила – все было направлено на занятие центра и изоляцию противника» [11, 11].

Примерно так же выглядела обстановка в партийной верхушке. С начала 1930-х гг. влияние группировки Чан Кайши усиливалось по мере численного роста Гоминьдана (1933 г. – свыше 1270 тыс. членов, в том числе 785 тыс. из них в армии [5, 336]) и превращения гоминьдановской бюрократии в особый правящий слой.

Дж. Томсон выделяет следующие ключевые моменты, дающие представление об истоках и характере власти нанкинского режима. Во-первых, это органический и неразрывный конгломерат партии и правительства в виде единого партийно-политического блока. «Руководящим политическим принципом нового правительства был принцип *однопартийной диктатуры* ... Сама партия придерживалась форм реорганизованной Сунь Ятсеном структуры от 1924 г.: это означало *демократический централизм по советской модели...*» [11, 9]. Во-вторых, это наличие громоздкого эшелонированного бюрократического аппарата [11, 10]. Наконец, в-третьих, это роль лидера и наличие инструментов власти. «Любой поиск местоположения власти в гоминьдановском Китае должен привести сразу к Чан Кайши. ...Если не сознательная цель, то *конечный смысл демократического централизма – это единоличное правление*» [11, 10] (здесь и далее выделение курсивом – М. Гальперин).

В принципе, приведенная выше организационно-структурная схема мало чем отличается от советской модели, характерной для 1920 – 1930-х гг. Отметим только, что гоминьдановский вариант, без учета внешних факторов, отличается лишь личностными качествами *политического лидера*. Поэтому безосновательно, на наш взгляд, выглядят обвинения в адрес Чана в предательстве идей Сунь Ятсена и стремлении к безграничной власти. Ведь в условиях постоянного фракционного давления изнутри и военного давления извне передача вла-

сти все тому же бюрократическому аппарату фактически означала отказ от идеи Сунь Ятсена об объединении страны и усиление регионального сепаратизма.

В ряду проблем, составлявших предмет беспокойства нанкинского правительства, важное место занимал также поиск идеологии, способной стать фундаментом для объединения нации. Как считает Д. З. Каткова, «...В борьбе за национальное возрождение идеологическим течением, способным объединить все классы и слои китайского общества, мог стать национализм» [6, 3].

Существенную роль в поиске этой идеологической базы сыграли различные факторы, и, прежде всего, следует иметь в виду обстановку, сложившуюся в ходе углубления революции. Как справедливо отмечает Дж. Томсон, «В течение лет жизни Сунь Ятсена, Гомиьндан находил сплоченность и единство, в основном, в силе его харизматической личности. После смерти Суня в 1925 г. трещины в Едином фронте углубились... С этого времени, лишенная магнетического присутствия основателя, философия Сунь Ятсена была неубедительной платой за проезд» [11, 152].

Внешняя политика нанкинского правительства в период 1931 –1935 гг. в обстановке угрозы агрессии со стороны Японии базировалась на традиционном принципе «балансира». Обострившиеся противоречия между Японией и странами Запада на Дальнем Востоке были использованы гомиьндановским руководством для противодействия японской агрессии и ослабления давления Японии на Китай. В то же время Чан Кайши и его окружение рассматривали японскую угрозу в качестве фактора подавления революционного движения и укрепления своего контроля над региональными группировками. В духе традиционных китайских стратагем эта тактика была рассчитана на то, что японская экспансия в Китае приведет к открытому столкновению Японии с США и Англией, либо Япония выступит против советского Дальнего Востока.

Оценивая ситуацию, следует учитывать и не затихавшее вооруженное противостояние между Гомиьнданом и КПК, поглощавшее львиную долю ресурсов нанкинского правительства и создающее препятствие устойчивому оздоровлению экономики. Советская историческая наука утверждала, что «кризисное состояние промышленности, деградация сельского хозяйства обусловили крайне низкий уровень накоплений, который поглощал рост расходов на армию для борьбы против собственного народа» [5, 338]. Под «собственным народом» следует, вероятно, понимать Красную армию, а также подрывную деятельность так называемых «представителей Коминтерна и КПК» по мобилизации рабочих и крестьян на борьбу против режима на управляемой нанкинским правительством территории.

В целом, оценивать положение правительства Чан Кайши в рассматриваемый период следует с нескольких ракурсов. С одной стороны, экспансия Японии, открыто стремившейся аннексировать значительную часть Китая, с другой – перманентное давление в разных формах со стороны КПК, дискредитировавшей любым путем политику нанкинского правительства и самого Чана в глазах населения, ставившей целью захватить власть и распространить «революционно-демократическую диктатуру рабочего класса и крестьянства» с «советских районов» на весь Китай. С этой точки зрения, едва ли стоит удивляться тому, что Чан Кайши не воспринимал всерьез предложения руководства КПК об объединении усилий в борьбе с Японией. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что такой «союзник», отказывающийся лишь на время от своих далеко идущих намерений, представляет собой гораздо более серьезную угрозу на обозримую перспективу, нежели явный враг извне. В этом, по нашему мнению, кроется главная причина его пассивности в отношении оказания сопротивления Японии и упорное стремление ликвидировать «освобожденные районы» и Красную армию, пользующиеся фактически открытой поддержкой Коминтерна, СССР и всего «мирового коммунистического движения». К тому же, Чан Кайши еще после своего визита в Москву в октябре 1923 г. в докладе Сунь Ятсену дал явно понять, что уловил тенденцию в политике РКП(б), которая особенно усилится после 1926 г.: превратить Китай в инструмент своей политики в проведении стратегии на так называемую «мировую революцию» [7, 15, 17, 18, 21-26; 8, 112-114, 129-132], что фактически угрожало движению за национальную независимость.

Победа исламистских организаций показала, что в восприятии египтян оба светских проекта – либеральный и социалистический – в своё время потерпели крах. Исламисты остались единственной силой, которая всё время находилась в оппозиции, у которой ещё не было возможности попробовать реализовать свою утопию. Не менее важно, что БМ, являясь силой сплочённой и многочисленной, смогли на время нейтрализовать сторонников старого режима и на улице, и в административном аппарате. Светская оппозиция была традиционно разрозненна и ещё не готова объединиться с остатками партии Мубарака для борьбы с исламизмом.

Выбор граждан Египта на парламентских выборах показал, что на первом этапе революции главными в обществе были антиколониальные настроения, стремление к независимости и национальному достоинству, которое должно выражаться и в создании самобытного типа справедливого общества. Достоинство, честь, справедливость – вокруг этих понятий формировался язык предвыборных кампаний. «Братья-мусульмане» сумели наиболее точно ответить на этот запрос как в партийных программах, так и в действиях – от обеспечения наблюдателей и порядка на выборах до адресной и оперативной помощи нуждающимся.

В 2011 г. социально-активная часть Египта сумела мобилизовать себя в жёстких условиях политической несвободы, превратить бунт в начало революции и продолжить её во многом потому, что всё это время существовали «Братья-мусульмане» – организация, долгие десятилетия целенаправленно формировавшая гражданское общество во имя реализации своего политического проекта. Но, как показали дальнейшие события, свергнуть авторитарный режим и победить на выборах ещё не достаточно, чтобы удержаться у власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милославская, Т. П. Концепция «исламского единства» и интеграционные процессы в «мусульманском мире» / Т. П. Милославская, Г. В. Милославский // Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока. – М.: Наука, 1986. – С. 5-40.
2. Труевцев, К. М. Политические системы арабских стран – между авторитаризмом и демократией / К. М. Труевцев // Ислам и общественное развитие в начале XXI века / отв. ред. В. Я. Белокриницкий, А. З. Егорин, Н. Ю. Ульченко. – М.: Крафт+, 2005. – С. 61-89.
3. Arab Human Development Report 2009. Challenges to Human Security in the Arab Countries. – NY: UNDP, 2009. – 288 p.
4. Egypt Private Sector. Country Profile. – African Development Bank, 2009. – 213 p.
5. Religious fundamentalism in the contemporary world: critical social and political issues / ed. by Saha S. C. – Lexington Books, 2004. – 340 p.
6. Wickham, Carrie Rosefsky. Mobilizing Islam: Religion, Activism and Political Change in Egypt. – New York: Columbia University Press, 2002. – 300 p.
7. Williams, Daniel. Egypt Extends 25-Year-Old Emergency Law // The Washington Post. – 2006-04-30.
8. World Economic Outlook. Recovery, Risk and Rebalancing. – IMF, 2010. – 239 p.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Egypt // The World Bank. Working for a World Free of Poverty. Data. Режим доступа: <http://data.worldbank.org/country/egypt-arab-republic?display=default>.
2. Гафуров С. З. Опыт сравнительного анализа приватизации и формирования рынка корпоративных ценных бумаг в развивающихся и пост-социалистических странах. На примере России и Египта (1991-1996) // Институт свободы Московский Либертариум. Режим доступа: http://www.libertarium.ru/l_lib_gafur_3#02.
3. Аль-Кардави: Ля ‘аляка ли би-т-танзим аль-Ихван // Аль-Ахрам. 2011.02.21. Режим доступа: <http://www.ahram.org.eg/450/2011/02/21/12/63784.aspx>.

А. М. Родригес
Alexander M. Rodrigues

«ЗАБЛУДШАЯ СЕКТА» САУДОВСКОЙ АРАВИИ

«THE LOST SECT» OF SAUDI ARABIA

Родригес Александр Мануэльевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Московского государственного педагогического университета (Россия, Москва); 119992, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1. E-mail: rodrigues@mail.mipt.ru.

Mr. Alexandr M. Rodrigues – Doctor of History, Professor, Department of Modern and Contemporary History, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow); 119992, Moscow, Malaya Pirogovskaya Str., 1. E-mail: rodrigues@mail.mipt.ru

Аннотация. Статья посвящена обострению религиозных, социальных и политических противоречий, вызвавших мощную волну терроризма в Саудовской Аравии в конце XX – начале XXI в.

Summary. The paper focuses on the straining of religious, social and political conflicts, exciting the power terrorist shock during the late XX - early XXI c.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, ваххабиты, террористические группировки, религиозный протест, политическое противостояние.

Key words: Saudi Arabia, wahhabis, terrorist groups, religious protest, political confrontation

УДК 94

В мае 2003 г. король Фахд (умер 1 августа 2005 г.) выступил с тронной речью перед депутатами Консультативного совета третьего созыва. В своем выступлении он требовал «уничтожить гадину террора» [3, 18.05.2003]. В первый день рамадана 2004 г. наследный принц Абдаллах (коронован 3 августа 2005 г.) объявил, что между неравными группами саудовских граждан пролегла пропасть, и употребил коранический термин «заблудшая секта» в отношении тех, кто «доказал своё стремление к террору и агрессии» [4, 22.07.2004].

Эскалация противостояния в саудовском обществе имела свою предысторию. Ваххабитской идеологии приходилось адаптироваться к модернизации. Социальное расслоение, обогащение аристократии и новой так называемой «нетитулованной» буржуазии вызывали протесты широких групп саудовского общества. Уже в 1960 – 1970-х гг. формировались предпосылки для возникновения политического течения ислама, т.е. воинствующего исламизма.

Новые обстоятельства возникли в стране после аннексии Кувейта Ираком и войны «Буря в пустыне» 1990 – 1991 гг. Командовавший вместе с американским генералом А. Шварцкопфом объединенными вооруженными силами принц Халед ибн Султан полагал, что эти события создадут угрозу безопасности и суверенитету Саудовской Аравии. Король обратился 7 августа 1990 г. к США за помощью. В ответ в Саудовскую Аравию и Залив были немедленно отправлены дополнительные американские воздушные и морские силы.

Определяющим моментом для последующей ситуации в стране стало обращение к «неверным» за помощью против иранского лидера Саддама Хусейна и размещение на территории Саудовской Аравии огромного (около 600 тыс.) западного (прежде всего американского) военного и технического контингента. Присутствие американцев привело к напряженности внутри саудовского общества. Тем не менее ослабление строгого контроля улемов, отно-

сительная свобода слова и возможность доступа к новым источникам информации получили одобрение либеральной интеллигенции в Восточной провинции, Эр-Рияде и Джидде.

Неспособность саудовских властей самостоятельно обеспечить оборону страны вызвала возмущение у консерваторов и либералов. Несмотря на значительные вложения (200 млрд долл. в 1980-е гг.), к 1990-м гг. регулярная армия страны едва достигала 58 000 военнослужащих. Улемы испытывали беспокойство в связи с американским военным присутствием. Ряд экстремистских «неофундаменталистов» – фукахка (фуких – теолог), создавших в конце 1980-х гг. новое направление среди ортодоксов, подвергали критике политику правительства и США, призывали запретить «неверным» защищать святую землю ислама и использовать саудовскую территорию для борьбы с мусульманским Ираком. Соответственно, возрастала питательная среда исламизма и экстремизма [10, 02.07.1991].

Развитие оппозиции в исламистско-ваххабитских кругах Саудовской Аравии шло по двум направлениям: умеренному, предполагавшему противодействие режиму мирными средствами, и экстремистскому – разворачивание подпольной сети и организация терактов. В середине 1990-х гг. терроризм активизировался. В ноябре 1995 г. была взорвана автомашина вблизи здания Национальной гвардии. Исполнители теракта были арестованы саудовскими войсками и почти сразу же казнены. Согласно циркулировавшей в Эр-Рияде информации взрыв был осуществлён ваххабитскими экстремистами.

В июне 1996 г. был проведен ещё более громкий теракт: заминированный бензовоз был взорван у жилого дома для военного персонала в Эль-Хубаре. Эти события послужили удобным поводом для проведения спецслужбами королевства так называемых «профилактических мероприятий». Власти пришли к выводу: в стране действует подпольная сеть исламистов, включившая суннитов (ваххабитские низы) и шиитов (преимущественно жители Восточной провинции). Это означало признание террористических рецидивов [12, 1999, 925].

Происходила самоорганизация и умеренно-клерикального оппозиционного крыла. Поводом послужил прецедент ноября 1990 г., когда 70 саудовских женщин за рулем своих машин доехали до центра Эр-Рияда, протестуя против запрета на вождение женщинами транспортных средств. Хотя они пытались сослаться на коранические нормы, на то, что жена пророка Мухаммеда Аиша сама управляла верблюдами, но при этом в глазах клериков нарушили табу. Участницы акции были уволены с работы и приговорены к ряду наказаний [12, 1999, 924].

Атмосфера скандала на фоне возросшей политической активности саудовских либералов не могла оставить в стороне ваххабитских улемов: 107 проповедников и профессоров религиозных учебных учреждений подписали «рекламационное письмо» с требованиями назначить «Меджлис аш-Шура» (Консультативный совет), в состав которого должны были быть включены улемы. Письмо ставило под сомнение легитимность власти династии и было выдержано в ваххабитском и исламистском духе. В мае 1991 г. письмо было подано королю Фахду.

Третьего мая 1993 г. шесть священнослужителей создали организацию, которая должна была возглавить общественное движение исламской оппозиции. За пределами государства она получила известность под английским названием CDLR (Committee for the Defence of legitimate rights – Комитет по защите законных прав). Саудиты резко отреагировали на подобное покушение на авторитет их власти. Подписавшие документ лица были подвергнуты тюремному заключению. Представитель «Комитета» физик Мухаммед аль-Масаари выехал в Лондон, где в 1994 г. воссоздал «Комитет» и продолжил критику режима. Однако двойственность его критики, воззвавшей одновременно и к западным ценностям, и к исламизму, сузили его поддержку на родине. Крайние ваххабитские течения группировались уже вокруг оппозиционных шейхов Хавали и Ауды. В феврале 1996 г. в «Комитете» произошёл раскол, на смену диссидентству пришло насилие, а протестанты типа Масаари уступили своё влияние в исламистски настроенных массах боевикам типа Бен Ладана [1, 216]. Наступил период открытого терроризма, организованный «Аль-Каиды».

В 1990-е гг. саудовский режим окончательно загнал себя в ловушку собственной идеологии. В молодежной среде стало поощряться движение за создание «обновленческих» («сахва») кружков и объединений. Избранный курс был направлен на восстановление «общенационального единства». Этому благоприятствовали и геополитические обстоятельства 1990-х гг.: развал СССР, «российская агрессия» в «исламской» Чечне, «сербская» – против «мусульман» Боснии и Косово. Саудовские власти сознательно заставляли участников «обновленческого движения» нести идеи джихада за пределами королевства в Джелалабаде, Курган-Тюбе, Косово, Таджикистане, Кашмире и Чечне. Большинство молодых саудовских моджахедов проходили подготовку в организациях, создававшихся «Аль-Каидой» за пределами королевства, и их идеологическая обработка усиливалась и без того присущий им радикальный исламизм ваххабитских низов. В результате в саудовском обществе усиливался раскол и увеличивалась террористическая угроза.

В значительной степени этому способствовали сентябрьские события 2001 г. в США. Саудовские власти вынуждены были пересмотреть курс «помощи мусульманским народам и меньшинствам» и осудить международный терроризм (что предполагало отказ от безоговорочного осуждения американских действий в Афганистане и Ираке). Однако саудовское общество было не готово быстро переосмыслить прошлые убеждения. Сочувствие к исполнителям террористических акций возрастало, так же как неприязнь к гражданам западных стран.

Таким образом, признание наследным принцем наличия массового терроризма в королевстве, а также призыв к возмездию – «Бог требует обрушить на отступников мучительное наказание» [4, 22.07.2004] – стали формальным признанием и воплощением свершившегося раскола в обществе.

В начале 2000-х гг. страну потряс ряд террористических актов. В Эр-Рияде 18 мая 2003 г. был обстрелян полицейский наряд. Ответственность взяла на себя группа «Легионы Двух Святынь Аравийского полуострова». Впервые теракт был направлен против органов госбезопасности. С этого времени отдельные нападения, сопровождавшиеся жертвами, стали обычным явлением. В мае и ноябре 2003 г. произошла серия крупных акций в Эр-Рияде. Власти вынуждены были признать наличие в стране целой сети мелких террористических организаций, неизменно связывая их с «Аль-Каидой».

Новый этап политической истории 2000-х гг. как бы подтверждал эффект «бумеранга» двойственной и опасной политики экспорта терроризма предшествующих лет. Террористы при первом же удобном случае пересекали границы и действовали уже против самого саудовского режима. Учащались громкие теракты, поддерживаемые антиамериканской риторикой протестных улемов. По разным данным в 2001 – 2003 гг. произошло от 24 до 30 террористических актов, повлекших за собой человеческие жертвы [8, № 39, 2007]. Взрывов без человеческих жертв было во много раз больше, но СМИ о них не всегда сообщали. На середину 2003 – начало 2005 гг. пришелся пик противостояния террористов и властей. Ответственность за теракты взяла на себя «Аль-Каида». Примечательно, что почти все жертвы терактов принадлежали к иностранным наёмным рабочим мусульманского происхождения [8, № 39, 2007].

Наиболее резонансными, по мнению мировых СМИ, стали трагические события в Эль-Хубаре: 29 мая 2004 г. террористы захватили офис в деловом центре «Оазис» и взяли в заложники около 50 иностранных граждан. В результате теракта погибли 22 и были ранены 25 человек. Среди жертв были граждане Италии, Швеции, США, Великобритании и Филиппин. При штурме погибли два сотрудника саудовских спецслужб [3, 04.06.2004].

Особая реакция в мире на события в Эль-Хубаре была связана с рядом сопутствующих обстоятельств. Эль-Хубар – один из трёх крупнейших портов в Персидском заливе, через которые осуществляется экспорт нефти. В городе и пригородах расположены офисы крупнейших американских, британских, французских, новозеландских нефтяных компаний. Были и представительства российских «Стройтрансгаза» и «Лукойл». Обстоятельства резонансного характера были связаны с актуальными проблемами нефтяной политики. Активи-

зация террористической активности прихлалась на время между двумя крупными встречами в рамках ОПЕК. За неделю до теракта в Эль-Хубаре в Амстердаме состоялись неофициальные переговоры стран – членов нефтяного картеля, где министр нефти Саудовской Аравии Али Нуайми заявил о намерениях его страны в одностороннем порядке увеличить производство нефти [3, 04.06.2004]. Эта позиция была выдержана в интересах США: министр энергетики США Спенсер Абрахам признался, что Эр-Рияд пообещал ему поднять уровень производства нефти на 10 %, чтобы сбить рекордно высокие мировые цены на энергоресурсы. В дальнейшем тема нефтяных квот и цен обсуждалась в Бейруте, где 3 июня на очередном форуме ОПЕК были подтверждены и зафиксированы предыдущие договорённости [3, 04.06.2004].

В разгар кризиса с заложниками саудовские власти доказывали мировому экономическому сообществу, что королевство выполнит все свои обязательства, а деятельность нефтяных компаний АРАМКО и АПИКОРП не подвергнется никаким изменениям [4, 02.06.2004; 6, 31.05.2004].

Некий «источник» в правительстве Саудовской Аравии отрицал влияние событий в Эль-Хубаре на мировые цены на нефть, поскольку события, связанные с терактами, произошли далеко от нефтяных объектов, а силы безопасности королевства в рекордные часы взяли эти события под жесткий контроль [9, 08.06.2004].

Однако подобный оптимизм разделяли далеко не все аналитики. По мнению американской газеты «International Herald Tribune», террористические акты в Саудовской Аравии вполне могли оказать негативное влияние на мировой рынок нефти. Издание отмечало, что в ближайшее время на нефтяном рынке никаких негативных сдвигов не должно произойти, однако в перспективе последствия в этом секторе экономики могут быть весьма ощутимыми. В нефтяном секторе Саудовской Аравии трудились в тот период более 25 тыс. иностранных граждан. Если бы они приняли решение покинуть Саудовскую Аравию, то нефтедобыча в стране могла быть почти парализована. На мировом рынке нефти стоимость «черного золота» во многом определяется позицией ОПЕК по объемам добычи. «International Herald Tribune» отмечала, «что в настоящей ситуации при принятии организацией решения об увеличении объемов добычи рынки могут не ответить снижением цен на нефть из-за опасения того, что Саудовская Аравия не сможет поддерживать объемы добычи на требуемом уровне» [7, 12.06.2004].

Власти Саудовской Аравии 30 мая обратились с призывом к специалистам «Royal Dutch-Shell Group», «Total S.A.», «Лукойл», «China Petroleum & Chemical Corporation» не прекращать свою работу. В ответ на это компании «Лукойл» и «Стройтрансгаз» заявили, что не намерены менять планы работы в Саудовской Аравии в связи с серией терактов в этой стране [3, 01.06.2004].

Таким образом, теракт в Аль-Хубаре продемонстрировал королевской семье, что ее положение ненадежно. Ослабление позиций Саудитов было на руку американскому правительству, которое теперь могло влиять на установление цен на нефть, достигших рекордной отметки из-за того, что американцам так и не удалось запустить нефтяную промышленность Ирака.

Правительство Саудовской Аравии должно было адекватно реагировать. С мая 2003 г. началось существенное реформирование МВД и силовых структур. Был увеличен бюджет структур: с 7 млрд долл. в 2003 г. до 8,5 млрд долл. в 2004 г. и до 17 млрд долл. в 2011 г. К 2012 г. в контртеррористических операциях принимали участие подразделения МВД, Национальной гвардии (около 100 тыс. бойцов), а также спецподразделения армии. Главную роль в борьбе с терроризмом взяло на себя Министерство внутренних дел.

Саудовский режим осознал очевидную опасность, тем более что в действиях террористических организаций наметились изменения. Если раньше жертвами терактов были простые граждане и представители западных стран, то теперь их целью становились представители властей. Показательно, что если власти охарактеризовали исламистов «заблудшей сектой» и «порождением дьявола», то и они в свою очередь обвинили власти в отступничестве от истинной веры. Подобные акции «борцы за веру» называли «высшей формой джихада».

В 2005 г. власти обрушили на джихад «усиленные и ужесточенные репрессии». Однако полностью террористическая сеть не была разгромлена. По информации властей «заблудшая секта» вновь изменила тактику: во-первых, значительная часть террористов покинула страну, присоединившись к зарубежным исламистским организациям; во-вторых, произошёл временный отход сопротивления в подполье, создание так называемых «спящих ячеек» [8, 10.01.2004].

По мнению Г. Г. Косача, внутрисаудовские террористические организации не были объединены в единую общенациональную, и нет убедительных оснований считать, что эти ячейки способны координировать свои действия [2, 74]. В целом жестокие репрессии оправдали себя лишь частично и временно.

Террористические акты продолжались, так же как «кассетная пропаганда» радикальных исламистских улемов. К 2009 г. деятельность террористических организаций усилилась. Точное количество акций неизвестно до настоящего времени. Однако даже в саудовской прессе сообщалось о тех, которые, видимо, нельзя было оставить без комментариев в формате «цензурной политики» правительства, например, покушение на саудовского принца Мухаммеда ибн Наифа 28 августа 2009 г. Терракт был расценен как крупный провал спецслужб в том числе потому, что со времени убийства короля Фейсала это было первое покушение на члена монархического клана [3, 03.06.2009].

О внедрившейся в почву Саудовской Аравии сети радикально-ваххабитских террористических организаций свидетельствуют даже успехи спецслужб. Власти королевства 25 марта 2010 г. объявили о раскрытии террористической сети. Тогда спецслужбы арестовали 113 человек, среди которых были 58 саудовцев, 52 йеменца и по одному человеку из Эритреи, Сомали и Бангладеш. Все они входили в состав трех террористических групп, связанных с «Аль-Каидой». В ходе операции были ликвидированы также две базы экстремистов вблизи йеменской границы.

Пятнадцатого декабря 2011 г. последовал ряд новых громких терактов в Эр-Рияде. В свою очередь силы безопасности сумели провести серию удачных рейдов не только в королевстве, но и за его пределами. Так, в августе 2012 г. боевикам удалось взять под контроль несколько городов на юге Йемена. Преступники активно вербовали молодых приверженцев радикальных течений ислама, проводили испытания взрывных устройств, что не осталось без внимания сотрудников спецслужб.

В общем, бумеранг терроризма вернулся на исходную почву. Видимо, определение стратегии Королевского совета зависело от того, в какой степени радикальный исламизм мог получить поддержку у своих антагонистов – прозападно настроенных новых групп городского общества, интеллигенции, «нетитулованной» буржуазии – на фоне усиливающихся антимонархических настроений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кепель, Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма / Ж. Кепель. – М.: Ладомир, 2004. – 468 с.
2. Косач, Г. Г. Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ» / Г. Г. Косач. – М.: Институт Ближнего Востока, 2007. – 360 с.
3. «Аль-Билед». Джидда (на арабск. яз.).
4. «Аль-Хадж». Мекка (на арабск. яз.).
5. «Аль-Хайят». Эр-Рияд (на арабск. яз.).
6. «Эр-Рияд». Эр-Рияд (на арабск. яз.).
7. «International Herald Tribune». L.
8. «Middle East Journal». Wash.
9. «New York Times». N.Y.
10. «News Week». N.Y.
11. «Oil and the Middle East». L.
12. «The Middle East and North Africa. 2004». L.

Каткова Е. Н., Павлов Р. В.
Elena N. Katkova, Radion V. Pavlov

**ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАРЬЕРНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ
ВЫПУСКНИКА В СТРУКТУРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА**

**EMPIRICAL STUDY OF THE CAREER POTENTIAL OF UNIVERSITY/COLLEGE
GRADUATES AS AN ELEMENT OF HUMAN CAPITAL ASSETS**

Каткова Елена Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17, корп. 2, ауд. 309; (4217) 59-14-92. E-mail: elenakatkova@mail.ru.

Ms. Elena N. Katkova – Associate Professor, PhD in Psychology, Department of Educational Psychology, the Amur State Institute of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681000, Komsomolsk-on-Amur, 17, Kirova Str., building 2, class 309; + 7 (4217) 591492. E-mail: elenakatkova@mail.ru.

Павлов Радион Владимирович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27, ауд. 410; (4217) 20-11-13. E-mail: radion_pavlov@mail.ru.

Mr. Radion V. Pavlov – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economy and Finance, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenina Str., class 410; +7 (4217) 201113. E-mail: radion_pavlov@mail.ru

Аннотация. Авторы данной статьи приводят исследования, которые представили влияние психологических характеристик некоторых групп будущих выпускников вузов и школ на их карьерные ожидания как важный компонент человеческого капитала в условиях социальной и экономической нестабильности.

Summary. The paper presents the result of several researches which have revealed how psychological characteristics of certain groups of future university/college graduates may impact their representations about career as an important component of human capital assets in the context of social and economic instability.

Ключевые слова: человеческий капитал, представления, будущая карьера, выпускник, совокупный субъект.

Key words: human capital assets, representations, future career, graduate, collective actor.

УДК 159.9:33

На базе теорий системных описаний человека, разработанных В. М. Бехтеревым, Б. Г. Ананьевым, В. А. Ганзенем, А. И. Юрьевым, можно изучить целостный образ представлений выпускника о собственной карьере. Мы полагаем, что неэффективная реализация существующих возможностей выпускников и молодых специалистов на рынке труда кроется в психологических характеристиках человеческого капитала. В практике исследования человеческого капитала недостаточно широко применяются междисциплинарные подходы к изучению развития человека. Исследования природы человека не интегрированы, рассыпаны по многочисленным областям знания, что приводит к фрагментарности эмпирических оценок человеческого капитала [1].

С целью изучения психологического компонента «жизнеспособность» в структуре человеческого капитала через анализ психологических представлений совокупного субъекта студентам 5-го курса АмГПГУ и учащимся 11 классов школ № 1, 31 г. Комсомольска-на-Амуре было предложено написать сочинение на тему «Моя будущая карьера». В исследовании приняли участие 450 человек. В задании испытуемым нужно было описать свои мысли о жизненных целях, планы и смыслы будущей карьеры. Они должны были раскрыть свой взгляд на карьеру, отметить причины и особенности выбора профессии, охарактеризовать образ будущего и раскрыть собственные стратегии достижения карьерного успеха. В описании результатов исследования мы использовали выработанные нами критерии, которые расшифровывают представления студентов и школьников, изложенные ими в текстах сочинений:

реалистичность – логическая последовательность запланированных действий субъекта, сформированные представления соответствуют реальному продвижению человека по службе в какой-либо профессиональной области;

целостность – представления не имеют пробелов, отдельные части и признаки представлены ярко в целостной взаимосвязи; наличие общих представлений о карьере, сочетании личностных, семейных, профессиональных ценностей и амбиций в построении карьерных планов;

полнота – соблюдение наглядности, воспроизведение переработанных образов будущей карьеры в виде подробного текста на основе полученного прошлого опыта; максимально возможное точное описание карьерных шагов с учетом конкретной внутренней мотивации субъекта; наличие практического опыта трудовой деятельности в желаемой области, а также рассмотрение человеком разных вариантов карьеры, которые могут привести к одной цели.

Исходя из данных критериев, мы обнаружили 9 групп представлений испытуемых, которые были сгруппированы нами в процентном соотношении:

- 1) реалистичные, целостные, полные – 0,4 %;
- 2) иллюзорные, фрагментарные, неполные – 43,5 %;
- 3) реалистичные, фрагментарные, полные – 7 %;
- 4) иллюзорные, фрагментарные, полные – 3,3 %;
- 5) иллюзорные, целостные, неполные – 5,8 %;
- 6) реалистичные, целостные, неполные – 5 %;
- 7) реалистичные, фрагментарные, неполные – 30,8 %;
- 8) иллюзорные, целостные, полные – 1,2 %;
- 9) отсутствие представлений о карьере – 3 %.

Первая группа испытуемых, имеющих реалистичные, целостные, полные представления, отображает адекватные представления о своем будущем профессиональном пути. Например, студент факультета истории и юриспруденции пишет следующее: «... в 25 лет я уже буду женат, у меня родится первый ребенок (сын Владислав), буду работать учителем истории и обществознания в школе, одновременно буду учиться в аспирантуре и заниматься научной деятельностью, а также активно заниматься творчеством и научной деятельностью... В 30 лет – буду работать в университете, имея ученую степень кандидата исторических наук, обязательно обрету статус признанного писателя, буду создавать домашнее подсобное хозяйство, будет дружная семья, к этому возрасту у меня должен уже родиться третий ребенок, желательно девочка, назову Юнона... В 35 лет – собираюсь понемногу отходить от преподавательской деятельности и вплотную заняться домашним хозяйством, при этом буду продолжать заниматься литературным творчеством, обязательно попробую себя в других областях, в живописи, музыке и пр., а с женой у нас уже будет четверо детей и будем планировать пятого... В 40 лет – у меня будет крепкая большая семья, будем иметь большое экономически самостоятельное хозяйство, потому что я хочу обеспечить свою семью хоро-

шими продуктами питания, буду подрабатывать в университете, продолжать писательскую деятельность, я буду счастлив с такой женой, которая посвятит свою жизнь воспитанию детей. Хочу встретить старость среди множества детей и внуков, потому что семья – это главное в жизни человека. Если в стране бардак и у тебя нет семьи, ты пропадешь...».

Вторая группа (иллюзорные, фрагментарные, неполные представления) в самой меньшей степени отображает полноту представлений. Например, студент института филологии пишет: «... после окончания университета отслужу армию, потом пойду работать в школу, в 25 лет поеду на стажировку в Японию, к 28-ми годам стану профессиональным переводчиком, в 31 год поступлю в школу боевых искусств и в 37 лет получу степень “сенсея”, в 39 лет пойду на курсы дизайнера и через год пойду работать дизайнером в японском магазине. Потом в 43 года поступлю в экспедицию связанную с раскопками. Там найду редкий металл, за который получу награду, мне будет уже 46 лет, а через год куплю дом в Италии возле моря, буду изучать итальянский язык. В 50 лет открою небольшое кафе “Русские блины” и буду работать там до конца жизни...».

Группа реалистичных, фрагментарных, неполных представлений составила треть сочинений (седьмая группа). Примером подобных сочинений может быть текст студентки института педагогики и психологии: «...рожаю ребенка и сижу в декрете, потом рожаю второго ребенка и сижу еще 3 года. В 30 лет устраюсь куда-нибудь уборщицей на пол дня, пока дети в детском саду. А вообще работать не буду, у меня есть муж, который должен меня обеспечивать!».

Исходя из полученного нами процентного соотношения, мы сделали вывод, что у выпускников преобладают иллюзорные, фрагментарные, неполные представления о своем будущем профессиональном пути. Это свидетельствует о том, что студенты абстрактно понимают сущность карьеры и не могут отнести это к собственным карьерным планам. В основном это иллюзорные планы, выбор запланированных должностей не соответствует полученной специальности и порой не соответствует реальности. Многие сочинения не отображают семейные планы. Самый низкий результат получился в первой группе представлений, которая отображает реалистичные, целостные, полные представления о своем будущем профессиональном пути.

На втором этапе нашего исследования мы подвергли статистической обработке сочинения методом контент-анализа, с помощью методики расслоения интеркорреляционной матрицы [2]. На рис. 1 изображены представления совокупного субъекта в корреляционной плеяде «выпускники школ». В плеяде обнаружено, что они представляют свое будущее после окончания школы в профессии учителя и депутата, которые тесно связаны между собой. При этом школьники видят выход на профессию депутата и переводчика через профессию учителя. В плеяде слово «армия» отталкивается от слов «я» и «пробую», т.е. они будут пробовать избежать армии. Слово «работа» отталкивается от слова «могу», из этого следует вывод, что они не могут работать там, где им предлагают. Слово «нравится» отталкивается от слова «могу», т.е. им не нравится то, что они могут. Связка слов «могу», «знания» говорит о том, что они связывают свои возможности с наличием определенных знаний. Школьники видят свои возможности в карьере через повышение квалификации, и они планируют это сделать (слова «буду» «повышать» «квалификацию» имеют самую тесную связь). Через повышение квалификации они станут такими специалистами, которые будут иметь у себя в подчинении людей, т.е. в целом они связывают свои планы с управленческой деятельностью.

На рис. 2 изображена корреляционная плеяда представлений о будущей карьере в отражении выпускников АмГПУ. Они планируют служить в армии, занимать должность менеджера предприятия, устроиться на курсы повышения квалификации, получить работу продавца, а свой дальнейший карьерный рост видят через получение второго высшего образования. Нами обнаружены 3 отталкиваемых слова «директор», «маркетолог», «учитель», эти категории несут в себе отрицательное значение. «Учитель» отталкивается от слов «перевод-

чик», «буду», иными словами, «Я не буду учителем иностранного языка, а буду переводчиком», т.е., получая квалификацию учителя, они свою карьеру не связывают с преподавательской деятельностью. Слово «директор» отталкивается от слов «занимаю», «менеджер», «предприятие», «школа», «маркетолог». Это говорит о том, что выпускники вуза в заявленных областях не видят себя в директорской должности. Слово «маркетолог» отталкивается от слов «директор», «работа», «продавец». Это говорит о том, что сейчас сложно устроиться на должность «маркетолога», имея образование маркетолога, и еще сложнее быть директором в маркетинговой службе. В основном выпускники хотят быть начальниками.

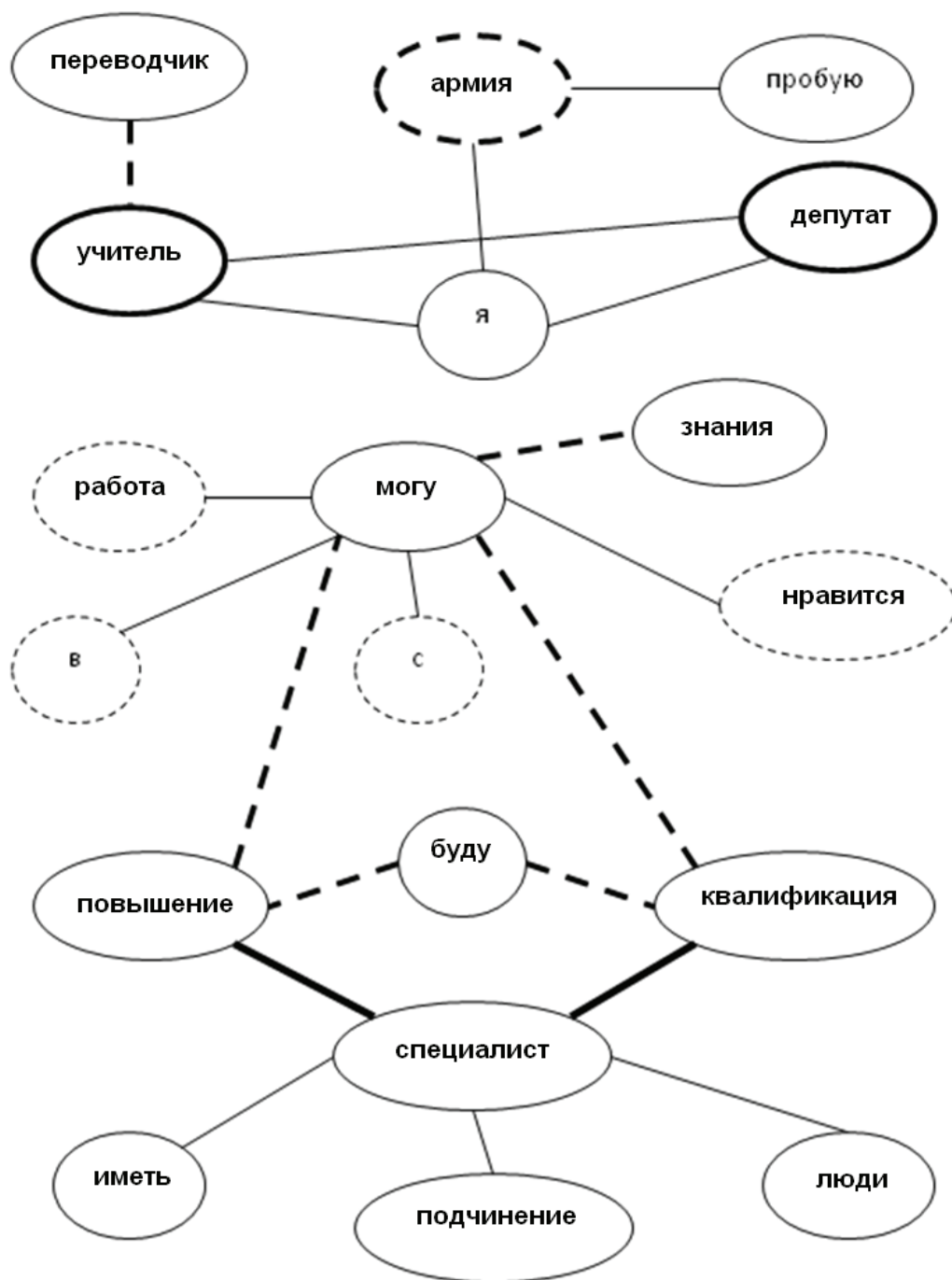

Рис. 1. Корреляционная плеяда, отражающая представления выпускников школ о собственной карьере

как планировать свой карьерный рост, у них нет четкого плана развития своей карьеры. Выпускники не представляют всех трудностей, связанных с началом работы, не в полной мере владеют информацией о будущей работе. Присутствуют излишние амбиции выпускников, их нереалистично завышенные ожидания и желание сразу занять высшую должность в организации. Студенты не замечают тех перспектив, которых они могли бы достичь.

Собранные нами результаты позволили выявить схожие и различные черты содержания представлений о своей будущей карьере у выпускников университета и школы. Общность представлений заключается в том, что они планируют занимать руководящие должности, они понимают, что нет перспектив развития в той должности, на которую они учились. Они хотят получать второе образование и проходить курсы повышения квалификации. Содержание текстов сочинений у школьников и студентов отличается по описанию их желаний служить в армии. Если в сочинениях школьников прослеживается тенденция в нежелании идти в армию, то у студентов прослеживается уже неизбежность службы в армии. Некоторые студенты с удовольствием собираются идти в армию, т.к. им не нужно будет «суетиться» в поисках работы и думать, что делать дальше после окончания университета. Все обнаруженные нами факты говорят о том, что учащимся и студентам крайне необходима психологическая помощь и специализированная экономическая подготовка к трудовому пути в современных экономических условиях.

Таким образом, мы можем утверждать, что точные представления выпускников о будущей жизни и карьере являются выражением жизнеспособности молодых людей, которая, в свою очередь, является ценным психологическим качеством в структуре человеческого капитала (стрессоустойчивость, переживание психологической безопасности личности, способность к саморазвитию и самореализации, высокая социальная активность, адаптивность и мобильность, способность к культурно-нравственному развитию, профессиональные способности). Кроме этого, выпускники и школ, и университета нуждаются в психологическом сопровождении их карьерных стратегий. Нами были разработаны рекомендации работникам Центров содействия трудоустройству студентов и выпускников АмГПУ и КнАГТУ, а также факультетским руководителям, которые проводят профориентационную работу среди школьников г. Комсомольска-на-Амуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каткова, Е. Н. Предпринимательская деятельность как повышение качества жизни молодежи в условиях инновационной экономики / Е. Н. Каткова, О. В. Шевчукова // Проблема качества жизни современной молодежи: материалы Всерос. заочной науч.-практ. конф., Комсомольск-на-Амуре, 14 февр. – 14 марта 2011 г. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПУ, 2011. – С. 121-135.
2. Суходольский, Г. В. Основы математической статистики для психологов / Г. В. Суходольский. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. – 425 с.

Махова М. Ю., Опевалова Е. В.

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ПРАВОСОЗНАНИЯ СУБЪЕКТА В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Махова И. Ю., Опевалова Е. В.

Irina Yu. Makhova, Ekaterina V. Opevalova

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ПРАВОСОЗНАНИЯ СУБЪЕКТА В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

ON THE PROBLEM OF PSYCHOLOGICAL CRITERIA FOR LEGAL AWARENESS ASSESSMENT OF A SUBJECT IN A PHENOMENOLOGICAL STUDY

Махова Ирина Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: miu60@mail.ru.

Ms. Irina Yu. Makhova – PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Educational Psychology, the Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: miu60@mail.ru.

Опевалова Екатерина Васильевна – кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре).

Ms. Ekaterina V. Opevalova – PhD in Psychology, Professor, Department of Educational Psychology, the Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur).

Аннотация. С позиций феноменологического подхода и анализа специальной литературы по правовой психологии определены психологические критерии оценки уровня правосознания отдельного субъекта: эмоциональное отношение к правовым объектам; объекты правовых идентификаций; оценочные суждения по поводу преступления (модальность эмоциональной окраски, характер суждений; мотивы, установки поведения в контексте правовой ситуации, образующие направленность личности, ее позицию; рефлексивность/арефлексивность, отношение к своему правовому поведению (правовая самооценка). Проведены апробация критериев на основе анализа текста дискуссии программы «Свобода и справедливость» от 26.11.2012 на тему «Коррупция в образовании: что изменилось за последний год» и определение уровня правового сознания одного из участников дискуссии.

Summary. The paper, in the framework of phenomenological approach, reviews specialized literature on legal psychology matters and determines psychological criteria for the assessment of legal awareness of an individual actor, such as: emotional attitude towards legal objects; objects of legal identifications; evaluative judgments concerning crime (emotional colouring modality, types of judgment, motives and attitudes of behavior in the context of a certain legal situation which form one's personal position; reflexivity/a-reflexivity, assessment of one's own legal behavior). We have carried out the piloting of the criteria by analyzing the text of a discussion TV-program "Liberty and Justice" (26 of November, 2012) where the subject "Corruption in the Educational Field: a Year After. What has Changed?". The assessment of the level of legal awareness of each of the discussion participant was done.

Ключевые слова: феноменологический подход, психологические критерии, правосознание, эмоциональное отношение к правовым объектам, объекты правовых идентификаций, рефлексивность.

Key words: phenomenological approach, psychological criteria, legal awareness, emotional attitude towards legal objects, objects of legal identifications, reflexivity.

УДК 159.9

Закон как основание функционирования современных обществ определяет их движение по пути цивилизации. Однако идеи демократии, полного удовлетворения потребностей, свобод и прав, ставящие интересы человека в центр интересов общества, лицемерны вне торжества закона [12]. Психологическая интерпретация функционирования закона в обществе выражена в переживании людьми справедливости (несправедливости) происходящего. Субъективность этих переживаний определяет актуальность проблемы критериев оценки правовой ситуации в обществе.

В условиях современной России актуальность проблемы психологических критериев оценки правосознания субъекта обусловлена рядом причин. Во-первых, можно констатировать противоречивость и неопределенность ориентаций россиян в правовом поле. Сложилось привычное «противостояние закону» (хабитуализация преступления), когда, например, участники дорожного движения предупреждают друг друга, мигая фарами, об «опасности» в виде патруля ГИБДД. Общепринятой установкой россиян является «аморальность» «доносительства». Во-вторых, обнаруживается независимость правовых установок субъектов правоотношений от уровня их образования, служебного статуса, публичности, обусловленная сращиванием власти и преступности. Данная тенденция получила широкое распространение в 90-е годы прошлого столетия и продолжает определять современную правовую ситуацию. Третья причина, обуславливающая актуальность выработки критериев психологической оценки правосознания, связана с проблемами правовой социализации и воспроизводства правового сознания в масштабе поколений. Подражание даже самым уважаемым представителям общества (не запятанным президентам, министрам, преподавателям высшей школы) и идентификация с их позицией не гарантируют присвоения образцов правового поведения и правосознания.

Исследователи в области юридической психологии С. С. Алексеев [2], Ю. М. Антонян [3], Р. С. Байниязов [5], В. Л. Васильев [6], М. И. Еникеев [7], И. А. Кудрявцев [11] и другие констатируют, что люди отличаются друг от друга особенностями своего отношения к нормам права. По мнению М. И. Еникеева, нравственная личность испытывает настоятельную нравственную потребность, в связи с чем для нее характерны устойчивое правоисполнительное поведение и соблюдение норм права. Автор выделяет несколько видов поведения и типов личности в контексте правоотношений: солидарную с правом личность, характеризующуюся принятием правовых норм, личность, которой свойственен правовой нигилизм (отрицание правовых ценностей), и преступников. Последние отличаются негативным содержанием ценностно-нормативной системы и специфическими признаками нравственно-психологического облика [7].

Тип преступного поведения, который преобладает в современной России, – корыстная преступность. При этом способы преступлений становятся более изощренными и интеллектуальными, что указывает на вовлечение в преступную деятельность людей, имеющих высшее образование, широкий кругозор и определенный уровень культуры. Данная тенденция связана с криминализацией содержания телепередач, художественной продукции (кинофильмы, литературные произведения, песни и т.п.), превращением криминала в обыденный атрибут повседневной жизни людей [7]. В этой ситуации стираются различия между правовыми и неправомерными вариантами поведения, трудноопределимыми становятся границы правосознания и преступного сознания личности.

Целью нашего исследования явилось определение психологических критериев оценки уровня правосознания отдельного субъекта. Мы предположили, что по психологическим проявлениям субъекта, выраженным в его коммуникативном поведении, публичных высказываниях по поводу правовой ситуации, можно определить уровень его индивидуального правосознания. Поиск психологических критериев оценки уровня правосознания осуществлялся нами в рамках феноменологического подхода, получившего распространение в совре-

менной гуманитарной науке, в том числе и психологической. Принципы феноменологического исследования обеспечивают сохранение реальности психических проявлений, хотя и ценой «объективности» [8], которая компенсируется диалогичностью и «обоюдностью перспектив» решения проблемы справедливости для объекта и субъекта исследования и их «смысловой конгруэнтностью» [1]. Результаты феноменологического исследования проецируются в праксеосферу, проясняя ее основания, проблемы и возникающие в ходе их решения интерпретационные смыслы (М. П. Арутюнян [3], И. Ю. Махова [13] и др.).

В качестве материала для анализа был взят текст дискуссии в телевизионной программе Первого канала «Свобода и справедливость» от 26.11.2012 на тему «Коррупция в образовании: что изменилось за последний год» [9]. Феноменологизация, т.е. первоначальная категоризация психологических критериев оценки уровня правосознания субъекта, осуществлялась в двух направлениях: с одной стороны, на основе анализа специальной литературы, и, с другой стороны, на основе анализа представленных в тексте дискуссии реальных психических проявлений субъекта в правовой ситуации.

Экспертная оценка правосознания субъекта предполагает специальные познания в области правовой психологии (В. Л. Васильев [6], М. М. Коченов [10], Ф. С. Сафуанов [16], Ю. В. Чуфаровский [17] и др.).

Рассмотрим, что понимается под правосознанием в современной юридической психологии. Функциональная структура правового сознания наиболее подробное рассмотрение нашла в работах А. Р. Ратинова [15], который отмечает, что правосознание является средством реализации права в общественной практике, поэтому получение сведений о содержании правосознания различных слоев общества и социальных групп, его состоянии и изменении является актуальной задачей и насущной практической потребностью социально-психологических и психолого-правовых исследований. Автор подчеркивает, что правосознание имеет свой познавательный аппарат, свою систему ценностей и способов оценки, свои методы управления практической деятельностью. Соответственно, он выделяет три функции правосознания: познавательную, оценочную и регулятивную.

В структуру правосознания, предложенную А. Р. Ратиновым, входит несколько видов оценочных отношений. Это, во-первых, отношения к правовым принципам, институтам и нормам; во-вторых, отношения к правонарушениям, т.е. к посягательствам на правоохраняемые ценности; в-третьих, отношения к правоохранительным органам и их деятельности; в-четвертых, отношение к своему правовому поведению (правовая самооценка). Эти отношения выражаются *в оценочных суждениях*, которые могут быть получены в эмпирическом исследовании с большей или меньшей степенью соответствия подлинным мнениям обследуемых лиц. В качестве индикаторов автором используются вопросы и задания, выявляющие мнения респондентов о сравнительной тяжести различных правонарушений, эффективности работы правоохранительных органов и т.д. На степень солидарности с правом и одобрения практики его применения указывает соответствие или расхождение с позицией законодателя. *Ценностные отношения*, представляющие собой интеллектуально-эмоциональные образования, не реализуются на практике без пусковых и движущих механизмов деятельности. Роль пускового механизма выполняет волевой компонент, который и обеспечивает действия субъекта в том или ином направлении, что приводит к интеллектуально-эмоциональным волевым образованиям – *социально-правовым установкам*. Социальными установками традиционно обозначается склонность личности воспринимать и оценивать какие-либо социальные факты и другие объекты каким-либо образом и *готовность действовать в отношении данных объектов в соответствии с этими оценками*. Установки организуются в систему ценностных ориентаций, которые, в свою очередь, определяют *направленность личности*, ее позицию и характеризуют *содержательную сторону ценностных ориентаций*. Таким образом, по мнению А. Р. Ратинова, *регулятивная функция правосознания осуществляется посредством правовых установок и ориентаций, синтезирующих в себе все иные источники правовой активности*.

Анализ специальной литературы показал, что структура правосознания с позиции глубины отражения правовых явлений представлена двумя уровнями: *обыденным* правосознанием и *теоретическим*. Обыденное правосознание носит *эмпирический* характер, порождается повседневными условиями жизни людей, ограничивается непосредственными нуждами и сводится преимущественно к обиходным представлениям, оценкам, навыкам поведения. Теоретическое правосознание обеспечивает проникновение в *сущность явлений, выявление их закономерностей*. Выражается теоретический уровень правосознания в системе взглядов, концепций, теорий. В работах Ю. В. Чуфаровского представлены основания дифференциации правосознания – его носители и широта распространения. По этим основаниям можно выделить следующие виды правосознания: массовое, специализированное, локальное. По носителям (субъектам) – индивидуальное, групповое, общественное (массовое) правосознание [17].

Теоретический анализ литературы по общей и юридической психологии позволил соотнести функциональную структуру сознания и правосознания с результатами его функционирования и дополнить эмпирическими показателями, выявленными в процессе анализа текста дискуссии «Коррупция в образовании: что изменилось за последний год» [9]. Результаты соотнесения представлены в табл. 1.

На наш взгляд, обсуждению подлежит не только определение границ проявления эмпирического критерия, но и его соответствие уровню правового сознания и поведения.

Таблица 1

Эмпирические показатели функционирования индивидуального правосознания

Основные функции сознания	Основные функции правосознания	Результаты функционирования	Эмпирические показатели
Функция отражения	Познавательная	Правовая подготовка	Юридические знания и умение ими пользоваться
Функция отношения, смыслообразование	Оценочная	Ценностные отношения к праву и практике его применения	Оценочные суждения (мнения) разной модальности (положительно или же отрицательно эмоционально-окрашенные)
Целеполагание	Регулятивная	Правовые установки, мотивы и ориентации в поведении	Поведенческие позиции (принимаемые решения, демонстрируемые установки, мотивы поведения)
Функция рефлексии (самоосознания)		Идентификации	Объекты идентификаций

Метод феноменологизации позволил определить следующие оценочные критерии проявления правового сознания и мировоззрения субъекта в правовом контексте:

1. Эмоциональное отношение к правовым объектам (правонарушителю, факту преступления, потерпевшему, правовым принципам, институтам и нормам, правоохранительным органам и их деятельности).
2. Объекты идентификаций (с какими правовыми объектами идентифицируется субъект).
3. Оценочные суждения по поводу преступления (модальность эмоциональной окраски: положительная или отрицательная), характер суждений (абстрактные/конкретные, трансдуктивные обобщения).

4. Мотивы, установки (*тенденция, или предрасположенность, личности воспринимать и оценивать* какие-либо объекты, факты социальной действительности определенным образом и *готовность действовать в отношении данных объектов в соответствии с этими оценками*). Доминирующие установки образуют *направленность личности*, определяют ее *позицию* и характеризуют содержательную сторону ценностных ориентаций, синтезирующих в себе все иные источники правовой активности.

5. Рефлексивность. Рассуждения по поводу своего правового поведения (правовая самооценка) и проективные рассуждения по поводу поступков и поведения других людей (правовая оценка). Обнаруживается рефлексивность и в динамике общей позиции по отношению к правовым объектам, выраженной в изменении суждений.

Основным методом исследования выступил феноменологический анализ суждений, который широко используется в психологии при изучении уровней морального сознания с помощью моральных дилемм Л. Колберга в исследованиях интеллекта детей.

В качестве материала для анализа был взят текст. Анализу подвергнуты суждения одного субъекта (Б. Н. И.) в рамках дискуссии на тему «Коррупция в образовании: что изменилось за последний год» (Телевизионная программа «Свобода и справедливость» от 26.11.2012) [9]. В табл. 2 приводится оценка суждений субъекта дискуссии в соответствии с выделенными в ходе первичной категоризации критериями.

Таблица 2

Критерии оценки проявления сознания (мировоззрения) субъекта в контексте правовой ситуации

Оценочные критерии	Высказывания Б. Н. И. из текста дискуссии	Комментарий
1. Эмоциональное отношение к правовым объектам: а) правонарушителю	Его уволили и правильно сделали	Отношение отрицательное. Суждение оценочное
б) факту преступления	Не брали никаких денег со студентов за оценки. Этой срамоты никогда в моей практике не было, и сегодня нет. Не верю! Дешево сыграно, плохо. Отвратительные съемки. Такого, знаете, сколько наснимать можно? Примитивно. Какие суммы? Копейки? Да что нас развлекают? ... это неправда. А девочка трусики показывает на потребу публики. ...этот сюжет ничего кроме какого-то недоверия и брезгливости не вызывает, что-то там с жирами на кафедре, сумма не указана, 14 студентов сбросились по копеечке... Убогая ситуация, убогие люди. Я считаю, нас унижает это видео. Это нельзя примерять, современную ситуацию, интеллектуальный потенциал вузов этим	Отношение отрицательное. Суждение оценочное. Отрицание факта правонарушения, закрытость правовому опыту. Дегуманизация участников преступления. Защитный механизм «отрицание»
в) потерпевшему	Год назад в этой студии ужасная была история, мальчик попросил милицию установить видеокamеры и следить, как молодая преподавательница берет 700 рублей со студента, а потом горевал, что с ним товарищи не разговаривают. Это разговор был морально-нравственный	Отношение отрицательное. Суждение оценочное – обесценивание и дегуманизация потерпевшего и его поступка

Оценочные критерии	Высказывания Б. Н. И. из текста дискуссии	Комментарий
2. Объекты идентификаций	<p>В тот момент я точно знала, что на кафедре Всеобщей истории, той, которую я знаю 40 лет... Я 40 лет работаю в РГГУ, 41-й.</p> <p>Не брали никаких денег со студентов за оценки.</p> <p>Убогая ситуация, убогие люди. Я считаю, нас унижает это видео. Это нельзя примерять, современную ситуацию, интеллектуальный потенциал вузов этим.</p> <p>Не надо! Современный студент на Тойоте паркуется и давит профессора</p>	<p>Скрытая идентификация с правонарушителем (преподавателем).</p> <p>Деидентификация со студентами (потерпевшими)</p>
3. Оценочные суждения по поводу преступления, обнаруживающие установки мотивы поведения. Характер суждений (уровень обобщения)	<p>И год назад не брали, и сегодня. Попробуй за всемирную историю заплати 700 рублей – убьют. Мои преподаватели убьют этого студента.</p> <p>На самом деле, что проказа очень велика с до нашей эры, это вы абсолютно правы</p> <p>ВЕДУЩИЙ: Я предлагаю, все-таки, вопросы коррупции не обсуждать с до нашей эры.</p> <p>Н.И.Б.: А я иначе не умею.</p> <p>Убогая ситуация, убогие люди. Я считаю, нас унижает это видео. Это нельзя примерять, современную ситуацию, интеллектуальный потенциал вузов этим.</p> <p>Не надо! Современный студент на Тойоте паркуется и давит профессора</p>	<p>Закрытость правовому опыту; необоснованное расширение оснований, обобщения (огульные выводы).</p> <p>Обвинительная позиция (в отношении к потерпевшим, студентам); отрицательное отношение к объекту преступления (потерпевшему студенту); трансдуктивное обобщение (от частного к частному), обнаруживающее <i>тенденциозную</i> деидентификацию со студентами (потерпевшими)</p>
4. Рефлексивность	<p>НАЧАЛО ДИСКУССИИ. «РГГУ создан на базе Московского государственного историко-архивного. Я пришла туда в 1971 году. Студенты не верят, что столько времени можно жить, а я столько времени преподаю. Не брали никаких денег со студентов за оценки. Этой срамоты никогда в моей практике не было, и сегодня нет».</p> <p>КОНЕЦ ДИСКУССИИ. «Он мне неприятен. Он пошел в милицию, нанял видеокамеры...</p> <p>Вы знаете, чисто теоретически, наверное, это правильно: все надо изучать конкретно и так далее.</p> <p>В моей давней практике в РГГУ – я 41 год... В моей практике было несколько, когда я была в администрации (сейчас несколько лет не отношусь к ней). Немедленно увольняли такого преподавателя.</p> <p>Рыночное мышление. Допускаю.</p> <p>Позвольте полслова. Прозвучало удивительное. Мало платят преподавателям. На самом деле, не много, то, что могут, вузы сами кое-что добавляют. Что же делать – брать взятки. Да у меня на кафедре меньше, чем в двух местах не работает ни один молодой преподаватель. Как правило, в трех. По ночам они делают переводы за деньги. Это не есть хорошо, но они встали на этот путь, а не на взятки. И не могут. Это правда»</p>	<p>Низкая динамика позиции и суждений в ходе дискуссии.</p> <p>Частичное признание отдельных фактов, защитный механизм «рационализация»</p>

Проведенный анализ суждений в соответствии с критериями позволил следующим образом охарактеризовать правосознание Б. Н. И.:

1. Эмоциональный компонент отношений в структуре правосознания Б. Н. И. содержит отрицательное отношение к факту преступления («Его уволили и правильно сделали») и амбивалентное отношение к правонарушителю, что обнаруживается в суждениях, содержащих скрытую (неосознаваемую) идентификацию с правонарушителем, защитные механизмы отрицания («Этой срамоты никогда в моей практике не было, и сегодня нет») и рационализации фактов преступления («Рыночное мышление. Допускаю... Мало платят преподавателям... Да у меня на кафедре меньше, чем в двух местах не работает ни один молодой преподаватель. Как правило, в трех...»).

2. Обнаружены закрытость правовому опыту, всеобщий характер суждений при оценке конкретных фактов («...На самом деле, что проказа очень велика с до нашей эры, это вы абсолютно правы»), обесценивание и дегуманизация потерпевших и их поступков, которые направлены на борьбу с коррупцией («...ужасная была история, мальчик попросил милицию установить видеокамеры и следить, как молодая преподавательница берет 700 рублей со студента, а потом *горевал, что с ним товарищи не разговаривают... Какие суммы? Копейки?* Да что нас развлекают? ...»).

3. Мотивы и установки в поведении в правовом контексте обладают следующими особенностями: наличием обвинительной позиции в отношении к потерпевшим от коррупционной деятельности студентам, причем отрицательное отношение может быть охарактеризовано как тенденциозное, т.к. проявляется по отношению к обобщенному трансдуктивным способом (от частного к частному) объекту («современный студент»), с которым Б. Н. И. деидентифицируется (*Не надо! Современный студент на Тойоте паркуется и давит профессора*).

4. Под давлением фактов и суждений других участников дискуссии наблюдается некоторая динамика суждений («...чисто теоретически, наверное, это правильно: все надо изучать конкретно и так далее... В моей практике было несколько... Немедленно увольняли такого преподавателя...») при сохранении недостаточной рефлексированности собственных суждений. Об этом можно судить на основе сравнения высказываний в начале и конце дискуссии: сохраняется негативное отношение к потерпевшим, частичное признание наличия фактов преступления (взяточничества). Подсознание субъекта через защитные механизмы отрицания и рационализации препятствуют рефлексии.

5. Наблюдается устойчивость поведенческой позиции (направленности) объекта анализа (Б. Н. И.), указывающей на низкую степень солидарности с правом и одобрения практики его применения.

6. Общая оценка уровня правового сознания субъекта Б. Н. И. характеризуется как *обыденное*, носит *амбивалентный оценочный по отношению к праву* характер. Суждения в контексте правовой ситуации обнаруживают трансдуктивный характер обобщений; рефлексия, определяющая теоретический уровень правового сознания, отсутствует: субъект не стремится проникнуть в сущность явлений, познать их причины и закономерности неправомерного поведения в сфере, являющейся для него профессиональной (высшее образование). *Следовательно, уровень регуляции (уровень правосознания) данного субъекта в правовом контексте низкий.*

Таким образом, с позиций феноменологического подхода и анализа специальной литературы по правовой психологии определены психологические критерии оценки уровня правосознания отдельного субъекта:

1) эмоциональное отношение к правовым объектам (правонарушителю, факту преступления, потерпевшему, правовым принципам, институтам и нормам, правоохранительным органам и их деятельности);

2) объекты идентификаций (правовые объекты, с которыми идентифицируется субъект, указывают на его позицию в контексте правоотношений);

3) оценочные суждения по поводу преступления (модальность эмоциональной окраски: положительная или отрицательная), характер суждений (уровень и способ обобщения, абстрактные или конкретные данные суждения);

4) мотивы, установки (готовность действовать в отношении данных объектов в соответствии с этими оценками). Доминирующие установки образуют *направленность личности*, определяют *ее позицию*, характеризуют содержательную сторону ценностных ориентаций и определяют источники правовой активности субъекта. Обнаруживается тип регуляции (направленности) посредством определения степени солидарности с законом и правоприменением;

5) рефлексивность/арефлексивность, отношение к своему правовому поведению (правовая самооценка) и проективная оценка других лиц в правовом контексте.

Проведенная апробация критериев на основе анализа текста дискуссии программы «Свобода и справедливость» от 26.11.2012 на тему «Коррупция в образовании, год спустя, что изменилось» указывает на их достаточную валидность в определении уровня правового сознания личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абушенко, В. Л. Феноменологическая социология / В. Л. Абушенко // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. – Минск: Изд-во В. М. Скакун, 1998. – С. 750-751.
2. Алексеев, С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 1 / С. С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1981. – 361 с.
3. Антонян, Ю. М. Психология преступника и расследование преступления / Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Эминов. – М.: Юрид. лит., 1996. – 143 с.
4. Арутюнян, М. П. Феномен мировоззрения: моногр. / М. П. Арутюнян. – Хабаровск: Изд-во ДВГТУ, 2006. – 322 с.
5. Байниязов, Р. С. Правосознание: психологические аспекты / Р. С. Байниязов // Правоведение. – 1998. – № 3. – С. 16-21.
6. Васильев, В. Л. Юридическая психология / В. Л. Васильев. – СПб.: Питер Пресс, 1997. – 656 с.
7. Еникеев, М. И. Юридическая психология / М. И. Еникеев. – СПб.: Питер, 2006. – 256 с.
8. Зинченко, В. П. Проблема объективного метода в психологии / В. П. Зинченко, М. К. Мамардашвили // Вопросы философии. – 1977. – № 7. – С. 109-125.
9. Коррупция в образовании: что изменилось за последний год [Электронный ресурс]: текст дискуссии на Первом канале телевидения. Программа «Свобода и справедливость». – Режим доступа: http://www.1tv.ru/sprojects_edition/si5833/fi19628.
10. Коченов, М. М. Судебно-психологическая экспертиза / М. М. Коченов. – М.: Юрид. лит., 1977. – 179 с.
11. Кудрявцев, И. А. Деятельностный подход при экспертном анализе агрессивного-насильственных правонарушений / И. А. Кудрявцев, Н. А. Ратинова, О. Ф. Савина // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18. – № 3. – С. 45-57.
12. Мамонтова, С. Н. Прикладная Юридическая Психология / С. Н. Мамонтова. – М.: Юнити-Дана, 2001. – 508 с.
13. Психология компетентности: феноменология, диагностика и динамика в условиях российского вуза: моногр. / И. Ю. Махова, М. Ю. Махова, С. Р. Зенина [и др.]; под общ. ред. И. Ю. Маховой. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсом.-на-Амуре гос. пед. ун-та, 2006. – 388 с.
14. Ефремова, Г. Х. Правовая психология и преступное поведение. Теория и методология исследования: моногр. / Г. Х. Ефремова, А. Р. Ратинов. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 256 с.
15. Ратинов, А. Р. Методологические вопросы юридической психологии // Психологический журнал. – 1983. – Т. 4. – № 4. – С. 107-118.
16. Сафуанов, Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: науч.-практ. пособие / Ф. С. Сафуанов. – М.: Гардарики, Смысл, 1998. – 192 с.
17. Чуфаровский, Ю. В. Юридическая психология: учеб. пособие / Ю. В. Чуфаровский. – М.: Право и Закон, 1997. – 320 с.

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.

АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ: ДИНАМИКА ПРОЦЕССА

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.

Tatiana E. Nalivayko, Marina V. Shynkoruk

АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ: ДИНАМИКА ПРОЦЕССА

**STUDENTS' ADAPTATION TO EDUCATIONAL PROCESS
AT A COLLEGE/UNIVERSITY: DYNAMICS**

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; 8-(4217)-53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru

Ms. Tatiana E. Nalivayko – Doctor of Education, Professor, Head of Department for Education Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenina Str.; 8-4217-53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru

Шинкорук Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Вокзальная, д. 48/1, кв. 21; 8-(4217)-27-28-05. E-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru

Ms. Marina V. Shynkoruk – PhD in Education, Associate Professor, Department for Education Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 48 Vokzalnaya Str., building 1, apt. 21; +7 (4217) 272805. E-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru.

Аннотация. В работе представлен опыт теоретического осмысления и практического изучения адаптации студентов к обучению в вузе как процесса и результата. Показана диалектическая связь процессуального и диагностического аспектов рассмотрения адаптации. Представлены характеристики процесса адаптации студентов к обучению: динамичность, противоречивость, контекстность, направленность, многофакторность и др. В ходе экспериментального исследования выявлены показатели, характеризующие динамику адаптационного процесса.

Summary. The paper offers a theoretical understanding and practical study of how students may adapt themselves to educational process and educational results at a college/university. We show a dialectical connection between the procedural and explorative aspects of the study of adaptation. We identify the process characteristics of students' adaptation to their studies: dynamics, inconsistency, context specificity, focus, multi-factorialness, etc. In our empirical study we also identify criteria which help describe the dynamics of the adaptation process.

Ключевые слова: адаптация, адаптационный процесс, образовательная среда вуза, диагностика, динамика, мониторинг, анкетирование, показатели, студенты, эмоциональное благополучие, готовность к обучению.

Key words: adaptation, adaptation process, university educational environment, diagnostics, dynamics monitoring, polling, indicators, students, emotional well-being, college readiness.

УДК 37.06.378.96

Новая высшая школа ориентирована на целостное профессионально-личностное становление обучающихся, обеспечивающее широкий спектр дальнейших жизненных стратегий, позволяющее воплотиться в разнообразии деятельностей со всей полнотой и индивиду-

альным своеобразием личности. Формирование компетенций, задаваемых сегодня в качестве образовательных результатов и целевых ориентиров организации образовательного процесса в единстве его учебной и воспитательной составляющих, необходимо предполагает активное включение студента в разнообразные виды деятельности уже с первого года обучения. Это, в свою очередь, актуализирует значимость готовности студента к обучению, которая формируется в процессе адаптации студента-первокурсника к образовательному процессу вуза.

Адаптация студентов к профессиональному обучению в вузе, традиционно трактуемая как освоение и принятие особенностей вузовской жизни, имеет в своём воплощении как минимум два аспекта, в соответствии с которыми её можно рассматривать как процесс и как результат.

Как результат адаптация предстаёт в совокупности показателей, отражающих готовность студента к обучению, предстающую в ряде аспектов: мотивационном, содержательном, технологическом, коммуникативном, социальном.

Как процесс адаптацию характеризуют следующие особенности:

- протяженность (от 6 месяцев до полутора лет [2, 77]);
- динамичность (наличие изменений как прогрессивного, так и регрессивного характера);
- латентность (адаптационные процессы не всегда лежат на поверхности и могут быть зафиксированы; порой студент не проявляет признаков адаптируемости на протяжении некоторого времени, по истечении которого приобретает стабильность и успешность);
- противоречивость (студент может внешне демонстрировать согласие и принятие норм вузовской жизни, но внутренне не принимать их и выражать протест, порой в скрытой форме (через соматические проявления, например));
- стохастичность (управление адаптационными процессами носит условный характер, при этом результаты адаптации прогнозируются вероятностно, негарантированно);
- направленность (адаптационный процесс всегда имеет свой вектор, в качестве которого в рассматриваемом контексте выступают целевые ориентиры образовательной и воспитательной политики вуза, ценности, декларируемые воспитательной средой университета);
- контекстность (в качестве контекста адаптации выступает социально-психологическая среда университета, задаваемая социальной политикой вуза, форматом горизонтальных и вертикальных коммуникаций, принятым в вузе, содержанием учебной и внеучебной деятельности, характером требований администрации к студентам и преподавателям и санкций, предусмотренных за несоблюдение этих требований, виртуальным образом идеального студента, задаваемым нормативными документами, регламентирующими деятельность университета и т.п.);
- многофакторность (на процесс адаптации оказывает влияние множество внешних (социально-экономические условия, воспитательные воздействия и т.п.) и внутренних (уровень мотивации, самооценка и т.п.), объективных (материальное положение, условия проживания, семейное положение и т.д.) и субъективных (коммуникативные умения, интеллектуальные способности, навыки самостоятельной деятельности и пр.) факторов.

При этом обозначенные аспекты (результативный и процессуальный) анализа адаптации могут дифференцироваться лишь условно, поскольку адаптационный процесс характеризует в первую очередь динамика результатов, констатируемых на входящем и исходящем этапах в ходе диагностических процедур, осуществляемых в рамках психолого-педагогической поддержки первокурсников. Осуществление диагностики при этом позволяет отследить наличие и характер изменений, проявляемых студентами, в соответствии с мотивационным, содержательным, технологическим и коммуникативным аспектами результатов адаптационного процесса [1].

Мониторинг результатов процесса адаптации студентов к обучению в вузе, осуществляемый нами как составляющая психолого-педагогической поддержки, позволяет констати-

ровать наличие положительной динамики, отражающейся в показателях (в данной работе представлены лишь некоторые из них):

- отношение к выбранной профессии, желание работать по специальности;
- удовлетворённость образовательным процессом;
- наличие навыков самостоятельной работы;
- характер отношений с преподавателями;
- характер взаимодействия с однокурсниками;
- удовлетворенность работой куратора;
- удовлетворенность организацией внеучебной деятельности;
- степень психологического комфорта;
- запрос в психологической помощи и др.

Анализ результатов исходящей диагностики показывает, что показатели отношения студентов к выбранной профессии на завершающем этапе адаптации возросли в среднем на 10 % по всем факультетам, значительно большее количество студентов стали выражать заинтересованность профессией, связывать с ней своё будущее, увидели перспективность и возможность личностной реализации в выбранной специальности. Эти изменения соотносятся с показателями субъективной оценки престижности вуза, рост которых также составил 10 % в среднем по вузу.

Выявляя особенности выработки обучающимися индивидуального характера учебной деятельности, мы отметили, что возросло количество студентов, ориентированных на систематическую, ежедневную самостоятельную работу, содержанием которой является изучение учебных дисциплин, расширение знаний об изучаемом, получение дополнительной информации об объекте изучения. При этом снизился процент студентов, предпочитающих «скачкообразный» режим подготовки, при котором выполнение необходимых заданий откладывается на последний момент, и основным психологическим механизмом обучения становится кратковременная и оперативная память, что не способствует формированию компетенций и развитию профессионального мышления.

На 27 % повысился уровень удовлетворенности студентов организацией образовательного процесса. Подавляющее большинство студентов всех факультетов отмечают высокий и удовлетворительный уровень организации обучения, что свидетельствует об усвоении и принятии требований к образовательному процессу, переходе на вузовский режим обучения, смене динамического стереотипа у студентов, успешно завершающих адаптацию. При этом, отвечая на вопрос о трудностях в сессионный период, 26 % студентов отмечают наличие трудностей организационного характера, 17 % студентов говорят, что не были внутренне готовы к режиму сессии, 18 % жалуются на непосильный для усвоения объем информации. Всё это свидетельствует о наличии проблем самоорганизации, трудностях в распределении времени труда и отдыха и требует дальнейшей поддержки студентов в этом аспекте.

В этой связи нами был задан первокурсникам вопрос о необходимости куратора академических групп, на который большинство студентов (80 %) ответили положительно, указав на необходимость введения такой должности в вузе. Работу куратора студенты связывают как с поддержкой в познавательной деятельности, так и с помощью в организации внеучебного времени. При этом 50 % первокурсников вуза полностью удовлетворены организацией внеучебной работы и 40 % удовлетворены частично, что косвенно свидетельствует о включенности студентов в различные виды воспитательной работы. Если же осуществлять анализ содержания и качества этой включенности, то можно зафиксировать перераспределение студентов относительно видов внеучебной деятельности: на 6 % уменьшилось количество студентов, занятых в организации праздников и дискотек, на 9 % возросло количество занятых общественной деятельностью и на 15 % стало больше студентов, реализующихся в творческой деятельности. Эти показатели напрямую связаны с адаптацией студентов и отражают её положительную динамику.

В вопросах, отражающих коммуникативный аспект адаптации, представляется возможным выделить единую тенденцию, характеризующую смещением акцентов в субъективной оценке отношений с преподавателями, администрацией, однокурсниками с позиций «доброжелательные, дружеские» на «нейтральные». Так, если на первом (входящем) этапе диагностики, проводимом в начале учебного года, дружественный настрой преподавателей отмечали 73 % опрошенных, то на завершающем этапе их число уменьшилось до 53 % (но и количество студентов, отмечающих негативное, недоброжелательное отношение со стороны преподавателей уменьшилось). В отношении представителей деканатов и кафедр также снизилось (с 76 до 51 %) количество позитивных отзывов студентов, но и негативные отзывы также уменьшились. При этом возрастает до 50 % количество студентов, оценивающих отношения с преподавателями и представителями деканатов как официальные. Это свидетельствует о возрастании «взрослой» позиции в отношении обучающихся с организаторами образовательного процесса в вузе, приобретении делового характера этих отношений.

При выявлении характера взаимодействий с сокурсниками нами была обнаружена та же тенденция: переход с уровня межличностного, аффилиативного общения (показатели снизились на 12 %) на уровень деловых коммуникаций (показатели возросли на 7 %), что также может быть расценено как результат принятия первокурсником новой социальной роли, включения в совместную познавательную и исследовательскую деятельность, требующую иного (делового, официального, командного) взаимодействия на уровне «Взрослый - Взрослый».

Интересен в исследуемом контексте аспект, связанный с эмоциональным сопровождением адаптационных процессов у студентов. Эмоциональный фон, субъективное ощущение комфорта с одной стороны может рассматриваться как условие успешной адаптации личности, с другой – выступает в качестве показателя успешного протекания этого процесса, демонстрируя его внутреннюю, психологическую сторону. В связи с этим мы, в рамках диагностических процедур, попросили студентов оценить степень эмоционального благополучия в целом и зафиксировать наиболее характерную эмоцию, испытываемую в течение последнего времени. Результаты этого исследования представляются нам достаточно оптимистичными. Так, значительное число студентов (37 %) отмечают у себя высокий уровень эмоционального благополучия; они не фиксируют состояние тревоги, ощущают себя комфортно, воодушевлены и с оптимизмом смотрят в будущее. Около 60 % студентов в результате самооценки отмечают у себя средний фон эмоционального благополучия; им иногда свойственно чувство тревоги, но они на нем не фиксируются и это не мешает быть им эффективными в деятельности. Лишь 3 % студентов свойственно постоянное чувство тревоги, безысходности и подавленности; они составляют группу риска и нуждаются в психологической помощи.

Обозначение студентами характерной для последнего времени эмоции позволяет нам выстроить ранжированный ряд: радость, интерес, удовольствие, неуверенность, тревога, воодушевление, страх, гнев, одиночество, стыд, вина. При этом первые три эмоции лидируют с большим отрывом. Так, «радость» была выбрана в 40 % случаев, «интерес» – в 31 % и «удовольствие» – в 16 %. Именно эти эмоции обеспечивают не только позитивный эмоциональный фон, но и высокий уровень познавательной активности, и позитивный контекст для любого рода деятельности.

Таким образом, анализ полученных в результате диагностического исследования данных позволяет говорить о положительной динамике процесса адаптации студента-первокурсника к обучению в вузе, отражающейся:

- в осознании роли профессионального обучения в личностном становлении и саморазвитии;
- повышении значимости профессиональной тематики в общей карте интересов личности;

- повышении престижности выбранных вуза и специальности в их субъективном восприятии;
- желании работать по выбранной специальности, развиваться профессионально, находить и реализовывать себя в различных видах профессиональной деятельности;
- принятии особенностей образовательного процесса в вузе, понимании смысла требований преподавателей и администрации и необходимости их соблюдать;
- навыках самоорганизации, способности самостоятельно осуществлять учебную деятельность;
- повышении профессиональной мотивации, желании больше узнать о предмете изучения, рассмотреть его с различных точек зрения;
- осознании трудностей в обучении, их причин и готовности обратиться за поддержкой к соответствующим лицам;
- проявлении интереса к внеучебной деятельности, желании реализовываться в ней, активной жизненной позиции;
- смещении позиций в карте интересов в сторону профессиональных;
- приобретении делового характера общения с сокурсниками, способности к эффективному взаимодействию, направленному на решение деловых задач;
- способности воспринимать критику в общении с преподавателями и администрацией, вступать в конструктивный диалог;
- положительном эмоциональном фоне деятельности, преобладании эмоций радости, интереса, удивления.

Названные показатели, выявленные в ходе наблюдения или (и) осуществления диагностических методик, позволяют говорить о положительной динамике процесса адаптации студента к обучению в вузе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наливайко, Т. Е. Мониторинг адаптации студентов к образовательному процессу в вузе как инструмент их академической успешности / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2014. – № I-2(17). – С. 28-33.
2. Сергеева, С. В. Педагогическое сопровождение адаптации студентов первого курса к образовательному процессу технического вуза / С. В. Сергеева, О. А. Воскресенко, Т. Б. Паршина // Сибирский педагогический журнал. – 2004. – № 4. – С. 74-83.

Якимова А. В.
A. V. Yakimova

**ОСВОЕНИЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
СТУДЕНТАМИ-ИНОСТРАНЦАМИ**

**ON TEACHING TERMINOLOGY OF LITERARY AND LINGUISTIC
STUDIES TO FOREIGN STUDENTS**

Якимова Анастасия Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: yakimovaav@list.ru

Ms. Anastasia V. Yakimova – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language, the Amur Humanitarian Pedagogical State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: yakimovaav@list.ru

Аннотация. В статье рассмотрены трудности, возникающие у студентов-иностранцев при овладении терминологическим аппаратом, и предложены методические рекомендации по решению этой проблемы на примере работы с литературоведческой терминологией на занятиях по истории русской литературы.

Summary. In this paper we consider the difficulties encountered by foreign students when learning specialized terminology, and we suggest guidelines to address this issue through the example of learning literary studies terminology at lectures and seminars on the history of Russian literature.

Ключевые слова: термин, терминологический минимум, студент-иностранец, литературоведение, русская литература, русский язык.

Key words: term, terminological minimum, foreign student, literary studies, Russian literature, Russian language.

УДК 372.881.1

Владение терминологическим аппаратом – это, с одной стороны, обязательное условие, база для овладения любой наукой или специальностью, с другой стороны, это одна из компетенций студента как специалиста в любой области знаний. С. Краснова, указывая на привлекательность вузов России для иностранцев и определяя профессиональную компетентность и её составляющие как «основное направление в развитии системы высшего образования» [2, 4], одной из таких составляющих считает терминологию, специализированную лексику.

Усвоение терминов – задача, решаемая и преподавателями, и самими учащимися на протяжении всего обучения. Она сложна даже для тех, для кого язык, на котором ведётся преподавание, является родным, поскольку решение этой задачи требует развития абстрактного, теоретического мышления, логики и сформированности некоторых специальных навыков.

При работе с иностранными студентами преподаватель, решая данную задачу, не может избежать этих сложностей, но помимо них задача многократно усложняется и за счёт других факторов.

Причина, прежде всего, в том, что многие студенты-иностранцы очень часто не владеют русским языком даже на элементарном бытовом уровне. В результате теоретические курсы по специальности, которые читаются в начале обучения, усваиваются крайне тяжело, поскольку в это время основные усилия учащихся направлены на освоение русского языка

как иностранного, на сдачу обязательных тестов ТРКИ-1, а позже ТРКИ-2 (первый и второй уровни тестирования по русскому языку как иностранному).

Заметим, что освоение русского языка продолжается и далее, на протяжении всего процесса обучения.

Другая специфическая сложность, возникающая при работе иностранных студентов с терминологией, заключается в следующем. У студентов, для которых язык преподавания родной, всегда есть возможность самостоятельно работать со всевозможной справочной литературой: учебниками, словарями, энциклопедиями, Интернет-ресурсами. В то время как для иностранных студентов возможности самостоятельной работы ограничены. Даже студентам старших курсов работать с русскими словарями или энциклопедиями по специальности сложно. Причины этого просты: шрифт в таких изданиях, как правило, мелкий, система общепринятых или специальных сокращений (типа, «и т.д.», «т.к.», «лингв.» – «лингвистический») требует отдельного внимания и объяснения. А студентам-иностранцам гуманитарных специальностей для понимания приводимых примеров просто не хватает общекультурной эрудиции, не говоря уже об изначальной разнице менталитетов, культур, оценок и т.п. Кроме того, если пояснительная статья достаточно объёмна, то учащиеся затрудняются при определении главной и второстепенной информации.

Таким образом, значительная часть работы, которую русские студенты выполняют самостоятельно, иностранцам оказывается не по силам. Преподаватели, занимающиеся обучением студентов-инофонов, уделяют внимание этой проблеме, учитывая профессиональную специфику своего вуза: экономика, военное дело и т.п. (см. статьи Фань Годун, С. Красновой, Г. Купцовой [4; 2; 3]). В нашей статье мы хотим рассмотреть один из путей решения данной проблемы на примере работы с иностранными студентами, обучающимися по специальности «Филологическое образование».

На наш взгляд, в таких условиях основной акцент в работе по овладению терминологией с дисциплин «Основы литературоведения», «Введение в литературоведение» и т.п. лучше сместить на курс истории литературы.

При изучении истории литературы, а именно при разборе отдельных художественных произведений, усваивается основная часть терминологического минимума: «герой», «конфликт», «композиция», «жанр» и многое другое.

Эффективность этого способа овладения терминологией обусловлена тем, что он достаточно иллюстративен. Он дает возможность запоминать не формулировку на чужом языке, при заучивании которой внимание иностранцев более сконцентрировано на грамматике и прочих языковых особенностях, а суть понятия, образно представленную живыми примерами из художественных текстов.

В методическом плане такая работа представляет собой несколько этапов.

Прежде всего, студенты должны перевести термин, который предполагается вводить в языковую практику на данном занятии. Перевод можно сделать в аудитории, но поскольку, как правило, объём лексического минимума к каждому занятию достаточно велик – до двух десятков новых слов (а иногда и более [1]) – то эту работу лучше провести дома.

В аудитории следует обратить внимание на лексическое значение нового термина. Является ли слово многозначным, отличается ли в русском языке значение термина, используемого в науке, от значения слова в обыденной жизни или в каких-то других сферах («портрет», «пейзаж», «композиция», «стиль» и др.).

Например, в случае со словами «конфликт», «портрет» повседневное и терминологическое значения близки, а в случае со словом «герой» требуется сделать акцент на отличии термина: в жизни так именуют человека, совершившего подвиг, благородный поступок, а в литературе герой может быть как положительным, так и отрицательным. Можно предложить студентам сопоставить положение термина в русском языке с их родным языком: совпадают ли терминологическое и повседневное значения.

Большие сложности у иностранцев возникают с паронимами: «классицистический» и «классический», «романтик» и «романист» и т.п. В качестве домашнего задания также следует предложить перевести паронимы, а затем составить предложения с этими словами. Допущенные ошибки должны быть разобраны в аудитории.

Обязательным этапом в работе с иностранцами является разбор грамматических особенностей слов: какая это часть речи, на какой вопрос отвечает, как изменяется, в какие грамматические связи вступает, какие есть однокоренные слова среди других частей речи, характерные случаи словоупотребления. Сильная группа справится с такими вопросами быстро и в аудитории, внимания потребует только последний пункт. Слабой группе лучше дать возможность подготовиться дома, проверив выполнение заданий в аудитории.

После такой лексической и грамматической работы можно обратиться к сути термина. На этом этапе работы всё определяется тем, что представляет собой термин.

Те термины, содержание которых более конкретно («герой», «конфликт»), иллюстрируются примерами из рассматриваемых текстов, а также из литературы, родной для иностранцев, или из русской, изученной ранее. Подобрать примеры могут и преподаватель, и студенты.

С рядом терминов («ассоциация», «гротеск», «олицетворение» и др.) можно предложить студентам придумать свои примеры. Такая работа всегда оживляет занятия. Так, при изучении сложного понятия «ассоциация», когда очень важно показать, что ассоциации могут быть общими для группы людей или индивидуальными, студентам предлагается назвать свои ассоциации с некоторыми словами (например, «Россия», названия родных для учащихся стран, имена преподавателей, праздники и т.п.). Студенты убеждаются в том, что некоторые ассоциации у них общие: «Россия» – «снег», «белый цвет», «медведь»; «Китай» – «красный цвет», «панда». Другие же ассоциации оказываются неожиданными для всех. Чтобы продемонстрировать, что ассоциативно связываются предметы из разных областей жизни, можно задать область, в которой следует искать ассоциации (цвет, музыка, запах). При ответе на вопрос, с каким блюдом ассоциируется Россия, большинство студентов отвечает «борщ», «блины», а неожиданным оказывается ответ «пицца». Этот приём очень эффективен при изучении художественных особенностей языка – тропов («метафора», «оксюморон», «олицетворение»).

Иного подхода требуют термины, содержащие сложный комплекс понятий (например, определения жанра, разных стилей и направлений искусства), так как они не могут быть проиллюстрированы описанным выше способом. В случае с понятиями, связанными с историей развития культуры, возникают особые сложности, поскольку это развитие шло разными путями, и, например, студентам из стран Азиатско-Тихоокеанского региона европейская культура, этапы её развития (такие как античность, эпоха Возрождения и др.) практически не знакомы.

Не имеет смысла сложные понятия пытаться представить во всей полноте и сложности. Необходимо найти их самые яркие качества, которые запомнятся студентам.

Также нежелательно предлагать разные точки зрения на определение термина, освещать дискуссионные теоретические вопросы. Такая информация в лучшем случае быстро забывается студентами, а в худшем превращается в набор противоречивых высказываний.

Изучение терминологии на занятиях по истории литературы, несмотря на эффективность этого способа, содержит и серьёзную опасность. Знания, полученные на таких занятиях, часто носят фрагментарный характер, не оформляются в систему, путаются. Когда определённый блок информации пройден, термины, связанные с конкретными примерами, забываются.

Достаточно характерными являются случаи, когда в конце обучения, обладая вполне достойным багажом знаний по истории литературы, студенты-иностранцы не могут ответить на простые вопросы, начинают путать понятия. Например, на вопрос о жанре произведения начинают перебирать названия стилей, а, определяя тип конфликта, описывают композицию и т.п.

Важно, чтобы новые понятия, особенно сложные, объёмные, вводились в чёткую, понятную систему, а при повторении нужно добиваться запоминания нового термина в системе. Например, при объяснении нового стиля (направления) можно спросить, какие стили вы уже знаете, творчество каких писателей принадлежит к этому стилю и т.п. Или при определении жанра очередного произведения спросить о родовой принадлежности жанра, попросить назвать произведения, относящиеся к этому жанру: какие драматические жанры вам ещё известны? Приведите примеры произведений в жанре романа и т.п. Учитывая то, что запоминать большое количество информации или просто новых слов – трудная задача, многие вопросы можно формулировать в тестовой форме, т.е. предлагая в вопросе варианты ответов: это произведение драматического, лирического или эпического рода? это произведение написано в жанре романа, повести или рассказа?

Такие опросы не занимают много времени (как это может показаться на первый взгляд), но позволяют держать разные блоки знаний в активной зоне памяти.

Хорошо использовать таблицы, схемы. Они могут быть раздаточным материалом или составляться непосредственно на занятии, записываться на доске и в тетради. На запись в тетради нужно специально обратить внимание учащихся, так как самостоятельно они не всегда понимают необходимость конспектирования.

Ещё один эффективный мнемонический приём – использование жеста, т.е. термин может быть ассоциативно связан с каким-то жестом, простым и интуитивно понятным. Например, «конфликт» изображается столкновением кулаков, «портрет» – указанием на лицо и др. Хорошо, если система таких условных знаков будет использоваться всеми преподавателями, работающими с данной группой студентов-иностранцев. Ведь нередко студенты с плохо развитыми навыками аудирования, привыкнув к произношению одного преподавателя, не распознают тот же термин или вопрос из уст другого.

Злоупотреблять этим приёмом не следует. Он хорош при знакомстве с новым термином или в случае необходимости напомнить термин, если студенты его долго не использовали (например, после каникул). Нельзя использовать приём постоянно, также бессмысленно пытаться найти символический жест для каждого термина, иначе такая система будет отнимать ресурсы памяти сама по себе, а лекция преподавателя или ответы студентов превратятся в пантомиму и общение перейдёт на невербальный уровень.

Хорошая практика именно в процессе учёбы – составление студентами индивидуального терминологического словаря на протяжении всего времени обучения. Однако в силу как субъективных причин (неразборчивый почерк, большое количество разного рода ошибок, особенно в начале обучения), так и объективных (отсутствие единообразия), пользоваться этим словарём в конце обучения, при подготовке к выпускным экзаменам, оказывается не всегда возможным.

Предпочтительнее использовать словарь, созданный в данном вузе преподавателями, непосредственно работающими с иностранными студентами. Его объём должен быть минимальным: содержать те термины, которые необходимы для краткого анализа произведений программы, а также для ответа на вопросы государственного экзамена. Примеры, иллюстрирующие данные термины, должны быть уже знакомы студентам. Желательно, чтобы статьи были снабжены некоторой лингвистической информацией (синонимы, однокоренные слова, грамматические связи, паронимы, характерные случаи словоупотребления).

Подводя итог всему вышесказанному, сформулируем положения, на которые преподавателю следует обратить внимание при работе со студентами-иностранцами по овладению филологической терминологией.

Поскольку усвоение терминов иностранцами требует большего внимания, чем аналогичная работа со студентами, для которых язык преподавания является родным, необходимо перенести акцент с теоретических курсов на более иллюстративный курс истории литературы.

Объём предварительной домашней работы следует определять в зависимости от степени языковой подготовки группы.

Начинать знакомство с новыми терминами с обязательного определения лексических и грамматических особенностей использования терминов. Для определения сути понятия использовать знакомые и максимально простые примеры из уже пройденного материала или родной для студентов литературы, учитывая разницу культур.

Стремиться, чтобы новые термины были вписаны в определённую систему знаний, и постоянно стимулировать память учащихся с помощью разных приёмов (вопросы, схемы и таблицы, условные жесты). Успешному усвоению филологической терминологии, несомненно, способствует согласованная работа преподавателей, ведущих разные предметы у иностранцев, а также разработка специального терминологического словаря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жарикова, Е. Е. Изучаем русскую литературу II половины XIX века: учеб. пособие для студентов-иностранцев / Е. Е. Жарикова. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПУ, 2010. – 141 с.
2. Краснова, С. В. Дружно за мир стоять – войне не бывать. Обучение курсантов-инофонов военной лексике на подготовительном курсе / С. В. Краснова // Русский язык за рубежом. – 2009. – № 3. – С. 4-22.
3. Купцова, Г. Н. Русский фольклорный (танцевальный) лексикон на уроках РКИ / Г. Н. Купцова // Русский язык за рубежом. – 2009. – № 2. – С. 41-50.
4. Фань, Годун. Диагностика знаний о терминологии менеджмента как начальный этап экспериментального обучения студентов-инофонов языку профессии / Годун Фань // Русский язык за рубежом. – 2008. – № 6. – С. 39-45.

Урманов А. В.

СТИХОТВОРНАЯ САТИРА НАЧАЛА 1860-х ГОДОВ КАК ТОЧКА ОТСЧЁТА ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ ПРИАМУРЬЯ

Урманов А. В.

Alexandre V. Urmanov

СТИХОТВОРНАЯ САТИРА НАЧАЛА 1860-х ГОДОВ КАК ТОЧКА ОТСЧЁТА ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ ПРИАМУРЬЯ

POETIC SATIRE OF THE EARLY 1860s: THE STARTING POINT FOR THE HISTORY OF THE AMUR REGION LITERATURE

Урманов Александр Васильевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы Благовещенского государственного педагогического университета (Россия, Благовещенск). E-mail: a.v.urmanov@gmail.com.

Aleksandr V. Urmanov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Russia, Blagoveshchensk). E-mail: a.v.urmanov@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена первым по времени произведениям, созданным на амурском материале – анонимной стихотворной сатире «1859 год на Амуре» и иронической поэме Дмитрия Стахеева «Посольство». Оба текста, относящиеся к началу 1860-х годов, в сатирико-ироническом ключе отражают деятельность первого военного губернатора Амурской области Николая Васильевича Буссе. В статье выявляется проблемно-тематическая и жанрово-стилевая общность этих произведений, а также их связь с общими тенденциями литературного процесса Сибири и Дальнего Востока и России в целом.

Summary. The paper deals with the first ever literary works based on the local Amur Region realities – the anonymous poetic satire titled «Year 1859 in the Amur Region», and the ironic narrative poem by Dmitry Stakheev «Embassy». Both texts dating back to early 1860s and, they satirically reflect the life and work of the first military governor of the Amur Region - Nicolay V. Busse. We reveal that in problems touched upon and in genre both poems are similar to each other and are related to the key literary trends and tendencies of Siberia and the Far East.

Ключевые слова: литературное краеведение, литература Приамурья, рукописная литература, стихотворная сатира, ирония, памфлет.

Key words: regional studies through belles-lettres, Amur Region literature, literary manuscripts, poetic satire, irony, pamphlet.

УДК 82-3

Литература Приамурья при всей своей региональной специфичности, которая проявляется, прежде всего, на тематическом уровне, никогда не была автономным, а тем более чужеродным явлением в общероссийском литературном процессе. Напротив, она отражала, вбирала в себя многие его особенности. Литературная жизнь Приамурья с момента её возникновения множеством зримых и незримых нитей связана не только с литературой громадного сибирско-дальневосточного региона, но и с литературой Центральной России.

Пример тому – сатирическое стихотворение «1859 год на Амуре», одно из самых ранних произведений литературы Приамурья. Возможно, именно с него и нужно вести отсчёт литературной истории региона. В рукописных списках оно распространялось с начала 1860-х гг., а напечатано было в московском журнале «Русский архив» в 1896 г. «1859 год на Амуре» и другие немногочисленные анонимные рукописные произведения, появившиеся примерно в одно время, дают основание утверждать, что литературная жизнь в Приамурье стала зарож-

даться на рубеже 1850-1860-х гг., то есть практически одновременно с началом освоения края русскими.

При этом следует иметь в виду, что «1859 год на Амуре» – явление, вполне типичное для своего времени. Одной из особенностей литературной жизни России конца 1850-х и начала 1860-х гг. стал расцвет социально-политической сатиры, прежде всего стихотворной. Немалую популярность в те годы приобрёл еженедельный сатирический журнал демократической направленности «Искра» (1859-1873), в котором печатались известные поэты В. И. Богданов, П. И. Вейнберг, А.М. Жемчужников, Г. Н. Жулёв, Н. С. Курочкин, Д. Д. Минаев, Л. И. Пальмин, А.К. Толстой и др. Авторы «Искры» затрагивали такие, не утратившие актуальности и в эпоху реформ Александра II (взошёл на престол в 1855 г.), острые проблемы российской действительности, как злоупотребление властью, беззаконие, мздоимство, казнокрадство, отсутствие реальных перемен к лучшему. Одно из характерных произведений подобного рода – стихотворение поэта-искровца Петра Вейнберга «Мишура» (1863), написанное тремя-четырьмя годами позже стихотворения «1859 год на Амуре», но созвучное ему в оценке новой разновидности российских администраторов. Автор «Мишуры» утверждает, что чиновники эпохи реформ отличаются от прежних лишь реформаторской риторикой и имитацией бурной деятельности, что никакими реальными делами, способными исцелить общество от застарелых недугов и язв, они не занимаются и заниматься не хотят. Правда, П. Вейнберг говорит лишь о самом явлении, но не затрагивает, не называет конкретных персон:

...О краса бюрократии новой!
С беспредельным восторгом не раз
Я внимал твоей речи громовой
О вреде стародавних зараз
И о том, что теперь-то приспела
Для реформ радикальных пора...
А как только коснулось до дела –
Мишура, мишура, мишура!.. [2, 383]

Удивляться не приходится: по цензурным причинам поэты-сатирики рубежа 1850-1860-х гг. не могли прямо называть имена государственных сановников. Существовало два способа обойти цензуру: эзопов язык, прозрачные намёки (такой способ вынуждены были применять авторы «Искры» и других легальных периодических изданий), а также создание и распространение рукописных (а поэтому не подпадающих под действие цензуры) текстов – наподобие «1859 года на Амуре».

Широкое распространение рукописная анонимная сатира получила в Восточной Сибири, в том числе в Забайкалье и Приамурье. Чаще всего она была представлена сатирическими стихами и памфлетами, в которых подвергались осмеянию местные администраторы, допуская злоупотребления властью и жестокость по отношению к простому народу, при которых по-прежнему процветали очковитительство, взяточничество, казнокрадство. Нередко объектом сатиры становился главный организатор «амурского дела» – генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьёв и его ближайшие сподвижники и назначенцы. Такова, например, «Историческая быль 1850 года» – имевшая широкое хождение рукописная сатира («песня»), посвящённая «разгильдеевщине», то есть получившим скандальную известность деяниям одного из ставленников Муравьёва, управляющего Нерчинскими золотыми промыслами, а позже (1853-1855) начальника Нерчинского горного округа И.Е. Разгильдеева, прославившегося чудовищной жестокостью.

«1859 год на Амуре» – произведение, в жанровом отношении близкое «Исторической были...», но созданное на чисто амурском материале. Стихотворение представляет собой сатиру на первого военного губернатора Амурской области Николая Васильевича Буссе (1828-1866). При покровительстве генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьёва в 1858 г. тридцатилетний Буссе был произведён в генеральское звание и назначен

Урманов А. В.

СТИХОТВОРНАЯ САТИРА НАЧАЛА 1860-х ГОДОВ КАК ТОЧКА ОТСЧЁТА ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ ПРИАМУРЬЯ

военным губернатором Амурской области. За сравнительно небольшой срок Буссе успел многое: в Приамурье были открыты десятки школ, детский приют, библиотека, хлебные магазины, лазареты, успешно развивалось земледелие. Немало сделал первый губернатор и для налаживания дружественных отношений с соседями, активизировал прямые дипломатические контакты с китайскими приграничными властями. При Буссе поощрялась пограничная торговля по Амуру, регулярно устраивались ярмарки в Благовещенске и Айгуне. В 1859 г. (то есть за 36 лет до появления первого органа периодической печати в Благовещенске – еженедельной «Амурской газеты») Буссе поддержал идею издания газеты под названием «Друг маньчжура». С его благословения в Петербурге было заказано типографское оборудование, но этот издательский проект остался нереализованным – судя по всему, не по вине военного губернатора области.

Тем не менее о «дипломатической» деятельности Буссе (в журнальном варианте произведения – Гуссе) и его окружения в стихотворении говорится в тоне насмешки и даже откровенной издёвки:

Генерал иркутский Буссе,
Губернатор в новом вкусе,

<...>

Он большой руки оратор,
Дипломат, администратор,
Он же и герой!

Весь облит мишурным светом,
Он приехал прошлым летом
С молодой женой.

<...>

Понабрались с ними франты,
Гальтерманы, Гильдебранты;
Тут же и Петров.
Поломали стары хаты,
Возвели дворцы-палаты...

<...>

Обеспечив помещеньем,
Принялись за управленье,
Что всего нужней.
Мы потом займёмся краем,
Перво-наперво – Китаем:
Это поважней! [1, 288-289]

То есть, по мнению анонимного автора, увлечение военного губернатора «дипломатией» отодвинуло на второй план более важные вопросы управления областью, вопросы её внутреннего «обустройства». Точнее, выбор героем произведения в качестве приоритета деятельности на посту военного губернатора «дипломатии» предопределён его личными качествами – склонностью к внешним, «театральным» жестам и эффектам. Именно поэтому Н. В. Буссе в стихотворении «весь облит мишурным светом». В переносном значении, мишура – «показной, обманчивый блеск, лишённый действительной ценности»; «внешняя броскость, блеск без внутреннего содержания». В словаре Даля приводится и такое производное от «мишура» слово, как «мишурник»: «Пустой человек, щеголяющий внешностью, ради одного вида». Сродни новоиспечённому губернатору в стихотворении и его окружение – такие же *мишурники*, как и он: «Понабрались с ними франты, / Гальтерманы, Гильдебранты...» Кстати, упомянутые в произведении персонажи – реальные лица: Гальтерман, Гильдебрандт, Петров – чиновники особых поручений при Н. В. Буссе. В трактовке анонимного автора это не деятельные работ-

ники, не подвижники «амурского дела», а «франты», то есть люди, озабоченные собственным внешним видом и положением, тем же самым «мишурным» блеском. Чтобы подчеркнуть их чуждость и чужеродность амурским, русским реалиям и проблемам, автор стихотворения акцентирует внимание на «нерусскости» имён – и самого Буссе (происходившего из дворянской семьи лютеранского вероисповедования), и его ближайшего окружения: «Гальтерманы, Гильдебранты». Не случайно, чиновник особых поручений Петров упоминается не в общем ряду, его русская фамилия выносится в отдельную строку: «Тут же и Петров». Перефразируя получившее известность выражение эпохи оттепели, «и примкнувший к ним Петров».

Одна из причин саркастического неприятия первого амурского военного губернатора – якобы высокомерное отношение Буссе и его «штаба» к китайцам: «Ведь китайцы крайне глупы, / Неразвиты, грязны, тупы, / Ну их воспитать! / Они страшные невежи; / Принимать их будем реже, / Чаше к ним писать» [1, 289]. Очевидно, такое мнение у образованной части жителей Благовещенска (по предположению А.В. Лосева, автором стихотворения был либо чиновник областного ранга, либо высокопоставленный военный) сложилось из-за убеждённости в тщеславии военного губернатора, из-за приписываемого ему желания подражать своему высокому покровителю Муравьеву-Амурскому.

Похоже, что автор сатиры выражал мнение не только своё собственное, но и коллективное, что он являлся выразителем точки зрения, по крайней мере, части образованного общества. О том, что это так, свидетельствуют, в частности, произведения Дмитрия Ивановича Стахеева (1840-1918) – известного русского писателя, в 1862-1863 гг. жившего в Приамурье, в том числе в Благовещенске. Например, его ироническая поэма «Посольство: Небывалое и невозможное происшествие. (Шутка)», вошедшая в книгу «На память многим» (1867). Сюжет её и топография условны, подлинные имена и фамилии участников истории изменены, но догадаться, что произведение написано на амурском материале, несложно, если, разумеется, читатель посвящён в события, происходившие на Амуре летом 1863 года. Поэма Д. Стахеева как бы подхватывает, продолжает тему, поднятую в стихотворении «1859 год на Амуре». Нет сомнений, что Стахеев был хорошо знаком с этим рукописным текстом. Более того, стихотворная форма и иронический дискурс «Посольства» были избраны Стахеевым явно из желания продемонстрировать тематическую и жанрово-стилевую связь с ним.

В основе сюжета иронической поэмы-шутки – реальная история, о которой писатель подробно рассказал в очерковой книге «За Байкалом и на Амуре» (1869). Суть её такова: по инициативе военного губернатора Амурской области Н. В. Буссе летом 1863 г. в китайский Цицикар (в очерках Стахеева – «Чичикар»; в поэме же «Посольство» «могучий маньчжурский город» носит название «Дкизикир») была направлена «дипломатическая» миссия, которую возглавил некто Малевич – чиновник невысокого ранга, служащий управления Амурского казачьего войска (в книге «За Байкалом и на Амуре» он ошибочно назван «местным судьёй»). Стахеев утверждает, что губернатор поручил тому установить прямую почтовую связь с Цицикаром, но, как уточнял А.В. Лосев, главная цель поездки была иной – «достичь соглашения с гириным генерал-губернатором о свободном плавании по реке Сунгари и с гириными купцами о поставках скота на Уссури» [3, 23]. В Цицикаре, по словам автора книги «За Байкалом и на Амуре», Малевича «приняли за настоящего посланника, встретили его торжественно и с почётом, но узнав, кто он, обошлись с ним более чем холодно» [5, 282].

В поэме «Посольство» история «дипломатической» миссии Малевича воссоздаётся в ироническом, пародийном ключе. Хотя слово Благовещенск в произведении не употребляется, понять, какой город имеется в виду, не представляет труда: столица Амурской области начала 1860-х годов описывается реалистически достоверно – как в целом, так и в частности, деталях: «Там, где широкой волною безмолвные воды / Быстро несутся к берегам отдалённого моря, / Там на пустынной равнине, поросшей лишь чахлой берёзой, / Город стоял, молодой, неустроенный город. / Не было в нём ни церквей православных, блестящих на солнце крестами, / Ни каменных зданий, высоко и гордо стоящих, – / В бедной и жалкой часовне Божия служба свершалась, / В мрачных холодных избушках теснились граждане. / Только у берега грозно и

Урманов А. В.

СТИХОТВОРНАЯ САТИРА НАЧАЛА 1860-х ГОДОВ КАК ТОЧКА ОТСЧЁТА ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ ПРИАМУРЬЯ

страшно стояли / Пушки громадные, страх и угроза племён азиатских; / Пушки те жизнь охраняли правителя града, / Дом его длинный, из древа сложенный, собой закрывая, / Грозные пасти свои на маньчжурский уставивши берег...» [6, 293-294]. Кстати, как справедливо отмечал А.В. Лосев, не отличающаяся художественным совершенством поэма Стахеева представляет очевидный интерес как «одно из первых литературных произведений, в котором впрямую изображён Благовещенск» [3, 24].

Автор «Посольства» меняет имена подлинных участников этих событий, но так, чтобы посвящённые легко могли догадаться, о ком идёт речь. Например, Малевич выведен под прозрачным именем Малео, губернатор Н. В. Буссе называется «правителем града», «градодержцем», а в устах его жены Зоры – «мудрым и славным владыкой». Такие его наименования преследуют ироническую цель, ибо разительно диссонируют с обликом и поступками персонажа поэмы: он показан слабым и безвольным человеком, зависимым от капризов молодой жены. Она, по версии автора поэмы, и подала мужу мысль о посольстве в «маньчжурское царство»: «Сделай ты счастье своей благоверной супруге, / Мудрый свой ум изошрив, ты придумай посольство...» [6, 294]. Инициированная «градодержцем» «посольская» миссия Малео оборачивается конфузом: поняв, что реальных дипломатических полномочий у русских визитёров нет, главный «владыка» маньчжуров перестаёт всерьёз воспринимать не только Малео, но и того, кто послал его сюда: «Знать я не знаю такого владыки, о смертный! / Ум помрачён твой и ум твоего градодержца: / Я не имею сношений с такими властями...» [6, 300]. На смех Малео поднимает и амбань, по поручению своего «владыки» выяснявший, зачем русские снарядили посольство. В ответ на слова «посла»: «Наш градодержец желает, чтоб дали нам остров, / Остров, стоящий против Залбазинского града (очевидно, имеется в виду Албазино. – А.У.), / Чтоб дали нам землю, на берегу правом реки многоводной...» [6, 301], амбань откровенно дерзит: «Напрасно и проситесь вы, не управившись с левым, – на правый...» [6, 302].

Вернёмся, однако, к стихотворению «1859 год на Амуре» и к тем жизненным реалиям, которые в нём отражены. У части амурских чиновников отношение к «высочке» и «чужаку» Буссе было критическим не в силу его недостатков – подлинных и мнимых. Выдвиженец графа Муравьёва-Амурского вызывал ревность и зависть уже тем, что к своим тридцати годам имел громкое имя и славу одного из ключевых участников «амурского дела». Раздражал он и тем, что опирался не на местные «кадры», а на тех, кого привёз с собой в Благовещенск из Иркутска. Но самое большое недовольство Буссе порождал тем, что начинал деятельность на посту военного губернатора с ломки старых порядков и обычаев и попыток утверждения новых – в духе либеральных реформ начального периода царствования Александра II. Именно по этой причине сарказмом пропитаны уже первые строчки стихотворения:

Как в Амурской области,
А и Господи прости,
Словно у людей,
Завелись дела, порядки:
Просят света, гонят взятки,
Чудеса ей, ей! [1, 288]

Попытки нового начальства навести какой-никакой «порядок», борьба со взятками воспринимаются выдавшими виды чиновниками, по меньшей мере, как чудачество молодого губернатора, как «чудеса». Нельзя забывать о том, что самая многочисленная, консервативная часть российского чиновничества в принципе была настроена оппозиционно по отношению к любым новым веяниям, к переменам, покушавшимся на издавна заведённый порядок. А Буссе – «губернатор в новом вкусе», «оратор», «дипломат», «герой» – воспринимался именно как угроза привычному, хотя и изрядно прогнившему, укладу. Отсюда и главный сатирический пафос «1859 года на Амуре», отсюда явное недоброжелательство его автора к военному губернатору. При этом надо отдать должное осведомлённости анонимного автора,

точности излагаемых им сведений. Это касается как внешности и состояния здоровья Буссе («наружностью невзрачен», «при здоровье своём слаб»), так и его послужного списка («Он Иркутским главным штабом / Бойко заправлял»). То есть для автора не было секретом, что до назначения военным губернатором Амурской области Буссе являлся начальником штаба войск Восточной Сибири (1856-1858). Ещё одно свидетельство осведомлённости автора – следующие строчки стихотворения:

Честь крестового похода
Пятьдесят шестого года
Свято чтит страна.
Вот по этим по заслугам,
Говорят, к его услугам
Область создана [1, 288].

Действительно, некоторые современники событий (свидетельство М. И. Венюкова) были убеждены, что Амурская область создана по инициативе Муравьёва именно для его любимца Н. В. Буссе. Что касается «крестового похода пятьдесят шестого года», то и здесь автор стихотворения проявляет завидную осведомлённость. В 1856 г. Буссе руководил третьим «сплавом» по Амуру, основные цели которого – обеспечение русских поселений на левом берегу реки всем необходимым и передислокация войск. В целом экспедиция была признана успешной, хотя не обошлось без серьёзных просчётов. Так, в связи с окончанием Крымской войны, одной из целей экспедиции было возвращение части войск с Нижнего Амура в Забайкалье, но из-за медлительности и нераспорядительности начальства передислокацию не удалось закончить до ледостава, в результате десятки солдат умерли от голода и холода. Сохранились свидетельства, что они были истощены до такой степени, что просили разрешения есть трупы умерших товарищей. Были и более дикие случаи. Об одном рассказывает герой стихотворения «первого амурского поэта» Леонида Волкова (1870-1900) «Дедушка Денисов» (1893) – реальный человек, ветеран амурских сплавов:

Оно случалось и говели,
Трудненько было нам подчас,
Живьём капрала даже съели –
Вишь, хлеба не было у нас...

С почётом кости схоронили,
Тут недалечко под горой,
Могилку зеленью прикрыли
И крест поставили простой... [4, 53-54].

И таких крестов по Амуру в 1856 г. появилось немало. Именно это обстоятельство – кресты на могилах погибших русских солдат – имеет в виду автор стихотворения «1859 год на Амуре», называя поход 1856 г. «крестовым». Вменяя, таким образом, в вину Буссе гибель этих людей.

Картина освоения Приамурья, которую нарисовал автор стихотворения «1859 год на Амуре», во многом расходилась с официальным, казённо-оптимистическим взглядом на эти события, а также «с мнением тех публицистов, которые будущее Амура рисовали одной лишь розовой краской, не желая замечать реальных трудностей и издержек колонизации края» [3, 22].

ЛИТЕРАТУРА

1. 1859 год на Амуре: Тогдашние и тамошние шуточные стихи // Русский архив. – 1896. – Кн. III. – № 10. – С. 288-289.

Урманов А. В.

СТИХОТВОРНАЯ САТИРА НАЧАЛА 1860-х ГОДОВ КАК ТОЧКА ОТСЧЁТА ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ ПРИАМУРЬЯ

2. Библиотека поэта. Большая серия. Поэты «Искры»: В 2 т. Т. 2. – 3-е изд. – Л.: Сов. писатель, 1987. – 464 с.
3. Лосев, А. В. Избранные труды по литературному краеведению Приамурья / А. В. Лосев; сост., ред., вступ. ст., примеч. А. В. Урманова. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. – 348 с.
4. Сочинения Л. П. Волкова. (Посмертное издание) / Л. П. Волков. – Хабаровск, 1902. – 279 с.
5. Стахеев, Д. И. За Байкалом и на Амуре: Путевые картины / Д. И. Стахеев. – СПб.: Типография К. Вульфа, 1869. – 347 с.
6. Стахеев, Д. И. Посольство: Небывалое и невозможное происшествие. (Шутка) / Д. И. Стахеев // На память многим: Рассказы из жизни в России, Сибири и на Амуре. – СПб.: Издание автора, 1867. – С. 293-302.

Санникова И. Р.
Irina R. Sannikova

ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОЭЗИИ АРСЕНИЯ НЕСМЕЛОВА (ХАРБИНСКИЙ ПЕРИОД)

THE POETRY OF ARSENY NESMELOV: IDEAS, IMAGERY, TENDENCIES (THE "HARBIN PERIOD")

Санникова Ирина Ринатовна – аспирантка кафедры русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17/2; 89147795683. E-mail: euphoria1982@mail.ru

Ms. Irina R. Sannikova – PhD Student, Department of Russian Language and Literature, the Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681000, Komsomolsk-on-Amur, 17/2 Kirova Str.; + 7 (914) 7795683. E-mail: euphoria1982@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос идейно-эстетического своеобразия лирики харбинского поэта Арсения Несмелова. Выводы формулируются на основе анализа поэтических текстов, оценки основных мотивов и образов.

Summary. The paper explores the poetry of Arseny Nesmelov (Harbin), its ideas and poetical imagery. We make our conclusions proceeding from the analysis of poetic texts and a assessment of the main motives and images.

Ключевые слова: лирика, русское зарубежье Дальнего Востока, Арсений Несмелов, идейно-эстетические тенденции.

Key words: lyrics, Russian émigré literature of the Far East, Arseny Nesmelov, poetic ideas, poetic imagery.

УДК 82-1 (17.82.10)

Трагедию гражданской войны русский поэт дальневосточного зарубежья Арсений Несмелов (Митропольский) в полной мере ощутил на своем личном опыте. Первая книга А. Несмелова «Военные странички: стихи и рассказы» была опубликована в 1915 году в Москве. За время участия в военных походах, «за двадцать лет эмиграции, зарабатывая на жизнь исключительно литературным трудом, Арсений Митропольский прошел путь от начинающего поэта до всеми признанного мастера поэзии и прозы дальневосточного русского зарубежья» [1, 25]. О. А. Бузуев выделяет три этапа в творческой судьбе А. Несмелова: раннее творчество, владивостокский и харбинский период. В нашей статье объектом анализа является харбинский период жизни и творчества писателя как наиболее значимый в интересующем нас аспекте.

Первый эмигрантский сборник «Кровавый отблеск», во многом определивший основные темы и мотивы дальнейшего творчества поэта, был воспринят положительно как коллегами по цеху в Харбине, так и представителями эмигрантской критики в Европе. В современных исследованиях отмечалось, что в нем «публицистическая напряженность ... преломляется и в жестоких, порою натуралистических деталях боевых действий..., и в героико-романтической, балладной тональности, и в четком классически чеканном ритме отдельных стихов» [1, 47]. По мнению Е. Витковского, «таланта фантаста писатель был лишен начи-

сто» [2, 8]. Художественно воссоздавая реальность, Несмелов зачастую не прибегал к виртуозности метафор, не вуалировал жестокость и безумство окружающей его действительности.

Да и мировоззренческая, политическая позиция писателя по отношению к происходящему определялась достаточно ясно. В «Рассказе добровольца» (1937 г.) встречаем такие строки: «Российская эмиграция за два этапа десятилетия своего бытия прошла через много психологических этапов, психологических типов. Но из всех этих типов – один неизменен: тип добровольца, поднявшего оружие против большевиков в 1918 году.» [Цит. по: 2, 13]. Думается, что с полным основанием к этому типу русских людей, не смирившихся с большевизмом, можно отнести и самого А. Несмелова.

Уже устоявшийся в харбиноведении тезис об идейно-эстетической и духовной связи поэта-дальневосточника (равно как и большинства поэтов дальневосточного зарубежья) с поэтами серебряного века нам вполне кажется оправданным и не вызывающим сомнений. В письме к П. Балакшину поэт пишет: «Любимый поэт – Марина Цветаева. Раньше любил Маяковского и еще раньше Сашу Черного» [Цит. по: 2, 18]. Можно предположить, что рецепция Несмеловым поэтических систем В. Маяковского и М. Цветаевой была обусловлена близостью их воззрений на Мир и Человека, на проблемы макро- и микрокосмоса.

В лирике Арсения Несмелова Человек и Мир также представлены как результат акта Творения. Жизненные ситуации (исторические, бытовые) просматриваются в творчестве писателя сквозь призму архетипических представлений. Здесь можно говорить об определенном моделировании взаимоотношений между Человеком и Миром, Художником и Вселенной. Как и у многих поэтов на рубеже веков, у Несмелова основой таких отношений является отчуждение. Лирический герой отчуждается не только от окружающего его мира, но и от собственного «я». Результатом подобных личностных потрясений становится попытка реконструировать мир самостоятельно согласно своим представлениям о бытии. В. Маяковский творил жизнь и в слове, и в реальности, в то время как М. Цветаева постигала мир исключительно в рамках поэтического слова. Лирический герой харбинца также противопоставляет себя миру, не принимая реалии, которые его окружают: мир для него – несовершенен.

Лирика поэта-дальневосточника прямолинейна, откровенна, как сама жизнь. Именно поэтому в стихотворении «Хорошо расплакаться стихами» [4, 99] лирический герой признается: трудности судьбы лишили его поэзию мягкости, воздушности. Слова поэта способны «прожигать нежные страницы»:

«Не умею. Только скалить зубы,
Только стискивать их сильней
Научил поэта пафос грубый
Революционных наших дней» [Там же, 100].

Герой признается: душа его очерствела, ненависть к врагу разжигается «злостью огневой»: «И душа у нас совсем пустая, / Злая, беспощадная душа» [Там же, 101].

Следует отметить, что «образ Китая» в лирике А. Несмелова (в отличие, например, от художественного воплощения этого образа в творчестве В. Перелешина) оставался противоречивым и практически лишенным волшебной восточной экзотики. Для поэта чужбина не может стать родной и близкой:

«Я же не путешественник янки,
Нахлобучивший пробковый шлем, –
На китайском моем полустанке
Даже ветер бессилен и нем!» [Там же, 130].

Чувство одиночества, потерянности, изгнанничества в полной мере удается выразить поэту через образ волка, главная характеристика которого в символике – «чужак»:

«Тошно сердцу от звериных жалоб,
Неизбывен горечи родник...

Не волчиха – родина, пожалуй,
Плачет о детенышах своих» [Там же, 101].

«Мы – не то! Куда б не выгружала
Буря волчью костромскую рать –...» [Там же, 107].

В стихотворении «Ручная волчиха» лирический герой рисует картину жизни дикого животного, существовавшего рядом с людьми, не знающего злобы и звериной жестокости, но ощущающего непонятную тоску и одиночество:

«Люди, куры, лошади, дома –
Ничего не помнит, кроме этого.
Отчего же, не поймет сама,
Тянет выть, лесною песней сетовать» [Там же, 115].

Жизнь поэта лирический герой уподобляет существованию этой бедной волчицы: домашний уют, размеренность быта лишают лирика творческой свободы, подобно дикому животному, он, «светя глазами, до утра / Будет петь, звериной песней всхлипывать»:

«Бедная! Отныне навсегда
Будет в сердце боль истомы вещей.
Как и мы, поэты, – никогда
Не увидишь мир, мечтой обещанный» [Там же, 115].

В стихотворении «Мы» герой продолжает размышлять о судьбе поэта в новом веке и приходит к неутешительным выводам: поэзия никому не нужна:

«Темное, досадливое чувство
Пробуждаем мы в иных умах:
Мы несем ненужное искусство
На усталых наших раменах» [Там же, 126].

В «век бетона странен рыцарь лиры». Но герой А. Несмелова не сдаётся и проводит параллель между флорентинцами-ювелирами и поэтами: украшать грузный мир «сотканым творчеством» – вот главная задача поэта. На наш взгляд, в подобном отношении к словотворчеству как к способу творения мира, несомненно, прослеживается близость идейно-эстетических взглядов А. Несмелова и М. Цветаевой.

Так, например, в стихотворении «Изнеможение» лирический герой испытывает опустошение после ночного поэтического труда:

«Как раненый, ладонь прижавший к ране,
Я сердце нес и тень свою шатал –
Анаглифом, с холщового экрана
В отчаяньи перешагнувшим в зал» [Там же, 127].

В финале произведения герой резюмирует: «Воистину, непобедимо круты / Ступени восхождения к Божеству» [Там же, 127], – тем самым подчеркивая свою близость к Всевышнему: поэт, как и Бог, созидает этот мир.

Вслед за поэтами рубежа веков А. Несмелов размышляет о дальнейшем пути России. Так, в стихотворении «Вперед» он высказывает мысль о том, что «как в исключения не норови – / Не уцелеть под маской недотроги» [Там же, 128]: прогресс неминуемо коснется каждого. И те произведения, в которых авторы тоскуют о печальных нивах, о деревенских домиках, лирический герой беспощадно называет «шлаком». В данном стихотворении звучит резкое, но однозначное отношение к новому этапу в жизни Росси, определяется мироощущение героя. Читателем легко угадываются реминисценции из стихотворения В. Маяковского «Хорошее отношение к лошадям» и поэмы С. Есенина «Сорокоуст»:

«А сколько тошных проливалось слез,
Что не вернуться вновь к себе, ребенку,
Что паровоза – милый паровоз! –
Не обскакать паршивцу жеребенку» [Там же, 129].

Итогом поэтической рефлексии стала мысль о том, что жизнь – это бесконечный путь. Свое место в этой погоне герой определяет одновариантно: он человек нового времени:

«А сам – вопрос – к какому рубежу

Перегибаешь собственную ветку?

И, улыбаясь, я в ответ скажу:

– А видели ли вы мотоциклетку?

Так это – я...» [Там же, 129].

Но, несмотря на прогресс человечества, основы мироздания, по мнению А. Несмелова, останутся все же неизменными. Так, например, в стихотворении «Уверенность» лирический герой философски смотрит на мир: «бетон и клетчатые кружева мостов и радиомачт» все больше и больше окутывают город, но голубь все равно бродит по крышам, продолжая пить воду, «закидывая горло» [Там же, 129]. Отметим, что образ дома, крыши здесь неслучаен. Архетипическое значение мотива дома – Космос, в котором человек ощущает себя спокойно, уютно, мирно. Пространство вне дома представляется хаосом. Мир будет меняться, переворачиваться, но духовные основы, моральные ценности, теплота родного очага останутся неизменно важными для каждого человека.

Специфика философского взгляда А. Несмелова на бытие, на наш взгляд, заключалась в том, что жизнь – самая главная ценность в мире, прервать ее – значит нарушить законы бытия, основы гармонии. Вследствие этого философия войны сводилась к тому, что важным являлся не героизм, не пафосность подвига: внимание уделяется военным будням. На наш взгляд, это связано с тем, что только в подобных бытовых зарисовках войны мы видим Человека, а не материал для смерти. Главная задача поэта – максимальная реалистичность в изображении войны. Особенно явно это кредо писателя просматривается в его «военной прозе», которая остается за рамками данной статьи. Именно «в рассказах о войне» (речь идет о первой мировой, участником которой был сам поэт) определяется художественный метод писателя-реалиста, «бытописателя войны».

В этом смысле мы согласны с мнением А. А. Забияко о том, что «рубежной вехой в развитии подобных представлений о беллетристике в европейской литературе становится, очевидно, Великая война. Апокалипсис первой мировой переиначил всю картину мира человека, низвел прежние авторитеты, девальвировал привычные ценности и с болезненной остротой обозначил непреходящее значение «земного», «плотского». Настоятельная потребность в *живых* чувствах *живых* людей усугубляет интерес к литературе динамичной. К меткому и лаконичному слову, к новым жанровым модификациям» [3, 11].

Несомненно и то, что гуманистический идеал Несмелова складывался под влиянием лучших традиций русской классической литературы и прозы начала XX века (Л. Н. Толстой, А. И. Куприн, Н. С. Лесков, Ф. М. Достоевский, И. А. Бунин и др.). Война – это не подвиги, не победный шум барабанов, война – это смерть, страх, отчаянное желание остаться в живых. По мнению автора, самое главное на войне – сохранить человечность, не потерять способность сопереживать.

В своих размышлениях о прошедшей войне Несмелов, затрагивая проблему жизни и смерти, особое внимание уделяет превратностям человеческой судьбы. Столкновение войны и жизни зачастую имеет трагические последствия. Так, в стихотворении «Разведчики» орудие убийства пулемет представляется «уродцем на треноге в слуховушке» [4, 83], безжалостная икающая речь которого вызывает ощущение сухости во рту. Особая трагичность оборванной жизни создается метафорическим образом оторванного погона:

«Как голубь, взвил оторванный погон /

И обогнал, крутясь, обломки крыши» [Там же, 84].

В стихотворении «Сова» война – это страшная ползущая химера. Мифологический смысл этого образа у Несмелова наполняется семантикой ужаса, уродливости, аномальности:

«Ты дулом дуло револьвера
Встречал на пашне голубой,
Где распластавшейся химерой
Полз ошетилившийся бой» [Там же, 84]

Один из основных в лирике поэта – мотив смерти. А. Несмелов не ищет этому страшному явлению какого-либо смягчающего определения: смерть не несет христианского облегчения, не ассоциируется с ориентальной трансформацией души из одной оболочки в другую. Смерть – это болезненный и трагический финал человеческой жизни. Так, например, мотив смерти функционирует в стихотворении «Последний путь». Образ священника, сопровождающего гроб с умершим, демонстрирует покорность закону Танатоса:

«Пусть кто-то кого-то зовёт на борьбу.
Священник устало, покорно ступает.
Торжественен мёртвый. На мраморном лбу
Живая снежинка лежит и не тает» [Там же, 185].

«Нехристианское» понимание смерти в данном произведении обосновывается также тем, что здесь отсутствуют традиционные библейские образы рая, ангелов, воздаяния. Скорее можно говорить о стоическом принятии неизбежности перехода в небытие. Сами небеса равнодушны к происходящему:

«О памяти нашей поют голоса,
Но им не внимает безбрежное поле,
И бледно, стеклянно цветут небеса,
Не зная ни страсти, ни смерти, ни боли» [Там же, 184]

В стихотворении «Там» мотив смерти приобретает особую трагичность в связи с тем, что гибель обрывает невинную жизнь маленького Яна. Короткими фразами, частыми многоточиями А. Несмелову удается достоверно и убедительно передать страх и ужас, охватившие ребенка:

«...Прятались в подушки,
Забивались в щели...
Маленького Яна –
Голубые глазки –
Не забыла рота» [Там же, 191].

Солдат, отдавший жизнь за малыша, «не глядел ... в небо / Удивленным взглядом - / Знал, что жизнь – копейка!...». Но подобная жертвенность оказалась бессмысленной: ребенок погиб.

В стихотворении «Австриец» страшный образ смерти визуализируется посредством цветовой гаммы: лицо раненого солдата медленно, но беспощадно покрывается оттенками мертвеца: «У него почернело лицо... / И ползет возле губ синева» [Там же, 192-193]. В стихотворении «Кончина» смерть суровой, безжалостной рукой касается лезвием меча сердца бедного старика: «Уже похолодели пальцы, / А на груди – в груди? – паук...» [Там же, 234].

Таким образом, смерть в лирике А. Несмелова ужасающе реалистична, она неизменно в нескольких шагах от героев стихотворений, что придает характерную катастрофичность его произведениям.

На наш взгляд, это наблюдение не является выражением пессимистического мировосприятия Несмелова. Это всего лишь объективное воспроизведение действительности: мрачна не картина, уродлива реальность, которую изображает художник. Подтверждением справедливости подобных умозаключений являются слова, которыми заканчивается рассказ Несмелова «Ночь в чужом доме»: «А чего ищу я? Ничего. Я люблю только точно писать жизнь, как пишет ее художник-реалист» [Цит. по: 2, 33]. О. А. Бузуев также отмечал: «Пессимистические мотивы, впрочем, не становятся у Несмелова доминирующими. Они соседствуют с философскими размышлениями о вечности Бытия и Творчества» [1, 23].

Таким образом, идейно-эстетические взгляды Арсения Несмелова основываются на осмыслении трагичности своей судьбы, будущности поколения, потерявшего нравственные основы бытия. Максимальная объективность, ригористичный реализм, но в то же время особая духовность – вот основные характеристики, отражающие эссенцию поэзии Несмелова. Поэт, размышляя о жизни и смерти, о будущем России и перспективах своего народа, надеется на то, что истинные ценности вопреки обстоятельствам останутся незыблемыми в душе каждого человека и будущее поколение с уважением отнесется к стойкости и прямолинейности харбинского поэта:

«И без жалоб, судорог, молений,
Не взглянув на злые ваши лбы,
Я умру, прошедший все ступени,
Все обвалы наших поражений,
Но не убежавший от борьбы!» [3, 172].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузуев, О. А. Поэзия Арсения Несмелова: моногр. / О. А. Бузуев. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во КГПУ, 2004. – 113 с.
2. Витковский, Е. Формула бессмертия / Е. Витковский; предисл. к собранию сочинений А. Несмелова. Т. I. Стихотворения и поэмы. – Владивосток, Альманах «Рубеж». – 2006. – С. 3-34.
3. Забияко, А. На проселочных дорогах русской литературы: казус харбинской беллетристики // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь: Хрестоматия: В 4 т. Т. 1. Проза: В 3 ч. Ч. 1 (А-К) / Сост., общ. ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой; вступ. ст. А. А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ. 2013. – С. 11.
4. Несмелов А. Собрание сочинений. Т. I. Стихотворения и поэмы / А. Несмелов. – Владивосток, Альманах «Рубеж», 2006. – 560 с.

Иванов А. А.
Andrei A. Ivanov

**ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТА В КЛАССИЧЕСКОЙ И ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ**

**THE CONCEPT OF “SUBJECT” IN THE CLASSICAL AND POST-CLASSICAL
EUROPEAN PHILOSOPHY**

Иванов Андрей Анатольевич – кандидат культурологии, старший научный сотрудник, Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 85/7 – 138; 27-93-06. Email: larsandr@mail.ru.

Mr. Andrei A. Ivanov – PhD in Cultural Studies, Senior Researcher, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681035, Komsomolsk-on-Amur, 85/7-138, Lenina Str.; 27-93-06. Email: larsandr@mail.ru.

Аннотация. Рассмотрено содержание концепта «субъект», сложившееся в классической философии Нового времени: рефлексия, сингулярность, универсальность, свобода, интерсубъективность. Постклассический поворот в понимании субъективности связывается с открытием расщепленности и социальной сконструированности субъекта.

Summary. The paper explores the concept of «subject» that was formed in the classical European philosophy of the modern age. We reveal such characteristics of this concept as reflection, singularity, universalism, freedom, inter-subjectivity. The post-classical turn in the understanding of subjectivity is linked to the discovery that subject is a “split” and socially constructed something.

Ключевые слова: субъект, индивид, самополагание, интерсубъективность, тождественность, автономия.

Key words: subject, individual, self-positing, inter-subjectivity, identity, autonomy.

УДК 1(091)

В средневековой схоластике понятие *subjectum* обозначало любое подлежащее – то, о чем говорится, о чем выносятся суждения. Исключительное право называться субъектом, противопоставленным миру объектов, человеческое «Я» получило в классической философии Нового времени. При этом субъект-объектная дефиниция не была просто новым обозначением для уже известных сущностей – она отразила и утвердила занятие человеком принципиально иной позиции в мире. Новый образ человека как автономного индивида и изменившийся характер его отношений с природным и социальным окружением знаменует собой формирование в Европе так называемой культуры (общества) Модерна. Фундаментальное отличие ее от культуры Средневековья заключается в том, что человек Нового времени освобождается от сакрального авторитета и решается в своей деятельности опираться на себя – или, другими словами, обнаруживает цели и нормы их достижения внутри человеческого измерения.

Начало новому пониманию рационального субъекта и его философскому обоснованию положил, по общему признанию, Рене Декарт с его максимой *ego cogito, ergo sum* – «я мыслю, следовательно, я существую». Требование непосредственной достоверности истины, приведшее Декарта к самоочевидности акта *cogitare* (сомнения, представления, мышления) и *res cogitans* (самого сомневающегося, представляющего и мыслящего), контрастирует с

характеристиками божественной истины Средневековья: истина Откровения неочевидна для ума, так как представлена в парадоксальном единстве Бога и человека – в фигуре Христа; условием достоверности истины выступает ее непостижимость, превышение всех рациональных способностей и представлений человека. Картезианский поворот заключался в требовании умопостигаемости, в том, что представленность человеческому уму должна стать главным критерием истины.

Res cogitans, «вещь мыслящая», выставляющая себя во всяком представлении и не имеющая протяженности, имеет дело с миром протяженных во времени и в пространстве вещей-объектов – *res extensa*. Несмотря на то, что взаимодействие этих миров обеспечивается высшей благодатью Бога, позволяющей человеку надеяться на реальность существующего вне его объективного мира, главным критерием истинности знания об этом мире будут несомненность и очевидность его в мышлении, субъективное чувство, что с этим мышлением «как бы “справилось”, над чем оно закончило расчеты» [11, 123]. Внутренней достоверности представлений о внешнем мире можно достичь (приняв как должное поддержку высшей инстанции – Создателя) через процедуру самостоятельной проверки их сомнением и математическим обоснованием, т.е. посредством разработки метода, соответствующего рациональным основаниям субъекта. Внешний по отношению к сознанию мир протяженности становится *объектом* в современном смысле слова – мера его располагается в субъекте и сам он есть предмет покорения, познания и овладения. Так, в перспективе отношений к объекту рациональный субъект определяется через процессы познания и деятельности: в познании он опирается на научные методы, в своей деятельности – на результаты познания и технику.

Одним из проблематичных узлов новоевропейской концепции субъекта является соотношение индивидуальности и универсальности. С одной стороны, субъект – это внутреннее «Я» человека, которое отличает себя от других, непосредственно переживает свою автономию и уникальность, с другой – это нечто, что есть у всех людей и потому должно иметь общие характеристики. Может показаться, что решение очевидно и находится в формуле «единство в многообразии»: каждый *индивид* непосредственно переживает только собственное «Я есмь» как несомненную достоверность; категория «субъект», в свою очередь, фиксирует множество индивидуальных «Я есмь» в качестве *вида* и выделяет наиболее общие и распространенные черты этого феномена, как то делает всякое мышление. Но повторимся, что понятие субъекта было философско-теоретическим аналогом и одновременно формой легитимации определенных социальных практик, общий смысл которых можно свести к эмансипации индивида от предписанных социальных структур. Философский дискурс субъекта, подчиняясь внутридисциплинарным принципам, вместе с тем отражал и заострял противоречия трансформирующихся институтов общества и смысловых оснований социального действия. Оппозиция «сингулярное–всеобщее» воспроизводила дуалистичный характер новоевропейской личности, в которой этос самоутверждения и автономии сочетался со способностью к взаимной кооперации, добровольному объединению в коллективы и ассоциации и, в то же время, сталкивался с усложнением и отчуждением социальных институтов.

Своеобразная апология неповторимости и автономности индивида обнаруживается в теории монад Г.В. Лейбница, где монады – простейшие и неделимые субстанциальные частицы, из многообразия которых складывается предустановленная Богом гармония. Монадам присуща полная автаркия, они «вовсе не имеют окон и дверей, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти» [6, 413]. Отдельная монада неповторима в своих характеристиках, отлична от другой и видоизменяется, исходя исключительно из внутреннего принципа. Разумные монады, в отличие от простейших субстанций, обладают самосознанием (*анперцепцией*) и, отсюда, способностью к саморазворачиванию, сознательному проявлению себя в действии.

А. Рено усматривает в теории монад индивидуалистическое искажение этоса самоответственного субъекта: «...Вместе с Лейбницем оказывается завоеван (и философски обос-

нован посредством индивидуализма в онтологическом смысле термина) тот главный принцип, который оправдывает индивидуализм в этическом смысле термина: *именно в силу сосредоточенности на самом себе и заботы только о самом себе, вследствие своей независимости и подчинения закону своей природы (формуле, которая его характеризует) каждый индивид способствует проявлению порядка универсума, гармонии и рациональности целого*» [10, 185]. Рено обращает внимание на то, что, независимо от Лейбница, концепция автоматической организации порядка и гармонии из сосредоточенных на себе индивидов появляется в популярных экономико-политических сочинениях того времени: в «Басне о пчелах, или Пороки частных лиц как благо для общества» Бернарда де Мандевиля, в экономической теории Адама Смита.

Другой взгляд на субъективность содержится в концепции *трансцендентального субъекта* И. Канта. Трансцендентальный субъект есть синтетическое единство апперцепции (самосознания), которое содержит в себе априорные формы познания, обуславливающие возможность всякого опыта и не сводимые к конкретному эмпирическому содержанию. Трансцендентальный субъект – это мыслящий и самосознающий рассудок как таковой, противопоставленный индивидуальному, эмпирическому субъекту, он один и тот же во всяком сознании. Несмотря на то, что Кант разграничивает принципы действия чистого (спекулятивного) и практического разума, ставит каждый из них на свой собственный фундамент, и тот и другой внутри отдельного «Я» конституируются через апелляцию к надындивидуальному измерению. Теоретическое познание опирается на требования всеобщности, объективности знания, соответствия универсальным принципам научного мышления и проверки результатов коллективным субъектом – научным сообществом. Сингулярное, таким образом, утверждается в своем отношении ко всеобщему, к Другому, но, в отличие от того же Средневековья, моральная норма не предписана извне посредством внешнего, безусловного сакрального авторитета, а вырабатывается самим автономным субъектом в процессе учета других людей.

Свобода – существенный признак новоевропейского понимания субъекта. Детерминация деятельности в форме целеполагания, выбора приемлемых средств достижения, нравственных ограничений рождается в самом субъекте в результате его свободного волеизъявления, в этом смысле субъект не может быть полностью предсказуем. Наличие объективные условия, существующий расклад сил и тенденций, спектр имеющихся возможностей не способны исчерпывающе предсказать выбор субъекта, в этом выборе всегда присутствует некое «темное пятно», проявиться которое может только ретроспективно. С вопросом свободы связаны и идея прогресса, утопическое мышление вообще, отражающие разрыв между опытом и ожиданиями, между имеющимся и должным. Должное, полагаемое субъектом и потому трансцендентное наличному состоянию объектов, противостоит здесь необходимости как десубъективированной силе внешних факторов.

Проблема свободы субъекта и его самоограничения в результате признания свободы Другого рассматривал И.Г. Фихте. Как возможна общность свободных существ как таковых? – главный вопрос философии права, по Фихте. Субъект, признающий себя свободным, должен признать реальность другого субъекта и его аналогичного права на свободу. Условием совместного существования множества свободных существ является добровольное взаимное ограничение свободы, что и является сущностью права. В отличие от нравственного закона, требующего от «Я» внутреннего соотношения со сверхиндивидуальным измерением (того, что называется совестью), право касается только внешних действий: «Право ... требует лишь поступков, соответствующих закону. Закон же требует признавать свободу всех разумных существ в государстве, т.е. не мешать им в своей реализации» [1].

Итак, в классической философии субъект является самоочевидным и достоверным началом, лишенным протяженности и материальности духом, перед которым «расстилается» мир протяженных вещей-объектов. Активным элементом здесь является субъект, пассивным – объект. Активность субъекта разворачивается в *познании* (он составляет достоверные

суждения об объективных отношениях) и *действию* (выполняет выверенные по отношению к успеху целеориентированные действия, чтобы что-то произвести в объективном мире). Субъект занимает место высшей, бесплотной инстанции и обретает абстрактный, всеобщий характер. Это, с одной стороны, эмпирический индивид, сингулярность, неповторимая монада, с другой – трансцендентальный субъект как универсальная роль, объединяющая все конкретные «Я» и освобождающая их от жесткой обусловленности определенными условиями и исторической традицией. Субъект обладает свободой самоопределения и самовыражения, сам от себя полагая цели и средства их достижения, представляет собой неиссякаемое экспрессивное начало, преобразующее и одухотворяющее материальный мир. При этом условием реализации свободы субъекта и его самоосуществления является признание и учет Другого – внешнего субъекта, обладающего теми же правами, но отличного по своим индивидуальным качествам. Нравственные нормы осваиваются субъектом не в результате безусловно-принятия предписанного порядка, но в процессе самостоятельного ограничения и, одновременно, выхода за пределы себя.

Но уже у Гегеля возникают сомнения в принципе субъективности, которые предвосхищают постклассический переворот в понимании этого термина. В работе «Философия религии» Гегель говорит об авторитарной природе самосознания: репрессивный характер разума обоснован в структуре самоотношения, т.е. в структуре отношения к себе субъекта, делающего себя объектом: «разница между тунгусским шаманом и стоящим во главе церкви и государства европейским прелатом или между подданным Великого Могола и пуританином, с одной стороны, и человеком, следующим велению долга, – с другой, заключается не в том, что одни превращают себя в рабов, а другой свободен, а в том, что первые подчиняются господину, который находится вне их, второй несет его в себе, будучи, однако, вместе с тем своим собственным рабом...» [2, 106-107]. Деятельная природа субъекта направляется и против него самого, отвергая или подчиняя те стороны, которые объявляются не соответствующими позиции субъекта. Так, моральные установления призывают человека к самоограничению, т. е. к подавлению неприемлемых с точки зрения *всеобщего* проявлений своего внутреннего мира, тем самым разрывая субъекта на две неравные части; моральный закон есть «противоположение *одной* стороны, *одной* силы человека другим сторонам, другим силам его же; и тем самым одна сила этого человека господствует над другой его силой» [2, 105].

Следовательно, понятие субъекта, в которое вкладываются те или иные характеристики (рефлексия, автономия, ответственность), является инструментом формирования *определенной модели субъекта* и одновременного исключения тех качеств внутреннего мира человека, которые этой модели не соответствуют.

Впервые идею социальной сконструированности субъекта сформулировал Ф. Ницше: «“Субъект” не есть что-либо данное, но нечто присочиненное, подставленное. Да и нужно ли, наконец, позади интерпретаций помещать еще и интерпретирующего? Уже это одно – вымысел, гипотеза» [9, 279]. Категория субъекта, согласно Ницше, отражает не реальность наличествующего единства различных восприятий, переживаний и познаний, но желание, влечение к этому единству. Сила этого влечения заключается в том, что оно как бы способно забыть, *что* оно есть на самом деле, и представить себя как незаинтересованную истину, достоверную и неизбежную: «Наши потребности – вот *что* истолковывает мир; наши влечения и их “за” и “против”. Всякое влечение есть известный вид властолюбия, всякое влечение имеет свою перспективу, которую оно хотело бы навязать как норму всем другим влечениям» [9, 279]. Картезианская достоверность мыслящего субъекта существует не как констатация, но как *ценность*, не способная отразить ставшее, но руководящая становлением в качестве ложной и, при этом, действующей истины: «Субъект – это терминология нашей веры в единство всех различных моментов высшего чувства реальности: мы понимаем эту веру как *действие* одной причины, мы так глубоко верим в нашу веру, что ради нее и изобретаем собственно “истину”, “действительность”, “субстанциональность”» [9, 280].

Следовательно, свобода – уже не рациональный выбор, исходящий из отстраненного анализа и препарирования вещей и осуществляемый независимым субъектом, но воля к господству, рождающаяся бессознательно, почти на физиологическом уровне и изобретающая фикцию автономного, познающего субъекта в качестве оправдания своих завоеваний. Эта фикция призвана направлять внутренние силы и энергию человека в определенное русло, конструируя некий тип субъективности в качестве легитимной рамки для самоидентификации и самовыражения. Подобная рамка (модель субъекта, антропологический тип) формируется в результате действия не поддающейся рациональному учету воли к власти и потому не является предметом свободного выбора: она навязана.

Свою лепту в постклассический пересмотр концепции субъекта внес и К. Маркс. Каждый человек, согласно Марксу, является носителем совокупности общественных отношений (экономических, политических, правовых, нравственных и др.), характеризующих исторически-конкретное общество, причем в той мере и степени, в какой они человеком освоены и выявлены в конкретных видах его социальной практики и общественных связях. У Маркса встречаем мысль об исторической обусловленности типов индивидуальности: «Чем дальше назад уходим мы вглубь истории, тем в большей степени индивид, а следовательно и производящий индивид, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому...» [7, 710]. Становление капиталистических отношений и индустриального производства связано с эмансипацией индивида от традиционных структур и одновременно с усилением влияния всеобщее-безличных классовых различий. Индивид воспринимает свою автономию от теряющих эффективность либо противоречащих друг другу аскриптивных моделей поведения, но при этом оказывается проводником и носителем анонимных классовых отношений и интересов.

Пересмотр классической парадигмы субъекта, произведенный философией XX века, затрагивал две основные проблемы: целостность и тождественность субъекта; автономия и свобода субъекта как его способность к самополаганию.

Открытие Фрейдом бессознательных механизмов в психике, феномена расщепленности «Я» подвергло сомнению идею целостности субъекта. Топографическая картина психической жизни человека, нарисованная Фрейдом, разделяет ее на три гетерогенных центра: *id*, *ego* и *superego*, взаимодействие между которыми носит динамический характер противостояния, взаимной адаптации и балансирующего перераспределения нагрузки. *Ego* как самосознающая и рефлексивная часть оказывается в позиции страдательного объекта, полем борьбы бессознательных влечений и социальных запретов.

Ж. Лакан, интерпретируя Фрейда и трансформируя его схему в структуру: Реальное, Воображаемое и Символическое, говорит об иллюзорности самого *ego* как самости и самоидентичности. *Реальное* в теории Лакана – это первичный мир отсутствия различий между «Я» и миром, мир отсутствия субъекта и языка, то, что всегда остается неназванным и неопределенным. *Воображаемое* – результат психологической защитной реакции на нарушение единства с внешней действительностью (телом Матери), проявляющийся в создании целостного образа «Я» – иллюзорного нарциссического облика. Основным компонентом воображаемого – желание, которое направлено не на присвоение тех или иных объектов, но на признание самого себя. *Символическое* заключает в себе порядок языка, который усваивается индивидом «в готовом виде» сцепления означающих, трансформирующих желание Воображаемого и импульсы Реального в тексты культуры. На этом уровне, на стадии формирования Эдипова комплекса, в процессе идентификации с именем, с означающим возникает субъект. Однако это означающее обусловлено отчужденной структурой языка как территорией Другого – символического Отца, источника закона и нормы.

Иными словами, субъект предстает как парадоксальный разрыв между идентичностью как культурной определенностью и негативностью как одновременной неудачей этой определенности. В отличие от *ego* Фрейда (или вульгарной интерпретации фрейдовского *ego*) субъект у Лакана не обнаруживает себя в конкретном и статичном месте, окруженном объек-

тивированными силами природы и общества. Его участием является никогда не могущее быть удовлетворенным желание цельности и тотальности, возникающее в точке разрыва между Реальным и Символическим порядком.

В такой интерпретации субъекта есть и социологический аспект: субъект по определению является производным от общества, так как его субъективность возникает в результате интериоризации заданного извне, обезличенного социального опыта. Представление о внутреннем мире рождается, когда человек начинает соотносить себя с внешней, существующей независимо от него инстанцией Другого. Как пишет С. Жижек, «разрыв между индивидом и “безличным” социальным измерением должен быть вписан в самого индивида: этот “объективный” порядок социальной Субстанции существует лишь постольку, поскольку индивиды считают его таковым, относятся к нему соответствующим образом» [3, 14]. Общество, как считали социологи-номиналисты, действительно не существует *самов-себе* – есть только взаимодействующие между собой конкретные индивиды. Но это взаимодействие является социальным лишь тогда, когда его участники *верят* в самостоятельное, *в-себе* существование общества, в «призрачное измерение», превосходящее значением и протяженностью их собственную жизнь.

На концептуальные построения Лакана оказали сильное влияние открытия в области лингвистики и семиологии первой половины XX века, а также структурная антропология К. Леви-Строса. Бессознательное, по мнению Лакана, представляет собой скрытую структуру, сходную с языком. Уже Фрейд рассматривает свою психоаналитическую теорию как метод декодирования специфического языка, посредством которого происходит взаимодействие бессознательного и *его*. Сознание способно иметь дело только со смещенными, искаженными следами бессознательного, оставшимися в сновидениях, галлюцинациях, оговорах, неврозах и т.д. Лакан обращает внимание на то, что работа бессознательного состоит не в том, чтобы поставлять «чистые», пока еще не исковерканные импульсы-влечения на границу к сознанию, где они подвергаются преломляющему воздействию и искажению. Бессознательное действует как сама эта пограничная инстанция, осуществляющая искажение, трансформацию психических энергий (которые сами по себе вполне понятны и очевидны: либидо, агрессия, самосохранение) в систему *неочевидных* означающих, эфемерных заместителей вытесненного; иными словами, бессознательное проявляет себя в процессе семиозиса. В этом процессе ключевую роль играют метафорические и метонимические переносы, создающие взаимно детерминированную цепь означающих, которая не фиксирует находящиеся якобы вовне ее смыслы, но сама порождает их вследствие перемещения вдоль знаковой цепи, имея характер автономно существующей структуры – *langue*, по терминологии Ф. Соссюра.

Радикальный поворот в осмыслении проблемы субъекта был осуществлен в структурализме и постструктурализме. Структурализм, опирающийся на семиотические и фонологические исследования в области лингвистики, утверждал конститутивную роль языковых и знаковых структур в функционировании социальных институтов. Эти структуры предстают как автономные, независимые от воли конкретного субъекта, функционирующие по своей собственной логике системы, связи в которых имеют *дифференциальный* характер, т.е. обуславливаются, скорее, формальными различиями, чем субстанцией самих элементов. Структурализм по определению отдает главенствующую роль *форме* выражения и содержания, т.е. тому уровню, на котором знаковая система обеспечивает сама себя, порождая значения из структурных отношений элементов. Пафос структуралистских исследований социальных отношений, текстов культуры и повседневной коммуникации заключался в раскрытии роли бессознательных, автоматических механизмов саморегуляции символических систем, производных от отношений внутри структуры и детерминирующих деятельность субъектов. Тем самым подвергалась сомнению концепция трансцендентального субъекта, внеположенного тем символическим средствам, которые он использует как нейтральный носитель смыслов.

У представителей постструктурализма на первый план выдвигается идея социальной сконструированности и исторической обусловленности субъекта. Это уже не онтологическая субстанция, так или иначе присутствующая всегда и везде, но изменчивый результат властных отношений. Л. Монроз отмечает: «Субъект – термин одновременно грамматический и политический – приобрел в последнее время популярность не просто как модный синоним слова “индивид”. Дело в том, что этот термин позволяет подчеркнуть: индивиды и сама концепция “индивидуального” исторически формируется языком и обществом» [8, 19]. М. Фуко в своих исследованиях дисциплинарной власти показывает, что субъективность как форма сознания западного человека является продуктом интериоризации практик надзора, расщепляющих внутренний мир на «врача» и «пациента». Точно так же, как душа христианина является конструктом, порожденным христианской догматикой и практикой исповеди, так и «самость» современного человека порождена различными общественными установлениями и институтами: от частной собственности до теории психоанализа.

Итак, в постклассическом дискурсе субъекта мы можем выделить два ключевых пункта:

- 1) расщепленность как онтологическая характеристика субъективности;
- 2) культурно-историческая относительность субъекта как определенного типа субъективности.

Можно сказать, что в этой паре противостоят друг другу онтологическая и культурологическая интерпретации субъекта.

В первом случае под *расщепленностью* следует понимать конститутивный для существования субъективности разрыв между субстанцией, выражающей себя, и социально-знаковой формой этого выражения, говоря иначе, между «интимной» сущностью человека и его социально признанным статусом. При этом интимная сущность не существует где-то изначально, предшествуя процессам социализации, эффект внутреннего возникает именно в результате соотнесения с внешним, объективным миром. Субъект есть то, что расщепляется в системе означающего на социально-формализованное «Я», похищенное символическим порядком, и постоянно ускользающее от символизации субстанциальное единство, ставшее навязчивой нехваткой.

Однако если расщепленность субъекта как следствие идентификации с символическим порядком можно считать онтологической постоянной, то решение вопроса о том, какую из разделенных сторон субъективности считать истинной, – социально признанную идентичность или внутренний, неуловимый образ, отстраненный от исполняемых ролей, – зависит от культурного контекста. Очевидно, что наиболее распространенным в мировой истории был первый вариант ответа. В традиционном типе культуры статусом подлинного «Я» выступала идентичность, определенная коллективом. Субъект почти полностью отождествлял себя с конкретной ролью и местом в социальной структуре.

Представление о субъекте, чья идентичность не исчерпывается предписанными извне ролями, превосходит рамки социальной идентичности и даже противоречит ей, утверждается в качестве легитимной модели в культуре Нового времени. Отрыв субъективности от «собственного места» в обществе связан с обретением ею всеобщего, абстрактного характера и преодолением жестких разделений и перегородок традиционного общества. Подобный культурно-исторический тип субъективности как «субъекта» (в узком, новоевропейском, смысле слова) обретает теоретическую форму своей легитимации в философском дискурсе Модерна, но складывается и вырастает он в сфере повседневных социальных практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайденок, П. П. Парадоксы свободы в учении Фихте / П. П. Гайденок. – М.: Наука, 1990. [Электронный ресурс] Режим доступа: psylib.org.ua.
2. Гегель, Г. В. Ф. Философия религии. В 2 т. Т. 1 / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1975. – 533 с.

Иванов А. А.

ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТА В КЛАССИЧЕСКОЙ И ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

3. Жижек, С. Устройство разрыва. Параллаксное видение / С. Жижек; пер. с англ. А. Смирнова. – М.: Изд-во «Европа», 2008. – 516 с.
4. Зарецкий, Ю. П. История европейского индивида: От Мишле и Буркхарта до Фуко и Гринблатта / Ю. П. Зарецкий. – М.: ГУ ВШЭ, 2005. – 44 с.
5. Лакан, Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Ж. Лакан; пер. с фр. А. Черноглазова. – М.: Гнозис, 1995. – 192 с.
6. Лейбниц, Г. В. Монадология // Сочинения. В 4 т. Т. 1 / Г. В. Лейбниц.– М.: Мысль, 1982. – С. 413-429.
7. Маркс, К. Из экономических рукописей 1857-1858 годов. Введение // Сочинения. Т. 12 / К. Маркс, Ф. Энгельс.– М. : Политиздат, 1958. – С. 709-738.
8. Монроз, Л. Изучение Ренессанса: политика и поэтика культуры / Л. Монроз // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 42. – С. 13-36.
9. Ницше, Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. – СПб.: ИД «Азбука-Классика», 2007. – 448 с.
10. Рено, А. Эра индивида. К истории субъективности / А. Рено. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 473 с.
11. Хайдеггер, М. Европейский нигилизм / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 63-173.

Скоринов С. Н.
Sergey N. Skorinov

СЕМЕЙНО-БЫТОВАЯ ОБРЯДНОСТЬ 30 – 80-х ГОДОВ XX ВЕКА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ ЭТНОСОВ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

FAMILY RITUALS OF INDIGENOUS MINORITIES: SOUTHERN PART OF THE FAR EAST OF RUSSIA (1930s – 1980s)

Скоринов Сергей Нестерович – доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории культуры, исполняющий обязанности ректора Хабаровского государственного института искусств и культуры (Россия, Хабаровск); 680045, Хабаровск, ул. Краснореченская, 112; 8(4212) 360 538, 8 914 404 92 92. E-mail: hgiik@pochta.ru.

Sergey N. Skorinov – Doctor of Cultural Studies, PhD in History, Associate Professor, Department of Culture Theory and History, acting rector of the Khabarovsk State Institute for Arts and Culture (Russia, city of Khabarovsk); 680045, Khabarovsk, 112, Krasnorechenskaya Str.; + 7 (4212) 360538, mobile: + 7 (914) 4049292, fax: +7 (4212) 363 039. E-mail hgiik@pochta.ru.

Аннотация. В статье на основе разнообразного этнокультурологического материала реконструируется семейно-бытовая обрядность, функционирующая в 30–80-е годы XX века у нивхов и тунгусо-маньчжуров – нанайцев, негидальцев, ульчей, удэгейцев, уйльта, орочей, утверждается идея об устойчивости народной традиции и её способности к трансформации и адаптации к инокультурным влияниям.

Summary. In this paper we make an attempt to reconstructs the system of family rituals and tribal ceremonies of such indigenous minorities as Nivkhs and Tungus-Manchu: Nanais, Gyliaks, Ulchis, Udegei, Ujlta, Orochi. For this purpose we use various ethnological and cultural materials collected in 1930s – 1980s. Our analysis seems to support the idea that folk tradition is a stable and highly adaptable phenomenon particularly so in the context of oncoming foreign influences.

Ключевые слова: духовная культура, мифология, праздник, ритуал, обрядовая культура, современная семейно-бытовая обрядность, традиция, этнос, коренные малочисленные народы Севера.

Key words: intellectual culture, mythology, festival, ritual, ritual culture, modern family rituals, tradition, ethnos, indigenous minorities of the North.

УДК 008 + 39 (=512.22)

Современное мировоззрение аборигенных этносов юга Дальнего Востока России о строении Вселенной, её хронотопе, природных явлениях, социуме и личности коренным образом отличается от бытовавших ранее традиционных мифологических представлений. Их современная обрядность, являясь инсценировкой мифологии, есть не что иное, как совокупность ритуалов и их функциональных комплексов, учрежденных общественными институтами или установленных каждым социумом в результате общественной практики на основе общей мифокультурной традиции, этнокультурных контактов и заимствований.

Целью настоящей статьи является историческая реконструкция семейно-бытовой обрядности 30–80-х годов XX века у нивхов и тунгусо-маньчжуров – нанайцев, негидальцев, ульчей, удэгейцев, уйльта (ороков), орочей, доказывающая устойчивость народной традиции и её способность к трансформации и адаптации к инокультурным влияниям.

Семейно-бытовые обряды – это составная часть современной обрядности, исторически сложившаяся в результате произошедших цивилизационных изменений мировоззрения и

образа жизни. Они объединяют на знаково-символическом уровне традиционные и инновационные мифы и ритуалы жизненного цикла человека. Благодаря проведенным автором настоящей работы и отечественными этнографами в 70-90-х годах XX века исследованиям [1, 362-400]; [5, 103-112]; [8]; [9]; [10]; [11, 67-69, 130-190], были выявлены факты, подтверждающие «бесшовное» существование в современном мифологическом этносознании научных знаний и бытовавших ранее традиционных представлений. В настоящее время они представлены в сотворенных отдельными аборигенами индивидуальных мифомоделях Вселенной, в которых выявляются полностью не осознаваемые носителями культуры реликты патриархальной мифологии и обрядности. Вероятно, в данном случае можно высказать предположение о функционируемом в аборигенном сознании «геноме памяти», способствующем сохранению и передаче на генетическом уровне от поколения к поколению архетипического знаково-символического этнокода.

Существующее в этносоциумах вариативное мифоритуальное поведение тесно связано с индивидуальными, половозрастными, образовательными характеристиками и особенностями местообитания. Субъектами сохранения этнокультурных традиций являются представители старшего поколения, народной интеллигенции, среди которых большую активность проявляли художественная и педагогическая интеллигенция, врачи, а также население, проживающее в местах исторического обитания этносов и ведущее традиционное промысловое хозяйство.

По мнению автора настоящей работы, противоречивость современной семейно-бытовой обрядности коренных малочисленных народов определяется сохранением диалектического единства на индивидуальном уровне восприятия и состоянием дисперсности по отношению к массовому сознанию и бытию, что порождает поливариантность, нестабильность в функционировании ритуальных структур, снижает сопротивляемость этнической идеосферы влиянию чужеродных мифов и обрядов и, как результат, ускоряет ассимиляционные механизмы в современной динамике этнообрядовых культур.

Для дальнейшего исследования современной семейно-бытовой обрядности следует выделить пять мифоритуальных комплексов, презентующих жизненный цикл современного аборигена:

- ритуалы рождения и воспитания детей;
- эротико-брачная обрядность;
- ритуалы обустройства жилища и жизненного пространства;
- трудовая обрядность в семейном быту;
- похоронно-поминальная обрядность.

Как показывает проведенное исследование, в советское время существенно изменилась обрядовая деятельность в сфере рождения и воспитания детей. В 30-х годах прошлого века уделялось особое внимание оздоровлению женщин и детей коренных малочисленных народов. Стало обычным делом рождение детей под присмотром врачей в специально построенных роддомах – претерпевший модернизацию современный вариант древнейшего архетипа, восходящего, по всей видимости, к первомифу, повествующему об уединенном разрешении от бремени праматери человеческой. Частично реализуемый в настоящее время в России под влиянием средств массовой информации американско-европейский образец родильного ритуала с участием мужа роженицы не нашел приверженцев среди мужчин-аборигенов.

В советское время перестали исполняться унижающие женщин ритуалы, связанные с представлениями о «нечистоте женщины», проводятся роды в традиционных сооружениях – родильных шалашах и многое другое. Однако по сведениям, полученным от аборигенов, некоторые элементы предохранительной магии аборигенами не были забыты. До сих пор данные ритуалы исполняются в семьях, которые долгое время не могли иметь ребенка или у них рождались больные дети, или беременность женщины осложнялась заболеваниями, или роды завершались смертью младенца.

В настоящее время не используется ранее широко применяемая магия собственного имени. В нарушение традиции родители самостоятельно называют детей часто встречающи-

мися в России именами, устраивают ритуал смотрин новорожденного ребенка, организуют празднование дня его рождения. Ежегодное отмечание родителями дня рождения ребенка следует признать инновационным явлением в обрядовой культуре аборигенов Амура и Сахалина [9, 215, 216].

Еще в 30-е годы XX века коренные малочисленные этносы юга Дальнего Востока России воспитывали детей традиционным образом. Однако к концу XX столетия традиционные методы и приемы обучения детей трудовым навыкам, этнокультурным обычаям и ритуалам, народному искусству применяли лишь представители старшего поколения, продолжающие заниматься рыболовством, охотой, собирательством, а также национальной интеллигенции, желающие сохранить у детей способность к этнической идентичности. Отметим, что современное традиционное воспитание реализуется фрагментарно и не носит системного характера [2; 5; 12 и др.].

Целью современной, как, впрочем, и традиционной эротико-брачной обрядности, является нормативная регламентация брачно-полового поведения, воспроизводство этносоциума и образование молодого поколения для его этнокультурной адаптации. Не рассматривая весь комплекс эротико-брачных ритуалов, остановимся только на изучении его основного компонента – свадебной обрядности. Анализ этнокультурного материала показывает, что за годы советской власти коренным образом изменились ее формы и символическое содержание. Исчезли ритуалы, обязывающие выплачивать калым и приданое. Они были заменены постоянной родительской опекой и заботой о семьях своих детей, как дочерей, так и сыновей. Данное явление было характерно и для других народов России и объяснялось как необходимостью социальной адаптации молодых людей в интенсивно развивающемся обществе, так и этноментальными особенностями народов.

Коренные малочисленные народы Севера стали жить в советское время не по традиционным заповедям, освященными родовыми табу, а по верховенству государственного закона. По этой причине ушли в прошлое пережитки сорората, группового брака, а также бытовавшие ранее многоженство и браки в малолетнем возрасте. При выборе супруга аборигенная молодежь руководствовалась новыми принципами, основу которых составляли обоюдное любовное чувство, а не традиция, предписывающая подчинение отцовской (родовой) воли. Произошедшие изменения в их мировоззрении способствовали обогащению эротико-брачной символики новой современной этикой и эстетикой мировосприятия, инновационными правилами поведения и формами семейных отношений.

Современная тунгусо-маньчжурская и нивхская свадебная обрядность стала похожей на подобную ей у славянских народов России. Сегодня в основе исполнения свадебного ритуала лежат приемы театрализации. Сценаристами и режиссерами праздника становятся не только новобрачные, но приглашенные ими на роль «свидетелей» – друг жениха и подруга невесты. Как правило, они и являются непосредственными организаторами свадебного торжества. В отличие от традиционной свадьбы, в современной обрядности большое значение имеют импровизация и самодеятельное творчество ее участников. Примечательно, что в советское время как и гражданские браки, то есть официально не оформленное сожитие молодых людей, так и внебрачные связи подвергались общественному ostracism. Однако, в постсоветскую эпоху (конец 90-х – начало XXI века) аборигенная общественность под влиянием средств массовой информации, проповедующей свободу сексуальных отношений, стала толерантна и к молодежным гражданским бракам, и к внебрачным половым связям.

При этом по свидетельству информантов в 50–80-х годах XX века некоторые аборигенные семьи еще сохраняли отдельные фрагменты традиционной свадебной обрядности: исполняли ритуалы обручения малолетних детей, топтания порога или обмена котлами между породнившимися семьями, совместного угощения жениха и невесты из одной посуды, курения ими одной сигареты или папиросы, использовали в качестве свадебного экипажа специально украшенные нарты и лодки, организовывали отдельные застолья, как в семье невесты, так и жениха, соблюдали нормы экзогамного брака и другие. Характеризуя сохра-

Скоринов С. Н.

СЕМЕЙНО-БЫТОВАЯ ОБРЯДНОСТЬ 30 - 80-х ГОДОВ XX ВЕКА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ ЭТНОСОВ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

нившиеся реликтовые явления в современном свадебном обряде, следует отметить их неимперативный и светский характер. Современные носители аборигенной культуры лишили их былой сакральности и воспринимали только в качестве игровой и эстетической ценности.

Новационным феноменом аборигенной эротико-брачной обрядности стало проведение семейных праздников, посвященных юбилейным событиям супружеской жизни. Они закрепились в современной культуре коренных малочисленных этносов в 70–90-х годах прошлого столетия под воздействием русской традиции. Данные праздничные семейные торжества проводились в основном в семьях национальной интеллигенции, а в селах организовывались нечасто и, как правило, были инициированы детьми, имеющими определенный организаторский уровень или проживающими в городской местности.

Под влиянием русской культуры существенным образом изменились аборигенные ритуалы обустройства жилища и жизненного пространства. С конца XIX века аборигены Амура и Сахалина стали вначале изредка, а уже в период коллективизации (20–30-е годы XX века) более активно возводить взамен традиционных жилищ русские бревенчатые однокамерные дома. Уже к концу прошлого столетия всё аборигенное население юга Дальнего Востока России проживало в деревянных и каменных строениях, представляющих собой типичные городские и сельские постройки. Таким образом, произошедшие изменения в хозяйственной и мифоритуальной деятельности способствовали аборигенному переселению в новый тип жилища, отказу ими от строительства и использования в качестве жилых помещений как зимних, так и летних традиционных видов сооружений.

Претерпел изменения внутренний интерьер дома. С 50-х годов XX века среди коренных малочисленных этносов широкое распространение получило возведение перегородок в однокомнатных квартирах, отгораживание кухни. По мнению автора, данные интерьерные трансформации свидетельствуют о формировании у аборигенов нового пространственного мышления и произошедшем распаде родовых и возникновении в их среде семейных отношений. Их отличительной приметой 50–90-х годов прошлого столетия стало активное приобретение в магазинах мебели фабричного изготовления. Лишь в отдельных домах сохранялись предметы традиционной обстановки. Как правило, их можно было обнаружить в старых селениях. К ним относились низкие столики, детские колыбели, дощатые нары, продольные жерди над печью для сушки одежды, старинная посуда и другие предметы традиционного домашнего обихода.

Преобразования коснулись и обрядовой деятельности, непосредственно связанной с домоустроительной мифологией. Так, в отличие от традиционного ритуала современного новоселья приобрело светский характер и стало проводиться в упрощенной форме. По мнению опрошенных респондентов, основной идеей этого обряда является семейная презентация радости по поводу обретения своего места обитания – жилища и благодарение всех тех, кто оказал помощь в строительстве или выделении жилья. Тем не менее в редких случаях при праздновании новоселья проводились некоторые элементы ранее бытовавших традиционных ритуалов. Их инициаторами выступали старики. Они исполняли ритуалы кормления духов-хозяев дома, порога, очага – печи, электрической или газовой плиты, духов-покровителей, произнося молитвы-обращения, окуривали дымом багульника комнаты. Примечательно, что у некоторых стариков и представителей национальной интеллигенции в доме сохранялись скульптурные изображения духов-покровителей.

Проведенный среди сахалинских нивхов в 80-х годах XX века опрос выявил общую для всех коренных малочисленных народов тенденцию: желание жить в комфортабельных условиях – в доме с водопроводом, канализацией, центральным отоплением и тому подобными современными удобствами [4, 179-183]. При этом следует отметить, что только незначительная часть респондентов в качестве сохранения этноспецифики пожелали воспроизвести в современном декоре, экстерьере, интерьере и архитектуре компоненты традиционного стиля в форме национальной орнаментики, декоративного изображения символов и образов фольклора и мифологии.

Современная трудовая обрядность аборигенов Амура и Сахалина состоит как из традиционных, так и инновационных слоев обрядовой культуры. Их новые обряды – это результат цивилизационных модернизаций, произошедших в советское время в социальной и духовной сферах, в этнообразе жизни, хозяйственной деятельности. Для них новационной реальностью стал труд на отраслевых промышленных предприятиях, в различных учреждениях и организациях, рыболовецких колхозах и артелях. Существенные трансформации произошли в ведении домашнего хозяйства: впервые аборигены занялись огородничеством и животноводством. Современная аборигенная производственная деятельность реализуется в новой знаково-символической корпоративной системе в форме различных официальных и самодельных профессиональных праздников, а именно: посвящения в специальность (в рабочие, учителя, врачи и т.д.), отмечаемые дни первой полочки, ухода в отпуск, дней рождения, чествования передовиков труда, победителей социалистического соревнования, проведения индивидуальных и коллективных трудовых юбилеев, проводов на пенсию и другие.

Анализ современной обрядовой деятельности показал, что большую долговечность проявили анимистические представления, сохранившиеся в различных формах современной трудовой обрядности. Так, при распространении среди нивхов огородничества государственные и партийные органы на Сахалине вынуждены были преодолевать один из пережитков, связанных с их табу на копанье земли, так как нивхи полагали, что этим действием наносят вред не только всему живому, но и духу-хозяину земли. Сформированная традицией народная этика, признающая единство человека и природы, сопротивлялась повсеместно распространенной практике разрушения экологии. До сих пор некоторые представители аборигенной культуры имеющиеся экологические проблемы, возникшие в результате загрязнения воды в реках и морях, браконьерства, массовой вырубке тайги, объясняют человеческим безверием и несоблюдением сакральных правил уважительного отношения к природе. А сегодня почитание бога для них есть синоним совести.

В настоящее время отдельные охотники и рыболовы разных возрастных категорий в упрощенной форме продолжают исполнять реликты промысловой обрядовой деятельности: ритуалы кормления духов-хозяев воды, земли, огня; священные табу, как то: запреты на кражу добычи, хвастовство, бахвальство, шум на рыбалке, охоте и при нахождении в тайге и другие. Необходимо отметить, что ряд аборигенных промысловых ритуалов стали составной частью ритуальной практики иных этносов, по-соседски обитающих с коренными малочисленными народами. Такая императивность, жизнеспособность и адаптивность ритуальных традиций к новым социальным и производственным условиям непосредственно связана с архаической мифосущностью промысловой деятельности и собирательства, в соответствии с которой доминирующее значение имели случай, везение и удача, а не знания, умения и навыки. А как известно, во все исторические времена в мире случайного господствует миф как единственно возможное средство его познания и понимания.

Современная похоронно-поминальная обрядность, проявляя императивность и консервативность, способна долгое время сохранять архаические пласты аборигенной мифологии и культуры [7, 75-77]. В соответствии со сведениями, полученными из этнокультурологической литературы и от респондентов, к реликтам современной аборигенной погребальной обрядности следует отнести следующие ритуальные действия.

Во-первых, ритуал трупоположения. Обычно покойника укладывали головой, обращенной на западную сторону – в сторону захода солнца. Там, по мифорелигиозным воззрениям, располагалось родовое поселение мертвых.

Во-вторых, ритуал обряжения. Изредка аборигены продолжали надевать на покойника национальную одежду, при этом в обязательном порядке исполнялся ритуал надрывания одежды и порчи обуви [3, 88]; [7, 76].

В-третьих, ритуалы, обусловленные магией четных и нечетных чисел.

В-четвертых, ритуалы зажжения погребальных огней.

В-пятых, ритуалы погребальной тризны.

Скоринов С. Н.

СЕМЕЙНО-БЫТОВАЯ ОБРЯДНОСТЬ 30 - 80-х ГОДОВ XX ВЕКА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ ЭТНОСОВ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

В-шестых, ритуалы преподношения погребальных даров и жертв, символизирующих кормление души умершего.

В-седьмых, ритуалы выноса тела.

В-восьмых, ритуалы погребения. До настоящего времени среди отдельных негидальцев, ульчей и нивхов воспроизводится традиционный обряд так называемого ложного (условного) погребения мертвых. До 60-х годов прошлого столетия на селе, особенно в отдаленных от городских и районных центров поселках доминировали традиционные способы захоронения [6, 12-25]. Согласно проанализированным материалам, в 50-е годы XX века происходит унификация способов и похоронно-поминальной обрядности на основе русской традиции. При этом следует отметить, что по разрешению советских органов власти, по завещанию умершего и желанию его родных реализовывались традиционные ритуалы, в том числе и кремация трупов у нивхов.

Модернизировался и поминальный цикл аборигенной похоронной обрядности. В 70–80-х годах прошедшего столетия подавляющее количество аборигенов Амура и Сахалина поминали своих покойных в соответствии с русской православной традицией на 9-й, 40-й день, а также через полгода и год после смерти. Особый мифосмысл сохраняют годовые поминки, соотносимые с традицией исполнения последних больших поминок. Примечательно, что некоторые представители аборигенов предпочитают проводить последние поминки согласно традиции осенью, до выпada первого снега, предполагая, что в это время душа умершего имеет больше возможностей благополучно переместиться в потусторонний мир. Сегодня по причине отсутствия у тунгусо-маньчжурских народов и нивхов *касаты*-шаманов (больших шаманов) шаманские обряды проводов души умершего в загробный мир не осуществляются. В настоящее время ритуалы погребения и поминания покойных исполняются старейшими представителями семьи, бережно сохраняющими родовые традиции народа.

В отличие от бытовавшей традиции забвения родных могил к 80-м годам XX века под воздействием русской культуры у аборигенных этносов сформировался светский по своему характеру культ предков, который проявляется у них в воспитанной в советское время духовной потребности (в нарушение существовавшего табу) посещать могилы умерших, ухаживать за памятниками, исполнять в установленные православным календарем поминальные дни специальные ритуалы по усопшим как непосредственно на кладбище, так и дома в семейном кругу.

В сравнении с традиционной современная аборигенная похоронно-поминальная обрядность характеризуется светскостью и траурно-скорбной тональностью. К 70–90-м годам прошлого столетия некоторые фрагменты и детали традиционных ритуалов были преобразованы в своеобразные ритуальные действия синкретического свойства, опирающиеся на функционирующих в советское время нерасчлененных мифорелигиозных и научно-атеистических воззрениях о посмертной судьбе человеческой души: о её наличии или отсутствии. Не случайно разновозрастными респондентами в качестве магического смысла похоронно-поминальной обрядности определялось вербально сформулированное аксиоматическое выражение: «Так поступали наши предки, и так надо вести себя, чтобы не допустить несчастья».

Таким образом, современную обрядность аборигенов 30–90-х годов XX века можно представить как полифункциональное и многозначное явление духовной этнокультуры, являющееся своеобразным синкретическим единством приспособленной к условиям современной жизни реликтов этнообрядности и во временном отношении, а также инокультурно отличных от них официальной и семейно-бытовой мифоритуальной символики. Этносоциальная миссия современной аборигенной обрядности 30–90-х годов XX столетия есть не что иное, как знаково-символическая презентация нового исторического этапа в развитии культуры тунгусо-маньчжурских и нивхского народов. Их современная обрядовая культура, как и исчезнувшая за советские годы в небытие традиционная мифоритуальная реальность, продолжает служить для исследователей важным источником культурологических знаний о прошлом, настоящем и будущем этноса.

При этом надо учитывать, что инновационные официальные обряды общегражданского и профессионального значения существенным образом отличаются от традиционной аборигенной этнообрядности, так как их идеосфера основана не на доминирующем положении мифолого-религиозных представлений, а на господстве идеологии – научной доктрины, создаваемой в результате процесса теоретизирования экономической, политической, социальной, этнической и иной модели мироустройства общества. Но при этом необходимо заметить, что любая идеология не исключает применения элементов мифотворчества, успешно исполняющих в современном мире роль адаптационного средства в процессе идеологического символотворчества в целях регулирования индивидуальным и общественным этносознанием.

Безусловно, что степень адаптации инновационной мифологии и обрядности к этнокультурной среде непосредственно зависит от подготовленности сознания и этнического бытия к предстоящим новационным преобразованиям. Так, аборигены положительно воспринимали и активно участвовали в тех официально отмечаемых современных праздниках, которые в своей основе выражали их исконную хозяйственную и обрядовую знаково-символическую этноспецифику, реализуемую в повседневной жизни.

Феноменальность современного мифотворчества обрядовой культуры коренных малочисленных народов юга Дальнего Востока России определяется соответствующими противоречиями и закономерностями, устойчивыми параметрами её развития. В настоящий период данная идеосфера успешно реализует свой мифотворческий потенциал, репрезентируя в современном знаково-символическом универсуме этноспецифические качества культуры, воспроизводя, транслируя и трансформируя любую этнокультурную традицию посредством модифицированных ритуальных структур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березницкий, С. В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов амурсахалинского региона / С. В. Березницкий. – Владивосток: Дальнаука, 2003. – 486 с.
2. Гаер, Е. А. Традиционная бытовая обрядность нанайцев / Е. А. Гаер. – М.: Мысль, 1991. – 128 с.
3. Гасанова, Г. Похоронно-поминальный обряд горинских нанайцев и причины его изменения / Г. Гасанова // Записки Гродековского музея. Вып. 3. – Хабаровск, 2002. – С. 88-91.
4. Нивхи Сахалина: современное социально-экономическое развитие. – Новосибирск, 1988. – 221 с.
5. Отаина, Г. А. Воспитание экологического сознания у народов Дальнего Востока / Г. А. Отаина // Культура Дальнего Востока XIX–XX вв. – Владивосток, 1992. – С. 103-112.
6. Прокофьев, М. М. Материалы к изучению погребальных обрядов нивхов Северного Сахалина (на примере селения Уанди Александровск-Сахалинского района) / М. М. Прокофьев // Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области. – Южно-Сахалинск, 1986. – С. 12-25.
7. Скоринов, С. Н. Новое о ритуальной обрядности нивхов / С. Н. Скоринов // Материалы международного науч.-практ. конф. «Культура, наука и образование народов Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: история, опыт, развитие». Вып. 4. – Хабаровск, 1996. – С. 75-77.
8. Скоринов, С. Н. Мифология и обрядовая культура нивхов / С. Н. Скоринов; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. – Хабаровск, 2004. – 416 с.
9. Таксами, Ч. М. Нивхи (современное хозяйство, культура и быт) / Ч. М. Таксами. – Л.: Наука, 1967. – 271 с.
10. Таксами, Ч. М. Медвежий праздник в системе традиционных верований нивхов (экологический аспект) / Ч. М. Таксами, М. М. Прокофьев, В. Д. Косарев // Полевые исследования на Сахалине и Курильских островах. – Южно-Сахалинск: Сахалинский краеведческий музей, 1989. – С. 65-78.
11. Таксами, Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов (середина XIX — начало XX в.) / Ч. М. Таксами. – Л.: Наука, 1975. – 235 с.
12. Таксами, Ч. М. Традиционное воспитание детей у нивхов / Ч. М. Таксами // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. – Л.: Лениздат, 1988. – С. 90-120.

Ха Дон Джин

СПЕЦИФИКА МОЛОДЁЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ «ЭМО-КИДЫ» В РОССИИ

Ха Дон Джин

Ha Dong Jin

СПЕЦИФИКА МОЛОДЁЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ «ЭМО-КИДЫ» В РОССИИ

CHARACTERISTIC ASPECTS OF THE “EMO-KIDS” YOUTH SUBCULTURE IN RUSSIA

Ха Дон Джин – соискатель кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8-924-229-1004. E-mail: djha77@yandex.ru.

Mr. Ha Dong Jin – PhD applicant, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenina Str.; +7 (924) 2291004. E-mail: djha77@yandex.ru.

Аннотация. В статье представлен анализ специфики молодёжной субкультуры «эмо-киды» в России.

Summary. The paper deals with the particular characteristics of the youth subculture «Emo-kids» in Russia.

Ключевые слова: молодёжная субкультура, эмо-кид, эмокор, DIY-движение.

Key words: youth subculture, emo kids, emocore, Do it yourself.

УДК 007

Эмо (англ. emo, сокращение от «эмоциональный») – молодёжная субкультура, возникшая на базе фанатов музыкального направления «хардкор-панк» в США. Своё существование эмо начало как стиль музыки в середине 1980-х годов в Вашингтоне, где он был известен как «эмоциональный хардкор» или «эмокор» [4]. В середине 2000-х годов «эмо» стало представлять популярную субкультуру в моде на одежду и образ жизни, находясь под влиянием идей «DIY-движения» (англ. Do It Yourself – сделай это сам) [3]. Как обычно, поклонников субкультуры «эмо» называют «эмо-кидами» (emo kids), потому что большинство из них являются тинейджерами.

Субкультура «эмо» в результате влияния западной поп-культуры, появилась в России в начале 2000-х годов. Первые российские эмо-группы находились в Москве и особенно в Санкт-Петербурге. Большинство из них выпустило в лучшем случае один-два альбома, многие возникающие группы стремительно распадались или трансформировались в коллективы других музыкальных направлений. Это было обусловлено тем, что стилистика той или иной российской эмо-команды довольно неустойчива и делать какие-либо обоснованные выводы об особенностях и отличительных признаках ее творчества представляется маловозможным [9]. Однако до сих пор существуют эмо-группы, пользуясь популярностью среди молодёжи своих поклонников. В России эмо-группы репрезентируют не только музыкальный стиль, но и особый образ жизни.

Идеология эмо строится на внутренних ощущениях и таких эмоциональных состояниях, как грусть, тоска, романтическая любовь. Самая главная задача эмо – найти истинную любовь. Влюбившись, эмо-киды отдаются всепоглощающему чувству. Если любовь оказывается невзаимной, то они входят в глубокую депрессию с нанесением себе физической боли. Однако, как правило, со временем они устремляются к дальнейшему поиску новой любви. Среди эмо-кидов часто встречаются сторонники направления «стрейт-эдж» (straight-edge), которые не пьют алкоголь, не курят сигареты, не принимают наркотики и не едят никаких продуктов животного происхождения, потому что эмо – отвлечение от панк-движения.

Чаще всего девушки и юноши – эмо-киды – одеваются похоже, предпочитая в основном одежду розово-чёрной гаммы. В символике одежды розовый цвет означает эмоциональ-

ный подъём, а чёрный – меланхолию. Они предпочитают узкие джинсы с дырками или заплатками, обтягивающие футболки со смешными детскими рисунками или персонажами мультфильмов, чёрные кеды с розовыми шнурками, проклёпанные ремни. При этом на одежде и украшениях часто присутствуют такие символические атрибуты, как разбитые сердца, черепа, пистолеты, пятиконечные звезды.

Традиционной причёской эмо-кидов считается косая, рваная чёлка до кончика носа, закрывающая один глаз и на затылке короткие волосы, торчащие в разные стороны. Предпочтение отдаётся жёстким прямым чёрным волосам. Для создания этой причёски эмо-киды используют большое количество фиксирующего лака для волос. Необычный макияж эмо-кидов определяется в лёгкой бледности лица, ярко выделенными глазами и розоватыми губами. При этом большинство из них красят ногти в чёрный цвет. Кроме того, эмо-киды носят не только серьги в ушах, но и наносят пирсинг на лицо.

В 1984 году американская панк-группа «Райтс Оф Спринг» (Rites Of Spring) начала эксперименты с хардкор стилем. В результате чего появилось новое направление, отличавшееся резким вокальным переходом от агрессивного крика до мелодичного пения. Такая музыка создавала сильные эмоциональные колебания, потому была названа «эмокор» (emocore), а позже просто «эмо» (emo) [10]. К середине 1990-х годов многочисленные эмо-группы появились в США, а также несколько независимых звукозаписывающих компаний стали специализироваться в данном стиле. Самыми известными среди них были такие группы, как «Брейд» (Braid), «Кристи Фронт Драйв» (Christie Front Drive), «Минерал» (Mineral), «Джимми Ит Ворлд» (Jimmy Eat World), «Зе Гет Ап Кидз» (The Get Up Kids), «Зе Промайз Ринг» (The Promise Ring) [11, 34]. Их музыка претерпевала различные изменения, на неё влияли «инди-рок» (indie rock), «гранж» (grunge), «поп-панк» (pop-punk).

В России музыкальные эмо-группы появились в начале 2000-х годов и сразу привлекли внимание молодёжи. Они позаимствовали основу своей культуры у зарубежных музыкантов. Пели о любви, грусти, разных личных переживаниях в музыкальном стиле «эмокор» на небольших площадках, в основном в ночных клубах. Первые эмо-группы в России: «Маршак» (Marschak), «Мечты Сбываются», «Мои Любимые Игры» и др. Несмотря на то, что эти группы просуществовали достаточно недолгое время, деятельность их последователей привлекает внимание множества поклонников к эмо-культуре.

В настоящее время российские эмо-группы в основной своей массе полностью соответствуют и стилю и духу эмо. Наиболее популярные эмо-группы: «Оригами», «Линия», «Мона Лиза», «Сакура», «Комната», «Кимоно» (Kimono), «30 дней февраля» и др. Среди них стоит отметить легендарную группу «Оригами», которая была одной из первых групп исполнителей эмокора в России.

Группа «Оригами» была образована в 2001 году в Петербурге. В 2004 году она выпустила демо-альбом под названием «Демо №0», который распространялся исключительно собственными силами группы (концерты, фестивали и интернет). После выпуска дебютного альбома «Когда ложь стала правдой» (2005 г.) «Оригами» приобрела массовую популярность. Её отличительной чертой можно назвать относительную мелодичность в акустическом звуке [5].

Эмо-киды имеют свой особый язык, который акцентирует их образ жизни: за счёт изменения письменной речи, которая принимает специфический эмо-сленг (замена звонких звуков в словах на звук «ф», а также добавление уменьшительно-ласкательных обращений, вследствие чего складывается впечатление инфантилизма) [6, 258]. При этом у эмо-кидов существует довольно много жаргонных фраз: «тру-эмо» (true emo) – настоящий эмо-кид; «эмо-бой» (emo boy) – эмо-мальчик; «эмо-гёрл» (emo girl) – эмо-девочка; «позёр» – подражатель, человек, который имитирует членство в субкультуре; «скрим» (screaming) – приём пения, представляющий собой визгливый крик или вопль; «тоннели» – круглые дырки в ушах; «плаги» – серёжки без дырок, вставленные в тоннели; «снэпы» (snaps) – браслеты на руках из резинок и проводов; «слипоны» (vans shoes) – лёгкие кеды без шнуровки и др.

Традиционным местом встречи эмо-кидов являются площади, концертные площадки. В настоящее время эмо-киды часто тратят больше времени на общение в Интернете, чем в реальной жизни. Встретить эмо-кидов в России проще всего в крупных городах: в Москве – на Театральной площади, в Петербурге – на Манежной и Московской площадях [7]. Договорившись о встрече в интернете, эмо-киды собираются на эмо-концерты, которые, как правило, проходят в небольших музыкальных клубах: в Москве – «IKRA», «Точка», «Б2», «Tabula Rasa», «Plan B», в Петербурге – «Порт», «A2», «Пятница», «City Club» и др.

В современном российском обществе субкультура эмо стала объектом критики. Её противники считают, что субкультура эмо культивирует депрессию и виктимность, пропагандирует самоубийство. В начале 2008 года в прессе появились сведения, что ФСБ намерена бороться с распространением эмо из-за пропаганды детского суицида [8]. 2 июня 2008 года в Госдуме России обсуждали концепцию государственной политики по воспитанию подрастающего поколения, в результате чего разработчики концепции проявили крайнюю нетерпимость к эмо-кидам. По степени общественной опасности они приравнены к скинхедам, футбольным фанатам, нацболам и антифашистам [2]. Но на самом деле большинство эмо-кидов не доходят до самоубийства, хотя существуют случаи суицида представителей этой субкультуры. Это исходит из того, что несовершенство мира, проблемы в личной жизни и в семье приводят подростков к депрессии и мысли о смерти.

В настоящее время эмо в России переживает период, который прошла каждая субкультура на пике своей популярности. Российские эмо-киды в своём большинстве ориентируются только на внешние формы проявления поведения и символику. Сегодня появляется всё больше коммерчески успешных музыкальных проектов «эмо», но по звучанию они уже далеки от изначальных эмо-коллективов. На площадках можно увидеть пьющих и курящих эмо-кидов. Следует отметить, что эмо-киды выделяются не только по внешнему виду, но и по своему эмоциональному восприятию и, соответственно, поведению. Смысл в эмо – это, прежде всего, самовыражение, своеобразное откровение перед миром и выплеск эмоций, ярких, сочных и запоминающихся [1]. Их объединяет эмоциональный хардкор, в котором говорится о любви и боли. Кроме того, настоящее эмо-киды пропагандируют здоровый во всех отношениях образ жизни: здоровое питание, отказ от вредных привычек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бывалая, А. Почувствуй Эмо [Электронный ресурс] // Газета «Угол зрения». – Коломна, – 2007. – № 14 (333). 11 апреля. URL: <http://uz.colomna.ru/rubric/molodegka/295.html> (дата обращения: 10.03.2014).
2. Козенко А. Вертикаль детства [Электронный ресурс] // Газета «Коммерсантъ». – М., 2008. – № 94 (3911). 3 июня. URL: <http://www.kommersant.ru/contacts> (дата обращения: 10.03.2014).
3. Новоселова Е. Девушка и смерть: Почему в современных молодёжных субкультурах так часто звучит мотив добровольного ухода из жизни / Е. Новоселова // Российская газета. 2008. 26 марта. – 12 с.
4. Первая волна: Панк / Хардкор [Электронный ресурс]. URL: http://closedspaces-film.ru/read_emo/pevvaia_volna_pankhardkor.htm (дата обращения: 10.03.2014).
5. Российские эмо группы [Электронный ресурс]. URL: <http://emo-russia.ru/content/view/34/4/> (дата обращения: 10.03.2014).
6. Самохвалова, А. Г. Защитное поведение подростков в ситуациях затрудненного общения (на примере эмо-подростков) / Г.А. Самохвалова // На пороге взросления. – М.: МГППУ, 2011. – С. 248-259.
7. Теория и практика душевного стриптиза [Электронный ресурс] // Журнал «Парк культуры и отдыха». – Вологда, 2007. – № 37. 18 июня. URL: <http://park.region35.ru/numbers/num37/9/> (дата обращения: 10.03.2014).
8. ФСБ будет бороться с ЭМО [Электронный ресурс] // Газета СПб. – СПб., 2008. 27 февраля. URL: <http://www.gazeta.spb.ru/26673-0/> (дата обращения: 10.03.2014).
9. Эмо группы в России [Электронный ресурс]. URL: <http://emo.xaaa.ru/emo-gruppy-v-rossii/> (дата обращения: 10.03.2014).
10. Эмо / Emo [Электронный ресурс]. URL: <http://molodej.org/emo-emo/> (дата обращения: 10.03.2014).
11. Greenwald A. Nothing Feels Good: Punk Rock, Teenagers, and EMO. – New York: St. Martin's Griffin, 2003. – 320 p.

Воронина Н. А., Смоляков В. А.
Natalya A. Voronina, Vladimir A. Smolyakov

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ**

**ON THE ISSUE OF CONCEPTUAL APPROACHES USED FOR THE ANALYSIS
OF INTERACTION BETWEEN STATE AUTHORITIES AND LABOR UNIONS**

Воронина Наталья Александровна – аспирантка 4-го курса Хабаровской государственной академии экономики и права (Россия, Хабаровск); 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134, (4212) 22-64-84. E-mail: vornaak@mail.ru.

Ms. Natalya A. Voronina – PhD Candidate, Khabarovsk State Academy of Economics and Law (Russia, Khabarovsk); 680042, Khabarovsk, 134, Tikhookeanskaya Str.; +7 (4212) 226484. E-mail: vornaak@mail.ru.

Смоляков Владимир Александрович – доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровской государственной академии экономики и права (Россия, Хабаровск); 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134, тел.: (4212) 22-64-84. E-mail: smolyakov46@mail.ru.

Mr. Vladimir A. Smolyakov – Doctor of Political Science, Professor, Department of Social Studies and Humanities, Khabarovsk State Academy of Economics and Law (Russia, Khabarovsk); 680042, Khabarovsk, 134, Tikhookeanskaya Str.; +7 (4212) 226484. E-mail: smolyakov46@mail.ru.

Аннотация. В статье анализируется проблема взаимодействия органов государственной власти и профессиональных союзов через призму различных концептуальных политологических подходов. Раскрывается природа данного процесса, рассматриваются различные его характеристики.

Summary. In this paper we explore the problem of interaction going on between public authorities and labor unions, through the lens of various conceptual approaches adopted in political science. We reveal the nature of this process and consider its various characteristics.

Ключевые слова: взаимодействие, институционализм, бихевиоризм, система, конфликт, синергетический подход, неоинституциональный подход, взаимовыгодное сотрудничество.

Key words: interaction, institutionalism, behaviorism, system, conflict, synergetic approach, neo-institutional approach, mutually beneficial cooperation.

УДК 323.22

Сегодня много говорится о построении гражданского общества с демократичной системой управления. На становление и развитие гражданского общества в России влияет эффективность взаимодействия органов государственной власти и профессиональных союзов. Формирование отлаженного механизма взаимного сотрудничества этих двух институтов способствует созданию взаимоответственной системы управления, где будут учитываться интересы, разнообразные по содержанию и уровню значимости, каждой из независимых сторон социального диалога.

Основообразующими звеньями гражданского общества являются общественные объединения людей с активной гражданской позицией, способные защищать и отстаивать права своих членов. На сегодняшний день, несмотря на имеющиеся недостатки, наиболее организованной общественной силой, имеющей довольно длительную историю своего существования, способной вести диалог с органами власти и добиваться наиболее выгодных условий труда для работающего населения, являются профсоюзы. Основная проблема современных профсоюзов в России – это низкая популярность среди населения.

Воронина Н. А., Смоляков В. А.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ

Так, по данным социологических исследований (см. таблицу) роль профсоюзов в глазах россиян выглядит все менее значительной (с 2,21 балла в 2008 г. до 1,80 балла в 2012 г.). Для сравнения – средства массовой информации респонденты оценивают в 3,64 балла из пяти возможных.

Оценка респондентами роли некоторых общественных институтов в жизни российского общества по пятибалльной шкале (от 1 – «практически никакая» до 5 – «очень большая»)

	2012 г.	2010 г.	2008 г.	2002 г.	2000 г.
Православная церковь	3,09	3,32	3,07	3,13	2,76
СМИ	3,64	3,58	3,52	3,57	3,60
Политические партии	3,10	2,93	3,12	2,79	2,43
Профсоюзы	1,80	2,07	2,21	1,88	1,85

Причинами низкой оценки роли профсоюзного движения гражданами нашей страны, по мнению автора, являются не только неэффективная информационная политика профсоюзов, но и низкая гражданская активность самих россиян, не проявляющих желание объединяться и защищать свои права, отстаивать интересы. Особый менталитет, а также низкий «уровень доверия и солидарности» [7, 26] российского общества, несомненно, накладывает отпечаток на развитие профсоюзного движения в России и эффективность социального диалога.

Тем не менее данная общественная организация имеет большой опыт сотрудничества с органами власти и, пользуясь определенными каналами влияния на власть, добивается принятия нормативных актов, улучшающих положение работников, защищает права и интересы трудящихся. В свою очередь, органы власти понимают необходимость сотрудничества с профсоюзами, поскольку взамен на уступки они получают лояльность населения к проводимой ими политике.

Политологический анализ взаимодействия необходим и актуален, поскольку политическая система общества состоит не только из структурных элементов, но и связей, отношений между ними, в том числе при определении политического курса страны и реализации политики. Анализ политического взаимодействия позволяет осмыслить и оценить расстановку политических сил, мотивы участников, цели и сценарии политического поведения, а также в целом понять механизм функционирования общественно-политической системы.

От степени эффективности и оптимальности политического взаимодействия зависят в конечном счете выражение и удовлетворение потребностей всего общества, а также сохранение социальной и политической стабильности.

Используя различные подходы, применяемые в политологии, автор проанализировал политическую природу взаимодействия органов власти профессиональных союзов.

Так, используя институциональный подход (основатели – Дж. Локк, Т. Джефферсон [1, 67]), можно определить, что взаимодействие в данном контексте предстает как совместная деятельность отдельных институтов (государственного и общественного), регламентируемая определенными законами и нормативными актами. Недостатком институционального подхода является формализм, то есть сосредоточение только на изучении формальных институтов и отношений, однако неформальные структуры и взаимоотношения часто играют большую роль и оказывают большее влияние на принятие политических решений.

С точки зрения бихевиористского подхода (основоположники – Ч. Мерриам и Г. Лассуэлл [3, 45]), взаимодействие можно представить как совокупность действий и поведения людей, при которых они взаимно влияют друг на друга. В данном случае весь процесс взаимодействия индивидуализируется, сводится к взаимоотношению отдельных личностей. Взаимодействия выводятся из природы человека, его естественных свойств. Большое внимание уделяется стимулам и реакциям в процессе взаимоотношения людей. Недостатками данного подхода можно назвать отвержение моральных принципов, исторических традиций, сложившихся в обществе, в пользу «голой» рациональности.

Используя психологический подход (авторы – Т. Гоббс, Н. Макиавелли [3, 35]), природе взаимодействия можно объяснить, сделав акцент на раскрытии субъективной мотивации поведения, выявлении его корней в сознании и подсознании. Мотивы взаимоотношения зависят от черт характера взаимодействующих субъектов, его качеств. Политическое взаимодействие индивидов подчинено особым бессознательным установкам человеческой психики, которые являются результатом неудовлетворенности его базовых потребностей. Возникающие вследствие этого острые переживания индивида не исчезают из психики, а вытесняются в сферу бессознательного и продолжают оставаться мотивами политического поведения. На основе учета бессознательного возможно объяснение различных типов политического поведения: сотрудничества, соперничества, конкуренции, кооперации, взаимодействия. Данный подход делает акцент только на изучении личностных характеристик индивидов, оставляя без внимания влияние объективных факторов на процесс взаимодействия (установленных в обществе правил поведения, норм, традиций).

Некоторые авторы в политологии выделяют конфликтный подход (Л. Козер, Р. Дарендорф [2, 24; 5, 47]), который описывает политические процессы как постоянную борьбу. Анализируя природу взаимодействий, автор приходит к выводу, что они варьируются по своему характеру от социальной солидарности, сотрудничества и кооперации до конкуренции и конфликта.

Политический конфликт – «острое столкновение противоположных сторон, обусловленное взаимопроявлением различных интересов, целей в процессе приобретения, перераспределения и использования политической власти, овладения ведущими позициями во властных структурах и институтах, завоевания права на влияние или доступ к принятию решений о распределении власти и собственности в обществе» [6, 230].

Нельзя не согласиться, что именно конфликт является основой развития политических процессов, формирования политических коалиций, союзов, поскольку в обществе всегда присутствует некая дифференциация по материальному положению, взглядам, потребностям и другим формам несовпадения позиций.

С точки зрения системного подхода взаимодействие органов государственной власти и профсоюзов – это целостная саморегулирующаяся система, представленная совокупностью отношений и институтов, назначение которых состоит в определении коллективных целей и задач, мобилизации ресурсов общества и принятии решений.

Можно представить систему взаимодействия органов государственной власти и профсоюзов как модель «черного ящика» (см. рисунок), созданную Д. Истоном [4, 345].

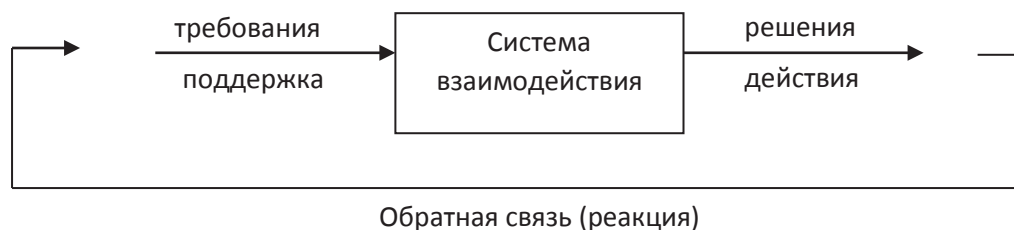

Рис. Система взаимодействия органов государственной власти и профсоюзов

Через «вход» система воспринимает требования граждан, их поддержку или недовольство, а через «выход» реагирует своими решениями и действиями. Требования могут возникать внутри системы, если их выдвигает сам профсоюз. Система взаимодействия устойчиво функционирует, если не допускается перегрузка ее требованиями, а «выходные» функции осуществляются в интересах общества. Для достижения равновесия достигается взаимоувязка действий системы на «входе» и «выходе» с учетом этих требований.

Структурно-функциональный подход (Д. Истон, Г. Алмонд [6, 32]) характеризует взаимодействие как способ социальной организации, основывающийся на целесообразном раз-

делении функций. Без взаимодействия невозможно коллективное существование человека, совместная жизнедеятельность многих людей. Само общество устроено иерархично, дифференцирует управленческие и исполнительские социальные роли. Иными словами, взаимодействие связано с деятельностью различных политических и общественных институтов и отдельных людей, занимающих определенные должности, которые имеют свои четко определенные функции. Недостатками системного и структурно-функционального подходов является ограниченность изучаемого явления строгими рамками, но ведь существуют слабо контролируемые факторы, процессы, способные вывести из равновесия и разрушить систему.

Синергетический подход (Г. Хакен [3, 49]) компенсирует недостатки двух предыдущих и учитывает различные факторы, оказывающие воздействие на систему, предполагая при этом, что многие из них плохо поддаются контролю или не поддаются вообще. При этом учитывается положительная функция разрушительных процессов, которые способны приводить к образованию более совершенных субстанций. Взаимодействие органов власти и профессиональных союзов в данном случае можно представить как саморазвивающуюся систему, имеющую способность к воспроизводству, в рамках которой происходят неконтролируемые процессы.

Недостатки всех предыдущих учитывает неоинституциональный подход (основатели – Дж. Марч, Й. Ольсен [8, 740]), который помимо политологического сочетает историческое, философское, социокультурное объяснение природы различных процессов и явлений. Именно данный подход в политологии изучает поведение человека во взаимодействии, при этом институты выступают как рамки, которые организуют и структурируют данное взаимодействие. В отличие от институционального подхода, здесь учитываются не только государственные органы и законы, но и социентальные институты, которые формируют способы выражения политическими акторами своих интересов и структурирование своих отношений с другими группами. Взаимодействие органов власти и профессиональных союзов в данном случае можно определить, как отношения между соответствующими институтами, регулируемые определенными законами и нормативными актами, а также принятыми в данном обществе правилами и сложившимися традициями. Неоинституциональный подход также учитывает влияние ресурсов и стратегий на процесс взаимодействия. Стратегиями в данном случае являются формы взаимодействия власти и профсоюзов, обуславливающие характер действия сторон по отношению друг к другу. Ресурсами выступают все материальные и духовные блага, имеющиеся у субъектов взаимоотношений, которые представляют ценность при оказании влияния с целью принятия соответствующих политических решений.

Таким образом, рассмотрев понятие «взаимодействие» через призму различных политологических подходов и отдав свое предпочтение неоинституциональному методу исследования, автор дает следующее определение взаимодействия органов власти и профессиональных союзов – это тип политических отношений между субъектами, при котором они оказывают друг на друга взаимное влияние с помощью имеющихся у них ресурсов и имеют своей целью возникновение ответного ожидаемого действия. Эффективное взаимодействие предполагает оптимальное сотрудничество между ними и достижение консенсуса.

Следует отметить, что политическое взаимодействие может иметь различные характеристики. Например, оно может быть формальным, где люди выступают исполнителями ролей, сценариев, заданной программы, и неформальным – на первом месте качества личности, мир интересов и потребностей. В политической системе всегда большую роль играли встречи, переговоры, проводимые в неформальной обстановке, где субъекты взаимодействия решали различные вопросы, имеющие стратегически важное значение для страны. Взаимодействие может быть публичным, когда процесс взаимодействия освещается в СМИ, или закрытым, то есть недоступным для посторонних лиц.

В зависимости от характера отношений власти и профсоюза можно выделить взаимодействие:

- консенсусное, когда профсоюз находится в полной зависимости от власти;
- конфликтное – когда профсоюз действует в противовес власти;
- конфликтно-консенсусное, когда власть и профсоюзы и сотрудничают и соперничают. В данном случае, такое взаимодействие выступает гарантом гражданского общества.

Рассматривая региональный уровень взаимодействия (на примере Хабаровского края), можно отметить, что сегодня наблюдается достаточно активное взаимодействие представителей профсоюзов и краевых органов власти. Бурная полемика по различным вопросам выступает свидетельством конструктивной совместной работы и желания найти решение, учитывающее интересы каждой стороны. Можно утверждать, что участие представителей профсоюзов в разработке различных нормативно-правовых актах не просто ритуал, а использование опыта и потенциала специалистов в выявлении и решении проблем социально-экономической направленности. Однако не все законопроекты, замечания и поправки принимаются органами власти, особенно федеральными, не реализуются в полном объеме и предложения региональных трехсторонних комиссий, рабочих групп, консультативных и экспертных советов. Тем не менее в Хабаровском крае у органов власти имеется понимание необходимости сотрудничества, ведь взамен на уступки они получают лояльность населения к принимаемым законам и одобрение проводимой ими политики.

Осмысление необходимости и взаимовыгодности взаимодействия органов государственной власти и профессиональных союзов происходит в нашей стране медленными темпами. Существующая система взаимодействия находится на стадии становления, поэтому для её дальнейшего развития и совершенствования необходимо создать условия и предпосылки. Органы государственной власти должны отказаться от доминирующей позиции и совместными усилиями искать взаимоприемлемые решения возникающих противоречий в системе социально-трудовых отношений и выработать меры по недопущению нарушений законных прав и интересов работников. Только взаимное сотрудничество может привести к экономическому росту и сохранению стабильной обстановки в стране и в крае. Только эффективное равноправное взаимодействие органов власти и профессиональных союзов является результатом и условием становления гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиев, К. С. Политическая наука. Ч. 1 / К. С. Гаджиев. – М.: Международные отношения, 1994. – 467 с.
2. Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социс. – 1994. – № 5. – С. 142-147.
3. Ильин, В. В. Политология: учебник для вузов. – 4-е изд., исп. и доп. / В. В. Ильин. – М.: Книжный дом «Университет» (ЖДУ), 2001. – 716 с.
4. Истон, Д. Категории системного анализа политики / Д. Истон // Антология мировой политической мысли. – М.: Наука, 1997. – С. 341-367.
5. Козер, Л. Функции социального конфликта / Л. Козер // Социальный конфликт: современные исследования. – М.: ДИК, 1991. – С. 123-167.
6. Соловьёв, А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии: учебник для студентов вузов / А. И. Соловьёв. – М.: Аспект пресс, 2001. – 559 с.
7. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М.: 2006, 134 с.
8. March, J.G., Olsen J.P. (1984) The new institutionalism: Organizational factors in political life, American Political Science Review, Vol. 78, pp. 734-749.

Старинов Г. П.

СЕРВИСНАЯ УСЛУГА ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ МАРОЧНОГО КАПИТАЛА В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНЫМИ АКТИВАМИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Старинов Г. П.

Gennady P. Starinov

**СЕРВИСНАЯ УСЛУГА ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ
МАРОЧНОГО КАПИТАЛА В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ
НЕМАТЕРИАЛЬНЫМИ АКТИВАМИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА**

SERVICES RELATED TO ESTABLISHING THE LEGAL CONCEPT OF BRAND EQUITY IN THE OVERALL MANAGEMENT OF INTANGIBLE ASSETS OF A LEGAL ENTITY

Старинов Геннадий Петрович - кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27; 8(924)112-19-64. E-mail: gpskms@mail.ru

Mr. Gennady P. Starinov – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Criminal Law, Komsomolsk - on-Amur State Technical University; Russia, 681013, Komsomolsk-on-Amur; telephone: +7 (924) 1121964, e-mail gpskms@mail.ru

Аннотация. Преодоление правового нигилизма является важным фактором эффективного развития общества. Товарный знак – деликт-менеджмент, предназначен для индивидуализации сервисной услуги по оптимизации виктимологических параметров в деятельности юридических лиц.

Summary. Overcoming legal nihilism is undoubtedly an important factor in the development of any society. Trademark – management of tort-related risks is devised for customization of services related to victimology parameter optimization in the activities of legal entities.

Ключевые слова: услуги, сервисное обслуживание, деликтные риски, деликт-менеджмент, виктимология, товарный знак, марочный капитал.

Key-words: services, maintenance, tort-related risks, tort-related risks' management, victimology, trademark, brand equity.

УДК 346.9

Эффективность экономико-правового развития любого социума напрямую взаимосвязано со сферой сервисных услуг, являющихся основой взаимодействия производства, распределения, обмена и потребления.

Качественные характеристики совершенствования сервисного обслуживания являются в настоящее время одним из основных критериев правовой оценки экономического потенциала юридического лица.

Несмотря на то, что основным элементом хозяйственных договоров являются новые высококачественные виды продукции, созданные на базе новейших технологий, сервисные услуги, выступающие как сопутствующий продукт, имеют важнейшее предназначение в процессе продвижения товара на рынок.

При этом «деловые услуги представляют собой целенаправленную предпринимательскую деятельность по оптимизации и рационализации процессов, протекающих в сферах производства, распределения, обращения, производственного потребления и социального (государственного, муниципального) управления» [1].

Основанием для развития рынка деловых услуг являются возрастающие правовые потребности по разработке инновационных реакций, способных обеспечить качественное обслуживание потребителя.

Высокие темпы развития сервисных услуг предполагают необходимость изучения прогнозирования изменений спроса и расширения рынка сбыта, с быстрым реагированием на повышение уровня изменений внешней среды, увеличивающей степень неопределённости правового пространства. Фактор неопределённости правовой среды является конституирующим признаком, то есть «питательной» средой появления рисков ситуаций в деятельности юридических лиц.

Рисковые ситуации напрямую связаны с увеличением количества правонарушений экономической направленности, подрывающих стабильность взаимосвязи имущественных правоотношений и правовых гарантий юридических лиц.

Целесообразность выделения из общей системы рисков отдельной специфической правовой группы рисков, названной автором «деликтные риски», связана с разработкой концепции эффективной правовой защитой прав и интересов юридических лиц [2].

Деликт (от латинского *delictum* – проступок, правонарушение) – совершаемое субъектом неправомерное действие (бездействие), представляющее собой нарушение норм, принципов или договорных обязательств, которое влечёт за собой деликтную ответственность, возникающую в связи с причинением имущественного вреда одним лицом другому [3].

Деликтные риски следует ассоциировать с вероятностью наступления деликта (правонарушения), влекущего за собой негативные экономико-правовые последствия для предпринимательской деятельности юридического лица.

Чаще всего предприниматели, своевременно не учитывающие фактор деликтных рисков, борются не с причинами его возникновения, а с его последствиями, то есть с возможным возмещением нанесённого ущерба. Право на возмещение ущерба является Конституционным правом (статья 52 Конституции Российской Федерации). В Гражданском кодексе Российской Федерации (подпункт 6 статьи 8) одним из оснований возникновения обязательств также является факт причинения вреда другому лицу.

Деликтные риски можно классифицировать по направлениям:

- риск снижения ликвидности предприятия в результате злоупотребления служебным положением либо полномочиями руководством юридического лица;
- риск, связанный с хищением основных или оборотных средств организации в результате девиантного поведения работников предприятия;
- риск противоправного деяния, совершённого с корыстной целью безвозмездного изъятия имущества юридического лица третьими лицами;
- риск потери готовой продукции юридического лица в процессе реализации прямого умысла как составной части состава преступления, направленного на неисполнение хозяйственных договоров фиктивными контрагентами;
- риск нанесения ущерба имуществу или имиджу юридическому лицу в связи с неэффективной охраной коммерческой тайны об экономико-правовых интересах и сведениях о различных сторонах и сферах деятельности бизнеса, преднамеренно скрываемой по коммерческим соображениям;
- риск, связанный с «утечкой» деловой информации, определяемой как конфиденциальная;
- риск криминальной конкуренции, направленной на распространение ложно-порочающих сведений, способных причинить убытки другому хозяйствующему субъекту либо нанести ущерб его деловой репутации;
- риск, связанный с использованием силового предпринимательства, направленного на деятельность по конвертации организованной силы в рыночные блага [4];
- риск, связанный с высокоинтеллектуальным вымогательством «гринмейла» (*greenmail*), направленный на получение третьими лицами сверхприбыли посредством спекуляций или злоупотреблений своими правами акционеров-«участников» по отношению к юридическому лицу;

Старинов Г. П.

СЕРВИСНАЯ УСЛУГА ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ МАРОЧНОГО КАПИТАЛА В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНЫМИ АКТИВАМИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

- риск незаконного завладения имуществом юридического лица («рейдерство») в рамках действий делинквентов, не попадающих под признаки состава преступления;
- каперские риски, направленные на противоправное завладение основными и оборотными средствами юридического лица на основании одобрения соответствующих легитивных структур;
- риск, связанный с неправомерным вынесением судебных решений;
- риск хищения рабочих мест, направленный на получение финансового преимущества при использовании наёмного труда нелегальных иностранных работников;
- риск незаконного захвата бизнеса коррумпированными сотрудниками правоохранительных структур, связанного с правовыми злоупотреблениями служебным положением;
- риск нанесения ущерба юридическому лицу работником предприятия по неосторожности, совершённого по легкомыслию или небрежности;
- риск невиновного причинения вреда имуществу юридического лица.

Деликтные риски могут привести к различным последствиям - от уменьшения капитализации юридического лица до проведения процедуры банкротства хозяйствующего субъекта.

Данные классификационные признаки деликтных проявлений целесообразно подвести под фактор криминальной либо недобросовестной конкуренции.

Быстрое распространение криминальной или недобросовестной конкуренции является серьёзным дестабилизирующим фактором, препятствующим эффективному экономическому развитию юридического лица и создающим угрозу основам безопасности общества.

Экономико-правовой подход к анализу, классификации и типизации деликтного поведения, на наш взгляд, изучен недостаточно. Деликтное (противоправное) поведение, не несущее уголовной ответственности, изучено в основном в психологии и на уровне нормативно-правовой базы, которая ориентируется на определение диспозиции девиантного поведения и дальнейшее применение санкций.

В Уголовном кодексе Российской Федерации экономические преступления подразделяются на три основные группы:

1. преступления против собственности;
2. преступления в сфере экономики;
3. преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях.

Однако нарушения закона – это не весь перечень причин, которые приводят к нарушению безопасности бизнеса и причинению ущерба юридическому лицу. Таким образом, появляется незаполненное правовое пространство между компетенцией государственных правоохранительных органов и потребностями юридического лица по обеспечению собственной безопасности.

Статья 45 Конституции Российской Федерации гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, и право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещёнными законом.

Одним из основных нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы обеспечения безопасности, является Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300, в редакции от 10 января 2000 г. № 24).

Под обеспечением безопасности понимается реализация комплекса мероприятий по предоставлению услуги, связанной с эффективной защищённостью хозяйствующего субъекта на различных стадиях его функционирования от внешних и внутренних угроз, имеющих негативные последствия.

В целом оказываемая услуга по обеспечению безопасности юридического лица определяется эффективным функционированием данной сферы, связанной с отсутствием в её рамках разного рода угроз, ущерба для жизни, здоровья и имущества потребителей, работников отрасли, а также для окружающей среды.

Основной целью деятельности юридического лица является обеспечение устойчивого и максимально эффективного функционирования бизнеса в настоящее время и обеспечение высокого потенциала экономического развития и роста в будущем. Наиболее эффективное правовое использование корпоративных ресурсов юридического лица, необходимых для выполнения миссии, достигается путём оптимизации угроз неправомерных воздействий на развитие бизнеса и достижения следующих основных функциональных целей:

- обеспечение высокой рентабельности, финансовой ликвидности и независимости юридического лица;
- обеспечение технологической независимости и достижение высокой конкурентоспособности технологического потенциала;
- обеспечение высокого уровня квалификации персонала, использование его интеллектуального и профессионального потенциала, эффективности применения научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок;
- обеспечение качественной правовой защищённости всех аспектов деятельности юридического лица;
- обеспечение правовой защиты инсайдерской информации, коммерческой тайны и коммерческих секретов;
- обеспечение безопасности персонала, капитала, имущества и коммерческих интересов юридического лица.

Выполнение каждой из вышеперечисленных целей направлено на оказание сервисных услуг по обеспечению безопасности юридического лица, что важно для достижения его основной миссии.

К числу наиболее распространённых подходов, связанных с противодействием девиантному поведению делинквентов, можно отнести: предупреждение деликтов; профилактика деликтов; борьба с деликтами; контроль деликтов.

Предупреждение деликтов представляет собой многоуровневую систему целенаправленных государственных и общественных мер по выявлению, устранению и нейтрализации причин и условий девиантного поведения, отдельных и конкретных видов деликтов.

Общесоциальное предупреждение деликтов направлено на экономическое обеспечение достойного проживания индивида в обществе, создание государством необходимых условий по обеспечению граждан необходимыми потребностями законными средствами.

Специальное предупреждение девиантного поведения делинквентов осуществляется посредством воздействия на социальные группы, отдельных индивидов или организаций на уровне деликтологических параметров либо на стадии приготовления или покушения на преступление.

Индивидуальное предупреждение деликтов определяется личностными характеристиками конкретного индивида, предрасположенного к совершению противоправного деяния.

Профилактика деликтов связана с защитой потенциальных жертв – хозяйствующих субъектов (виктимологическая профилактика), а также защитой от втягивания индивида в криминальный бизнес. Целью индивидуальной профилактики является позитивное влияние на корреляцию индивида с последующим изменением его поведения - от противоправного к законопослушному.

Борьба с деликтами предполагает жёсткие формы отрицания противоправного поведения делинквентов на различных этапах (розыска, задержания и привлечения к ответственности).

Борьба с деликтами предопределяет необходимость установления, обнаружения не только события противоправного деяния, но и делинквентов, его совершивших.

Контроль деликтов осуществляется при сдерживании их на социально-экономическом терпимом уровне.

Современная концепция по предоставлению сервисной услуги, направленной на обеспечение безопасности юридического лица, направлена не только на снижение уровня

Старинов Г. П.

СЕРВИСНАЯ УСЛУГА ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ МАРОЧНОГО КАПИТАЛА В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНЫМИ АКТИВАМИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

деликтного риска, но и на формирование потенциала ликвидности хозяйствующего субъекта с учётом уровня деликтного риска.

Исходя из того что в рамках общего научного направления по управлению рисками трудно разработать научно обоснованный комплекс необходимых мероприятий, связанных с эффективной правовой защитой юридического лица, целесообразно в общей системе управления отдельно выделить научное правовое направление, связанное с эффективным управлением защиты бизнеса от криминальной «конкуренции», назвав его деликт-менеджментом [5]. Под научным определением деликт-менеджмента в рамках хозяйственного права следует понимать оказание сервисной услуги по проведению комплекса превентивных мероприятий, направленных на оптимизацию виктимологических параметров в деятельности хозяйствующих субъектов.

Обоснование развития научного направления предопределяется необходимостью правовой регламентации марочного принципа в стратегии функционирования юридического лица любой организационно-правовой формы.

Методологические основы формирования марочной политики обосновываются тем, что товарный знак, являясь нематериальным активом в общей капитализации предприятия, становится необходимым условием устойчивого развития юридического лица, фактором его конкурентоспособности на рынке.

Торговая марка, предназначенная для идентификации качественной услуги, и товарный знак, обеспечивающий правовую защиту исключительных прав на пользование торговой маркой, являются основой репутационного актива юридического лица.

Торговые знаки (знак обслуживания) демонстрируют добротность сервисных услуг и в значительной мере удостоверяют функциональные и социальные потребности потребителя.

Предоставление сервисных услуг, направленных на обеспечение безопасности юридического лица, может эффективно реализовываться только на основе конституционной правовой регламентации.

Эффективность нормативно-правового регулирования деятельностью юридического лица зависит от того, насколько содержание законодательных положений адекватно потребностям личности, общества и государства.

В соответствии с требованиями, предъявляемыми пунктом 3 статьи 1492 части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации, данное научное направление, названное автором деликт-менеджмент, соответствует 35 классу международной классификации товаров и услуг (консультации в управлении промышленными/или коммерческими предприятиями; менеджмент в сфере бизнеса).

Общероссийский классификатор видов экономической деятельности предназначен для кодирования и классификации видов экономической деятельности и информации о них и используется для решения следующих задач (введён в действие 01.01.2003 г. Постановлением Государственного комитета РФ по стандартизации и метрологии):

- кодирование и классификация видов экономической деятельности (ЭД), заявленных хозяйствующими субъектами при их регистрации;
- определение основного и других осуществляемых видов ЭД хозяйствующих субъектов;
- разработка нормативных правовых актов, касающихся государственного регулирования отдельных видов экономической деятельности;
- осуществление государственного статистического наблюдения по видам экономической деятельности;
- подготовка статистической информации для сопоставлений на международном уровне;
- кодирование информации о видах экономической деятельности в Едином государственном реестре предприятий и организаций;

– обеспечение потребностей органов государственной власти и управления информацией о видах экономической деятельности при решении аналитических задач [6].

В частности, раздел «К», связанный с операциями с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг, включает код ОКВЭД 74.60. «Проведение расследований и обеспечение безопасности», группирующий:

- проведение расследований;
- деятельность частных агентов;
- перевозку ценностей;
- деятельность телохранителей; уличных патрулей, охранников, сторожей и вахтёров для многоквартирных домов, учреждений, фабрик, строительных площадок, гостиниц, театров, концертных и танцевальных залов и т.п.; охранную деятельность, осуществляемую с помощью механических и электрических защитных устройств;
- дрессировку сторожевых собак;
- консультирование по вопросам безопасности на производстве, в частном секторе, в общественных местах.

Динамичность совершенствования нормативно-правовых актов, регулирующих правовые отношения в сфере профессионального обеспечения безопасности юридических лиц, предопределила конкретизацию раздела «К», дополнив крайнее классификационное направление следующей формулировкой – «предоставление сервисной услуги по правовым вопросам обеспечения безопасности на производстве, в частном секторе, в общественных местах».

Представляется целесообразным в разделе № 1 (общеотраслевые квалификационные характеристики должностей работников, занятых на предприятиях, в учреждениях и организациях) квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и других служащих (ЕКС) дополнить подраздел «Должности руководителей» должностью – менеджера по безопасности.

Данная правовая конкретизация позволит более эффективно совершенствовать организацию управления сферой комплексных правовых услуг, направленных на обеспечение безопасности юридического лица в рыночных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николайчук, В. Маркетинг и менеджмент услуг. Деловой сервис / В. Николайчук. - СПб.: Питер, 2005.
2. Старинов, Г. П. Деликтные риски организаций: идентификация, диагностика и управление: на примере предприятий Хабаровского края: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Старинов Геннадий Петрович. - Хабаровск, 2009.
3. Сухарев, А. Российская юридическая энциклопедия / А. Сухарев. - М.: Инфра М, 1999.
4. Волков, В. В. Силовое предпринимательство в современной России / В. В. Волков // Экономическая социология. - 2002. - Т. 3. - № 1. - С. 20-42.
5. Рожков, Ю. В. О формировании деликт-менеджмента как отрасли научного знания / Ю. В. Рожков, Г. П. Старинов // Менеджмент в России и за рубежом. - 2012. - № 2.
6. URL: <http://www.regfile.ru/okved> (дата обращения: 12.10.2013).

Худицкая Ю. П.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТИПИЧНОЙ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА ПО ДЕЛАМ О НЕИСПОЛНЕНИИ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Худицкая Ю. П.

Julia P. Huditskaya

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТИПИЧНОЙ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА ПО ДЕЛАМ О НЕИСПОЛНЕНИИ ИЛИ НЕНАДЛЕЖАЩЕМ ИСПОЛНЕНИИ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО (СТ. 156 УК РФ)

THE CRIMINOLOGY ASPECTS OF STUDYING A TYPICAL PERPETRATOR'S IDENTITY IN CASES OF NONPERFORMANCE OR IMPROPER PERFORMANCE OF DUTIES RELATED TO RAISING UNDERAGE CHILDREN (ARTICLE 156 OF THE CRIMINAL CODE).

Худицкая Юлия Петровна – аспирантка Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск); 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47; +79621505406. E-mail: nio868hi@mail.ru.

Ms. Julia P. Khuditskaya – PhD Candidate, the Far Eastern State Transport University (Russia, city of Khabarovsk); 680021, Khabarovsk, 47, Seryshev Str.; +7 (962) 1505406. E-mail: nio868hi@mail.ru

Аннотация. Двойственность конструкции, свойственная характеристике личности преступника как субъекта совершения деяний ст. 156 УК РФ, который по своему виду в уголовно-правовом смысле является специальным и охватывает значительный круг лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности, требует детального теоретического осмысления и рассмотрения. В настоящем исследовании предлагаются авторские пути наиболее рациональных направлений изучения поставленной проблемы.

Summary. We believe that what needs deeper and more detailed theoretical understanding is the apparently ambiguous nature of the criminology concept of a person-wrongdoer under the Article 156 Criminal Code of the Russian Federation, which in the criminal-law sense seems to rather specific and covers a range of persons who are subject to criminal liability. In this paper we propose new and rational ways and methods of studying this problem.

Ключевые слова: преступления, связанные с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего; субъект преступления; преступник-родитель; преступник-профессионал.

Key words: crimes of nonperformance or improper performance of duties related to raising underage children; subject of crime; parent-offender, professional offender.

УДК 343.132.1

Детальное изучение способа совершения преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, показало, что он объединяет два таких элемента, как неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и жестокое обращение с ним. При этом каждый из представленных элементов способа имеет ряд форм своего выражения в объективной реальности, а каждая из рассматриваемых форм – систему преступных поведенческих актов – действий виновного лица, например, способ совершения преступления – жестокое обращение с ребенком, форма жестокого обращения – физическое насилие,

реализация данного насилия в виде поведенческих актов преступника – причинение ребенку телесных повреждений, встряска, таскание за волосы и т.д.

Аналогичная двойственность конструкции свойственна и характеристике личности преступника как субъекта совершения деяний ст. 156 УК РФ, который, во-первых, по своему виду в уголовно-правовом смысле для данной нормы является специальным, то есть обладающим дополнительными (помимо основных – вменяемость и достижение возраста уголовной ответственности) признаками, указанными в статьях Особенной части УК РФ [1, 392]. Во-вторых, диспозицией ст. 156 УК РФ оговаривается значительный круг лиц, на которых может быть возложена обязанность по воспитанию несовершеннолетнего, и который условно можно разделить на две основные неравные группы: преступник-родитель, преступник – иное лицо, обязанное осуществлять воспитательную функцию в отношении несовершеннолетнего [6, 59].

Наши исследования показали, что в предложенную классификацию следовало бы внести уточнение, обозначив, исключительно в контексте ст. 156 УК РФ, вторую группу субъектов преступник – иное лицо, так же, как преступник-профессионал, что, на наш взгляд, является уместным, учитывая, что обязанность по воспитанию несовершеннолетнего для таких лиц является их профессиональным долгом.

В круг субъектов выделенной нами ранее группы преступник – иное лицо (профессионал), обязанное осуществлять воспитательную функцию в отношении несовершеннолетнего, наряду с педагогическими работниками учебных заведений попадают работники медицинских организаций, в штатное расписание которых включены должности главного врача, заместителя главного врача по лечебной части, заведующих отделениями, врачей (ординаторов), старших медицинских сестер, медицинских сестер, младших медицинских сестер, в обязанности которых входит обеспечение высококвалифицированной медицинской помощи и ухода за больными детьми. В крупных детских больницах предусмотрена должность педагога, проводящего воспитательную работу с детьми.

Анализ многообразия мотивов преступного поведения, описанного в научной юридической литературе [4, 95], показывает, что основную массу преступников весьма условно по мотивационному критерию можно подразделить на следующие основные типы: корыстных (по мотиву извлечения прибыли из преступных действий), насильственных, сексуальных, личностных (по мотиву мести, вражды и т. д.). Условной данная оценка является вследствие того, что мотив, будучи, безусловно, важным критерием поведенческих особенностей преступника, не должен быть и не является единственным признаком для выделения типологических групп преступных личностей.

К озвученным насильственному и сексуальному типам личности, а также их смешанному варианту, можно отнести и субъектов данного преступления обозначенной нами группы преступник-родитель, в которую, кроме последних, входят также опекуны, попечители, усыновители, приемные родители.

Анализ насильственно-сексуального типа личности преступника, характерного для рассматриваемого нами преступления в отношении несовершеннолетних, невозможно без исследования социально-демографического критерия, как условия формирования преступной установки в поведении лица и того самого насильственного (сексуального) мотива, по которому выделен данный тип личности. Именно указанный социально-демографический признак, включающий в себя ряд более мелких «жизненных» характеристик преступной личности, формирует целостное представление о социальной среде (образе жизни, быте), в которой такая личность сложилась и которая привела к явным нравственно-психологическим деформациям представлений преступной личности об основных человеческих ценностях.

Так, анализ изученных нами уголовных дел рассматриваемой категории показал, что для родителей несовершеннолетних, ставших жертвами неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по их воспитанию, свойственно практически в своем абсолютном

Худицкая Ю. П.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТИПИЧНОЙ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА ПО ДЕЛАМ О НЕИСПОЛНЕНИИ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

большинстве ведение асоциального образа жизни, что уже в значительной степени характеризует условия совершения ими подобных преступлений. Лица, ведущие отрицательно направленный социальный образ жизни, являются склонными к систематическому злоупотреблению алкоголем, реже наркотиками, безусловно, приводящему, в первую очередь, к нарушению нормального функционирования семьи, разрушению ценных семейных связей, а значит и надлежащей обстановки, в которой должен развиваться ребенок. В условиях алкоголизма и наркомании личность деградирует, ее взаимодействие с «благополучными» слоями общества замещается на общение с неформальными группами собутыльников, наркоманов, присутствием которых зачастую сопровождается попустительское отношение родителей к ребенку по месту его проживания.

Так, подсудимая Д., как было установлено на предварительном следствии, а затем и в суде, воспитанием своих детей не занималась. У них отсутствовал регулярный режим питания. Печь в доме не топилась, гигиенические нормы жизнедеятельности не соблюдались, детская одежда находилась в грязном состоянии, чистые вещи отсутствовали. Старший сын не посещал детский садик, так как мать никаких действий по оформлению ребенка не предпринимала, заведомо зная, что для него сотрудниками данного учреждения специально длительное время сохранялось место. Д. злоупотребляет спиртными напитками, при этом алкоголь употребляет совместно с сожителем и его матерью в присутствии детей (см. прим. 1).

Такие семьи характеризуются отсутствием материального достатка или низким уровнем дохода, безработицей, социальной изоляцией и закрытостью, нередко многодетностью.

С психологической точки зрения для преступников-родителей характерен низкий образовательный уровень, обусловленный невысоким интеллектом человека, а также трудности социальной адаптации, вызванные пониженной эмоциональной устойчивостью, приводящие, в свою очередь, к чрезмерной импульсивности, агрессивности, формирующим через призму деформации человеческих ценностей тип насильственного поведения такой личности. Лица с подобной характеристикой отличает низкий уровень культуры, отношений и поведения, примитивность интересов и ценностных ориентаций, отсутствие устойчивых жизненных планов и желания к выполнению своих гражданских обязанностей, вразрез которым им свойственна устойчивая отрицательная и безразличная позиция к необходимости трудиться, заботиться о надлежащем воспитании своих детей.

Анализ преступного поведения виновных родителей в исследованных нами уголовных делах показал общую, свойственную данному поведению внезапность, спонтанность и необдуманность в применении физического насилия в отношении ребенка за счет неосознаваемых поведенческих регуляторов в условиях не менее внезапно возникающего состояния озлобленности и агрессии к ребенку по различным незначительным с бытовой точки зрения причинам. Иллюстрацией подобных немотивированных «вспышек гнева» со стороны родителей в отношении детей является следующий пример изученного нами уголовного дела. Так, С., проживающий в пос. Переяславка района имени Лазо Хабаровского края ненадлежащим образом исполнял обязанности по воспитанию своего несовершеннолетнего сына Ф., 2000 г.р., что сопровождалось жестоким обращением с ним, выраженным в применении физического насилия. Так, в начале июня 2009 г., в период времени с 11 до 12 ч, С. находясь во дворе дома, принуждал своего несовершеннолетнего сына Ф. пойти для него за спиртом, на что последний отказался и пошел в туалет, расположенный во дворе этого же дома. Придя в ярость, С. умышленно схватил лежащую на земле деревянную палку, пошел вслед за сыном, рывком руки открыл дверь туалета и, желая проявить жестокость к сыну, за то, что тот проигнорировал его просьбу, нанес ему не менее трех ударов палкой по различным частям тела. Также в начале июня 2009 г. С. пришел в ярость после того, как его несовершеннолетний сын Ф. отказался идти на свалку собирать металл для обмена на денежные средства, после чего умышленно, прижав к стене Ф., руками сжал его шею... [5, 48].

Приведенные примеры отражают особую ценность мнения, высказанного Г. Д. Андрюшиным [2, 27], согласно которому в поведении насильственных преступников часто вы-

ражены так называемые аффектогенные мотивы. Они обнаруживаются в личностно-значимых и эмоционально-насыщенных ситуациях, связаны с проявлением отрицательных эмоций и чувств – гнева, ненависти, выплеск которых приводит к агрессивным и жестоким действиям.

Изучение практики показало, что подобные ситуативные «вспышки гнева» характерны со стороны родителей и в отношении малолетних детей в возрасте от рождения и до двух лет. В абсолютном числе изученных нами уголовных дел рассматриваемой категории, виновными по которым признавались «неблагополучные» матери, а жертвами являлись младенцы, подозреваемые пребывали в молодом возрасте (до 20-22 лет) со свойственной им социальной незрелостью и жизненной неопытностью, отягощенной негативным образом жизни и собственным пережитым опытом «травмированного» детства, в условиях которого молодая мать сама когда-то была лишена надлежащей родительской заботы и внимания, неспособная в настоящее время продуцировать любовь и сострадание к собственному ребенку. Для всех таких подозреваемых беременность оказывалась нежеланной, а некоторые из них по ряду уголовных дел в ходе допросов прямо указывали, что проявляют жестокое обращение и безразличное отношение к судьбе ребенка, так как его не любят, поскольку не предполагали и не желали его рождения. Изучение практики показывает, что у подобных матерей, как правило, дети рождаются недоношенными, с множественными врожденными заболеваниями и пороками развития, учитывая, что беременность также сопровождалась нездоровым образом жизни матери. При таких обстоятельствах дети требуют большего внимания и ухода, в связи с чем воспринимаются «неблагополучными» родителями как препятствие к ведению привычного уклада их жизни, а непрекращающийся громкий крик младенца (плач, капризы малолетних детей и т.д.) приводит к большей раздражительности, уменьшению привязанности матери к ребенку, желанию уйти, оставить его одного.

Рассмотренные выше условия совершения преступлений родителями, чьи действия связаны с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, характеризуют их как преступников ситуативных согласно классификации преступников по степени их общественной опасности и криминогенной выраженности. Подобная классификация была предложена А. В. Смирновым [3, 72].

Для субъектов группы преступник-профессионал свойственен положительный набор внешних (объективных) характеристик социально-демографического критерия, таких как наличие высшего образования, работы по профилю специальности и надлежащего материального уровня, собственной благополучной семьи и детей, профессиональной принадлежности, связанной непосредственно с осуществлением воспитательного процесса в отношении несовершеннолетних, и наличием в этой связи определенного профессионального статуса.

К числу установок, дискредитирующих работу лица, занятого по роду своей профессиональной деятельности воспитанием несовершеннолетних, и формирующих у работников преступную направленность в осуществлении этой деятельности, в первую очередь, на наш взгляд, относится отсутствие должного социального контроля или его низкий уровень, являющийся одним из качественных показателей микросреды, в условиях которой совершается рассматриваемое нами преступление. Так, в различных специальных учебно-воспитательных и медицинских учреждениях работа персонала с несовершеннолетними носит закрытый для посторонних лиц характер, и подобное своеобразное невмешательство в ход воспитательного процесса порождает определенное ощущение безнаказанности и бесконтрольности за уровнем «педагогичности» воспитательного воздействия, оказываемого на несовершеннолетних. Низкий же уровень социального контроля, помимо внешних проверок, в том числе, может выражаться и в преступном, попустительском отношении руководства учреждения к недопустимым методам воспитания со стороны его работников.

Например, в одной из детских больниц города Твери в палате для «отказных» детей медсестра приклеивала лейкопластырем «пустышку» ко рту новорожденным детям, чтобы

Худицкая Ю. П.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТИПИЧНОЙ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА ПО ДЕЛАМ О НЕИСПОЛНЕНИИ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

они своим криком не раздражали ее и «не мешали работать». Главный врач больницы знала о таких фактах, но для нее это было нормальным в обращении с новорожденными детьми, в связи с чем она покрывала своих подчиненных сотрудников (см. прим. 2).

Важно отметить тот факт, что особую роль в становлении генезиса преступного поведения играет мировоззренческая позиция личности, без которой невозможна ее ориентация в социальной среде. Следующей установкой в формировании преступной направленности личности рассматриваемой группы субъектов является солидарное (конформное) поведение ее коллег при осуществлении ими своего служебного долга, связанного с воспитанием несовершеннолетних. Именно действия работников остального трудового коллектива в зависимости от степени добросовестности их реализации соответствующим образом (собственным примером) вовлекают конкретно взятую личность в сложившуюся модель взаимоотношений с несовершеннолетними, влияя на характер и способы действий этой личности, направляя ее в линию правомерных или неправомерных устремлений. Таким образом, осознание личностью того факта, что другие работники поступают в обстановке, требующей разрешения, аналогичным образом, стирает некую грань «недозволенности» применяемых воспитательных методов, обуславливая данную преступную направленность поведения личности влиянием на нее факторов внешней среды.

В описанных условиях микросреды совершения рассматриваемого преступления ее совокупная взаимосвязь с психологической неустойчивостью работника порождает ту самую кризисную для него ситуацию, в условиях которой личность оказывает свое преступное воздействие на несовершеннолетнего. Сложившиеся социальные условия всегда проявляются в преступлении, преломляясь через личность. В данном случае, на наш взгляд, указанное преломление проявляется в так называемом психологическом «эффекте выгорания», когда труд, скажем педагога с большим стажем работы, относящийся к числу эмоционально-напряженных, требующих каждодневного самообладания и саморегуляции, приводит к «профессиональной» усталости, ослаблению коммуникативных навыков, побуждающих в очередной стрессовой ситуации с ребенком применение в отношении него непедагогических методов воздействия.

Характеристика личности, будучи многогранной системой свойств и признаков, их содержания и многообразного сочетания, раскрывает наиболее полное представление о тех, кто совершает данное преступление, их мотивации и условиях противоправного поступка, а значит, и о наиболее рациональных способах взаимодействия с рассмотренной категорией преступников в процессе производства по уголовному делу.

Тщательное изучение личности в ходе расследования уголовных дел рассматриваемой категории, микросреды ее формирования (досуга, ближайшего окружения, семьи) и конкретных обстоятельств совершения преступления, отображают в представлении дознавателя (следователя) наилучшее восприятие тех или иных склонностей в поведении данной личности, а значит, самое существенное о причинах и условиях совершенного ею преступления.

Собранные и изученные объективные данные о личности преступника, такие как особенность его характера, привычек, направленности и количестве совершенных в прошлом преступлений, связей, наклонностей, семейного положения и особенностей работы – позволяют в максимально короткие сроки установить с преступником необходимый дознавателю (следователю) психологический контакт. А в условиях оказываемого им противодействия грамотно спланировать свою деятельность по использованию наиболее подходящих и значимых тактических приемов, позволяющих успешно разрешить задачи расследования по уголовному делу.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Документ Обзор Кемеровского областного суда от 04.05.2005 № 01-19/241 «Обзор судебной практики по делам о преступлениях против семьи и несовершеннолетних» http://kemerovo.news-city.info/docs/sistemsq/dok_ieqeli/page3.htm
2. Репортаж программы «Время». 1 канал. Эфир от 28.01.2007 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комментарий к Уголовному кодексу РФ. – М.: Спарк, 1997. – Т. 2. – С. 392.
2. Основы криминальной и следственной психологии: учеб. пособие. – Орел: Орловский ЮИ МВД России, 2005. – С. 27.
3. Смирнов, А. В. К вопросу о новых подходах в анализе личности преступника / А. В. Смирнов // Вестник молодых ученых Томского государственного университета. – 2006. – № 4. – С. 72.
4. Кондрашов, Д. В. Социально-демографические и нравственно-культурные особенности личности современного насильственного преступника / Д. В. Кондрашов // Материалы конференции «Уголовно-правовая политика России и стран СНГ». – 2007. – С. 95; Смирнов, А. В. К вопросу о новых подходах в анализе личности преступника / А. В. Смирнов // Вестник молодых ученых Томского государственного университета. – 2006. – С. 70.
5. Уголовное дело № 4-218/2009 // Архив Мирового судебного участка № 3 района имени Лазо Хабаровского края.
6. Шкурихина, Н. В. Расследование преступлений, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Шкурихина Надежда Валерьевна. – Барнаул, 2007. – С. 58-59.

Ларченко Ю. Г.
Julia G. Larchenko

**УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ
И РАЙОНОВ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ**

**SOCIAL&ECONOMIC DEVELOPMENT LEVEL OF THE CITIES AND REGIONS
OF THE KHABAROVSK TERRITORY**

Ларченко Юлия Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и коммерции Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: l_uliya_g@mail.ru.

Ms. Julia G. Larchenko – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Marketing and Commerce, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin St. E-mail: l_uliya_g@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается методика оценки уровня социально-экономического развития городов и районов Хабаровского края.

Summary. The paper examines a method for assessing the level of social and economic development of the cities and regions of the Khabarovsk territory.

Ключевые слова: планирование региональной экономики, показатели социально-экономического развития, уровень социально-экономического развития.

Key words: regional economy planning, indicators of social and economic development, level of social and economic development.

УДК 658.1(075)

В процессе государственного регулирования рыночной экономики важной задачей является разработка пропорций структурного воспроизводства в отраслях народного хозяйства страны в территориальном плане. Для решения данной задачи необходимо осуществлять оценку и планирование регионального развития экономики. Среди основных целей планирования комплексной программы развития любого региона выделяют повышение уровня жизни населения и обеспечение самофинансирования [1, 64]. Исходя из этого, возникает необходимость в формировании системы показателей и соответствующем инструменте анализа уровня социально-экономического развития конкретной территории.

В специальной экономической литературе наиболее известным подходом к оценке регионального развития экономики является метод, основанный на моделях САПСЭР (Система анализа и прогнозирования структуры экономики региона) [1, 66]. Рассмотрим основные модели САПСЭР (см. табл. 1).

В результате сравнительной характеристики моделей САПСЭР установлено, что первые пять моделей не учитывают социальные показатели, что не позволяет провести комплексную оценку уровня развития регионов. Последние три модели (шестая – восьмая) в систему оценки включают социальные индикаторы. Вместе с тем в шестой модели расчёт ряда разных обобщающих показателей затрудняет их сравнение и формирование итогового результата анализа. В седьмой модели используется только один социальный показатель, что требует дополнительного обоснования достаточности его применения.

Таблица 1

Модели САПСЭР [1, 66-78]

Модель	Характеристика модели	Преимущества модели	Недостатки модели
Первая модель, четвёртая и пятая модели	Модель основана на уравнении межотраслевого баланса, в соответствии с которым объём валового регионального продукта сопоставляется с суммарной величиной: производственного, личного, общественного потребления товаров и товарных запасов. В результате определяется сальдо «вывоза-ввоза» товаров и, как следствие, уровень самофинансирования региона	Определение недостатка/дефицита соответствующих товаров. Установление структуры потребления товаров. Оценка степени экономической самостоятельности региона	Трудоёмкость вычислений. Не учитываются социальные показатели в оценке уровня развития региона
Вторая модель	Модель основана на структурной цикличности развития экономики региона. В этом случае определяются индексы роста объёмов производства в отдельных отраслях и в целом индекс роста валового регионального продукта. В результате их сопоставления рассчитывается показатель структурной эластичности производства	Определение стадии экономического развития региона: рост, стагнация или кризис	Не позволяет оценить структуру потребления товаров. Не учитываются социальные показатели в оценке уровня развития региона
Третья модель	Модель основана на определении структуры региональной экономики, обеспечивающей максимизацию налоговых поступлений	Использование экономико-математического моделирования	Ограниченная область применения (финансовое планирование)
Шестая модель	Модель основана на определении структурных сдвигов в экономике региона, исходя из пяти критериев: уровень фондоёмкости производства, прирост ВРП, удельный прирост национального дохода с учётом динамики сальдо «вывоз-ввоз» и векторный критерий. Векторный критерий позволяет определить траекторию развития экономики региона	Использование системы социально-экономических показателей	Трудоёмкость вычислений. Сложность сопоставления обобщающих показателей оценки структурных сдвигов и формулирования выводов
Седьмая модель	Модель основана на расчёте коэффициента эластичности занятого населения по объёму выпуска продукции. Данная модель предусматривает сопоставление интегральных показателей структурных сдвигов в численности занятых и объёме производства по отраслям экономики. При значении коэффициента эластичности меньше единицы в регионе наблюдается структурная безработица	Ввод социального показателя (уровень безработицы) в систему оценки развития региона	Система социально-экономических показателей имеет обобщённый вид.
Восьмая модель	Модель основана на расчёте обобщённого показателя уровня социально-экономического развития региона.	Детализированная система социально-экономических показателей.	Дифференцированный подход к обоснованию набора социально-экономических показателей

Восьмая модель в отличие от всех ранее рассмотренных моделей содержит комплексную систему социально-экономических показателей развития региона, которые могут меняться в зависимости от информационной базы исследования. С методологической точки зрения восьмая модель является наиболее адаптированной для практического использования.

Проведём оценку уровня социально-экономического развития городов и районов Хабаровского края в 2011 году (за 2012 год данные неполные), используя данные Госкомстата России по Хабаровскому краю (см. табл. 2). Для этого необходимо определить таксономический показатель уровня социально-экономического развития региона ($УСЭР_i$), разработанный В. Плюта [1, 78]:

$$\left\{ \begin{array}{l} \tilde{U}_{iD} = 1 - \frac{d_i}{c_0}; \\ d_i = \sqrt{\sum_{j=1}^k (x_{ij} - x_{0j})^2}; \\ c_0 = \bar{d}_i + 2S_d; \\ \bar{d}_i = \frac{1}{n} * \sum_{i=1}^n d_i; \\ S_d = \sqrt{\frac{1}{n} * \sum_{i=1}^n (d_i - \bar{d}_i)^2}. \end{array} \right. \quad (1)$$

где x_{ij} – значение j -го социального/экономического показателя в i -м регионе; x_{0j} – значение j -го социального/экономического показателя в эталонном регионе; k – количество показателей; n – число регионов; \bar{d}_i , c_0 , S_d – промежуточные расчётные групповые показатели.

Необходимо отметить, что среди частных социально-экономических показателей развития региона выделяют: удельный показатель валового регионального продукта (далее ВРП) или удельный показатель национального дохода, среднедушевой оборот розничной торговли, уровень занятости населения и обеспеченности: жилым и/или нежилым фондом, медицинским и бытовым обслуживанием и другие индикаторы. При этом частные показатели могут относиться к индикаторам-стимуляторам экономического развития региона, значения которых стремятся к максимуму, или дестимуляторам, сдерживающим рост, – их значения стремятся к минимуму.

В табл. 2 первые пять показателей являются стимуляторами экономического роста, а шестой показатель – дестимулятор.

В методике нахождения таксономического показателя уровня социально-экономического развития соответствующего региона осуществляется сравнение частных показателей конкретной территории со значениями аналогичных показателей эталонного субъекта Российской Федерации. В качестве эталона выбирается территория с наибольшим (для стимуляторов) или с наименьшим (для дестимуляторов) значением показателя. На практике возможна ситуация, при которой нет региона-лидера по числу показателей. В этом случае при смене показателей эталонный индикатор будет меняться. В рассматриваемой задаче по четырём социально-экономическим показателям: среднедушевой объём розничного товарооборота, число предприятий и организаций на 1000 человек населения, миграционный прирост на 1000 человек населения и численность врачей на 10000 человек населения эталоном является г. Хабаровск. По оставшимся двум частным показателям (уровень преступности и обеспеченность населения жилым фондом) – это Охотский район.

Результаты расчётов уровня социально-экономического развития городов и районов Хабаровского края представлены в табл. 3.

Таблица 2

Показатели социально-экономического развития городов и районов Хабаровского края [2-5]

Город/район	Оборот розничной торговли на душу населения, р.	Число предприятий и организаций на 1000 человек населения	Общая площадь жилых помещений, м ² на человека	Миграционный прирост на 1000 человек населения	Численность врачей на 10000 человек населения	Число зарегистрированных преступлений на 1000 человек населения
Хабаровск	186 935,00	46,42	22,00	14,20	103,30	20,86
Комсомольск-на-Амуре	129 506,60	19,38	22,10	-8,60	45,50	24,04
Советско-Гаванский	79 743,90	2,52	24,00	-9,80	32,30	12,43
Николаевский	67 953,00	1,76	27,50	-21,80	35,90	24,02
Амурский	43 844,80	1,67	23,50	-17,60	29,90	17,66
Бикинский	68 932,20	0,96	21,30	-13,40	30,90	16,61
Аяно-Майский	92 355,80	3,76	28,90	-48,30	54,80	11,80
Ванинский	103 005,00	1,98	21,60	-9,00	29,90	17,43
Верхне-буренский	40 932,10	1,92	25,70	-19,00	24,60	22,31
Вяземский	42 368,00	1,41	21,30	-18,60	29,90	17,19
Комсомольский	19 620,60	1,44	17,70	7,80	13,90	16,52
им. Лазо	36 464,50	1,22	24,20	-21,00	23,10	23,68
Нанайский	53 260,20	1,58	17,80	-13,00	16,80	20,58
Охотский	38 515,10	2,31	33,20	-38,80	42,70	11,20
им. П. Осипенко	18 281,00	2,71	26,30	-19,30	25,60	19,80
Солнечный	35 199,50	1,18	20,70	-17,10	19,70	17,71
Тугуро-Чумиканский	52 318,20	3,50	21,50	-41,40	9,30	19,60
Ульчский	38 403,10	1,91	22,60	-29,20	29,40	22,61
Хабаровский	31 534,80	2,54	18,10	26,70	20,40	14,51

Среди городов и районов Хабаровского края по уровню социально-экономического развития следует выделить Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре. При этом Хабаровск относится к территории с высоким уровнем развития, а Комсомольск-на-Амуре – к территории со средним уровнем развития. В отношении остальных территорий наблюдается низкий уровень социально-экономического развития, т.к. значение таксономического показателя находится в диапазоне 0,18 – 0,59, что значительно меньше единицы (максимального значения). Отклонение фактического значения показателя от максимального уровня объясняется тем, что по ряду социальных показателей: обеспеченность жилым фондом и рабочими местами, влияющими в свою очередь на миграционный прирост населения, данные территории отстают от г. Хабаровска, принятого в качестве базы сравнения по большинству показателей.

Выводы, полученные авторами в ходе изучения уровня социально-экономического развития городов и районов Хабаровского края, обозначили и подтвердили необходимость разработки мер по внедрению социально ориентированной государственной политики в об-

Ларченко Ю. Г.

УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ И РАЙОНОВ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

ласти экономики. Кроме этого, результаты анализа показали важность развития дифференцированного подхода к выбору социально-экономических показателей отдельной территории (области) в зависимости от её отраслевой специализации, а также природно-климатических и географических особенностей.

Таблица 3

Расчёт уровня социально-экономического развития городов и районов Хабаровского края

Город/район	Показатель		
	d_i	$(d_i - \bar{d}_i)^2$	$\frac{d_i}{\bar{d}_i}$
Хабаровск	14,79	15 589 835 718,19	1,00
Комсомольск-на-Амуре	57 428,44	4 548 910 516,72	0,72
Советско-Гаванский	107 191,14	312 685 604,59	0,48
Николаевский	118 982,03	34 715 903,06	0,42
Амурский	143 090,23	331 829 060,67	0,31
Бикинский	118 002,83	4 7213 652,11	0,43
Аяно-Майский	94 579,24	917 775 587,13	0,54
Ванинский	83 930,05	1 676 411 622,03	0,59
Верхнебуренский	146 002,93	446 429 500,31	0,29
Вяземский	144 567,03	387 813 301,37	0,30
Комсомольский	167 314,43	1 801 185 584,64	0,19
им. Лазо	150 470,53	655 179 738,85	0,27
Нанайский	133 674,84	77 453 824,67	0,35
Охотский	148 419,93	554 408 199,10	0,28
им. П. Осипенко	168 654,03	1 916 686 054,83	0,18
Солнечный	151 735,53	721 539 087,60	0,27
Тугуро-Чумиканский	134 616,85	94 922 110,53	0,35
Ульчский	148 531,93	559 695 199,78	0,28
Хабаровский	155 400,23	931 847 393,45	0,25
\bar{d}_i		124 874,05	
S_d		40 786,05	
c_0		206 446,16	

ЛИТЕРАТУРА

1. Прогнозирование и планирование в условиях рынка : учеб. пособие / Т. Н. Бабич, И. А. Козьева, Ю. В. Вертакова, Э. Н. Кузьбожев. – М.: Инфра-М, 2012. – 336 с.
2. Миграция населения Хабаровского края в 2011 году : стат. сб. – Хабаровск: Хабаровскстат, 2012. – 66 с.
3. Розничная торговля и общественное питание в Хабаровском крае в 2007 - 2011 годах : стат. сб. – Хабаровск: Хабаровскстат, 2012. – 60 с.
4. Состояние здравоохранения в Хабаровском крае : стат. сб. – Хабаровск: Хабаровскстат, 2012. – 85 с.
5. Состояние социальной сферы и уровень жизни населения Хабаровского края : стат. сб. – Хабаровск: Хабаровскстат, 2012. – 153 с.
6. Заусаев, В. К. Управление стратегическим развитием промышленного центра / В. К. Заусаев, Г. И. Бурдакова, В. В. Литовченко // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 2. – С. 124-125.

Несмачных О. В.
Olga V. Nesmachnykh

МЕХАНИЗМ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КАРТЫ ИННОВАЦИОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КЛАСТЕРА АВИА- И СУДОСТРОЕНИЯ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

ON THE DEVELOPMENT OF A STRATEGIC MAP FOR THE INNOVATIVE AVIA/SHIPBUILDING CLUSTER IN THE KHABAROVSK TERRITORY

Несмачных Ольга Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Международные экономические отношения» Инженерно-экономического института, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет (Россия, Санкт-Петербург); 195257, г. Санкт-Петербург, Северный пр., 75. E-mail: olga-nesmachnykh@yandex.ru

Olga V. Nesmachnykh – PhD in Economics, Associate Professor, Department of International Economic Relations, Institute of Engineering and Economy, St.-Petersburg State Polytechnic (Russia, St.-Petersburg); 195257, St.-Petersburg, 75, Severny Ave. E-mail: olga-nesmachnykh@yandex.ru

Аннотация. В статье предложен авторский механизм разработки стратегической карты кластера, основанный на методике ССП. Приведены методы формирования экономико-математической модели на основе стратегической карты кластера. Рассмотрен пример разработки стратегической карты для инновационного кластера авиа- и судостроения Хабаровского края.

Summary. In the paper I suggest a unique method for development of a strategic map of the cluster, based on the BSC techniques. This strategic map forms the basis for building the mathematic economic model of the cluster. I consider an example showing how a strategic map is developed for an innovative avia/shipbuilding cluster in the Khabarovsk territory.

Ключевые слова: инновационный кластер, эффективность, система сбалансированных показателей, стратегическая карта.

Key words: innovative cluster, efficiency, Balanced Scorecard, strategic map.

УДК 334.78

Концепция сбалансированных показателей эффективности является важнейшим и наиболее популярным в наше время инструментом стратегического планирования на предприятиях. Система сбалансированных показателей (ССП) связывает стратегические цели социально-экономической системы с ее ресурсами и переводит ее стратегию в цели, показатели, нормы и инициативы деятельности.

При формировании стратегической карты кластера необходимо помимо проекций определить количество и направленность стратегий, в рамках которых происходит реализация развития кластера. С точки зрения функционального подхода можно выделить четыре основных составляющих, в рамках которых предполагается исследование факторов влияния на деятельность инновационно-промышленного кластера – финансово-экономическая эффективность, социальная эффективность, инновационная и производственная эффективность. Финансово-экономическая эффективность имеет место всегда при оценке любой социально-экономической системы. Финансовая составляющая является основным индикатором любых изменений, происходящих в системе, а кроме того, и важнейшим источником ресурсов, обеспечивающих эти изменения. Оценка производственной эффективности целесо-

образна тогда, когда речь идет о промышленном кластере. Основной целью объединения предприятий в промышленном кластере, как правило, является повышение именно производственной эффективности предприятий. Инновационная эффективность должна быть оценена, т.к. рост инновационной деятельности участников кластера является как одной из основных причин объединения, так и важнейшим его следствием. Социальная эффективность должна оцениваться потому, что помимо влияния на отдельные предприятия, деятельность кластера оказывает мощное воздействие на экономику региона не только по экономическим показателям, но и по социальным показателям тоже. Кроме того, социальная эффективность деятельности любых интегрированных структур в современной экономике выходит на первый план. Концепция социально ответственного менеджмента заключается в удовлетворении интересов всех экономических субъектов, заинтересованных в деятельности кластера. К социальной составляющей можно также отнести и экологическую ответственность производственных предприятий, которая заключается в сокращении уровня загрязнения окружающей среды посредством использования лучших систем очистки.

Основные проекции, выделенные создателями концепции ССП, предполагают выделение показателей деятельности кластера, касающихся финансов, клиентов и рыночного окружения, бизнес-процессов и обучения и развития. Нам представляется целесообразным разделить показатели функционирования кластера на проекции: финансово-экономический аспект (финансы), рыночный аспект (клиенты), производственный аспект (бизнес-процессы), инновационный аспект (обучение и развитие) и социальный аспект. Кроме того, необходимо добавить проекцию «Федеральные и региональные цели» или «Устойчивое развитие», т.к. деятельность кластера обосновывает достижение долгосрочных целей развития региона. Как видно, выделение мероприятий для достижения поставленных целей можно сгруппировать в отдельную проекцию «Потенциал развития кластера». Реализация всех выделенных проектов поможет достичь экономических, социальных и инновационных целей развития кластера.

Построение стратегической карты инновационно-промышленного кластера включает этапы:

1. Построение стратегических карт отдельных компаний и организаций, включенных в состав кластера на этапе формирования.
2. Учет целей и задач федеральных и региональных программ развития.
3. Определение общего поля интересов участников кластера и формирование стратегической карты кластера.

Разработка стратегической карты – это инструмент достижения целей экономической системы, направленный в первую очередь на решение ее важнейших проблем. При исследовании машиностроительных и ремонтных компаний Хабаровского края экспертами были выделены следующие основные проблемы¹, представленные ниже:

1. Высокий износ производственных мощностей судостроительных и авиастроительных компаний Хабаровского края. Необходимость модернизации производственных мощностей в соответствии с новыми технологиями, используемыми в сфере машиностроения.
2. Повышение качества продукции авиа- и судостроительной отрасли Хабаровского края. По оценкам экспертов², качество судостроительной и авиастроительной продукции уступает конкурентам на международном рынке (например, компании Embraer (авиастроительный кластер, Бразилия), Boeing, EADS, Airbus и т.д.). В большей степени это зависит, скорее, от недоверия к российскому производителю, нежели от реального уровня качества продукции.
3. Низкая локализация поставщиков для авиа- и судостроительной отрасли. Основная часть поставщиков находится за пределами Хабаровского края и даже Дальнего Востока.

¹ Концепция развития инновационного кластера в Хабаровском крае. – Правительство Хабаровского края, Фонд «ЦСР «Северо-запад»», 2011 г.

² Там же

Так, например, партнерами ОАО «КнААПО» по проекту SSJ 100 являются французские поставщики, которые производят двигатели за пределами России. Основные поставщики комплектующих для судостроения находятся в Новосибирске. Большая удаленность поставщиков от финишной сборки, которая и сосредоточена в Хабаровском крае.

4. Слабая сервисная база по обслуживанию самолетов и судов. Уменьшение ремонтно-сервисных мощностей, ограниченные инфраструктурные и технологические возможности по ремонту судов различных классов.

5. Недостаток высококвалифицированных кадров для управления и контроля процессом производства комплектующих и сборки, а также недостаток производственных кадров для работы в низшем и среднем звене заводов.

Основными целями инновационно-промышленного кластера, исходя из изложенных проблем, являются:

- Инициирование развития малых инновационных предприятий – поставщиков вокруг крупных машиностроительных компаний Хабаровского края по принципу «ступица-спицы». Это приведет к увеличению концентрации поставщиков в Хабаровском крае, снижению транзакционных издержек и снижению цен на комплектующие для авиа- и судостроительной отрасли. Кроме того, географическая локализация позволяет на месте контролировать качество комплектующих и устранять все дефекты еще до начала финишной сборки. Кроме того, инновационные малые предприятия, реализующие инновационно-инвестиционные проекты по высокотехнологичному производству, позволят значительно повысить качество продукции, снизить издержки на производство комплектующих и занять конкурентоспособную позицию на мировом рынке.

- Модернизация ОС основных машиностроительных компаний Хабаровского края. Это приведет к снижению затрат на ремонт и обслуживание оборудования и увеличению его производительности. Кроме того, ОС нового поколения позволяют при применении новых технологий изготовления комплектующих и сборки достичь более высокого качества продукции, экономичного использования ресурсов.

- Повышение производительности за счет подготовки кадров, погруженных в процесс производства и сборки со студенческой скамьи. Применение концепции пожизненного найма.

- Организация внутреннего кредитования и применение других финансовых инструментов для пополнения недостатка финансирования развития кластера.

На рис. 1 показан фрагмент стратегической карты, иллюстрирующий общность целей крупнейших производственных предприятий инновационно-промышленного кластера и целей регионального развития, поставленных в Постановлении Правительства Хабаровского края от 2 мая 2012 г. № 137-пр. Цели компаний, оказывающих влияние на цели региона, показаны , общие цели производственных компаний – , основные бизнес-процессы изображены , направления кооперации – .

Ограниченность формата статьи не позволяет показать все многообразие производственных и экономических взаимосвязей между участниками инновационно-промышленного кластера. Однако показанные во фрагменте стратегической карты направления развития кластера позволяют предполагать сотрудничество с университетами в рамках реализации кадровых программ, с НИИ в сфере разработки инновационных проектов по общим направлениям кооперации авиа- и судостроения, а также развитие межотраслевого взаимодействия, предполагающее трансферт инноваций и обмен кадрами, иллюстрирует наличие пространства и необходимость развития инфраструктуры кластера (центр экспертиз, информационно-ресурсный центр и т.д.). Кроме того, различные органы государственного управления и регионального и федерального уровней, упомянутые в Постановлении Правительства Хабаровского края «О содействии экономическому развитию и Конкуренции, инвестиционной и внешнеэкономической Деятельности в Хабаровском крае», также участвуют в формировании и развитии кластера.

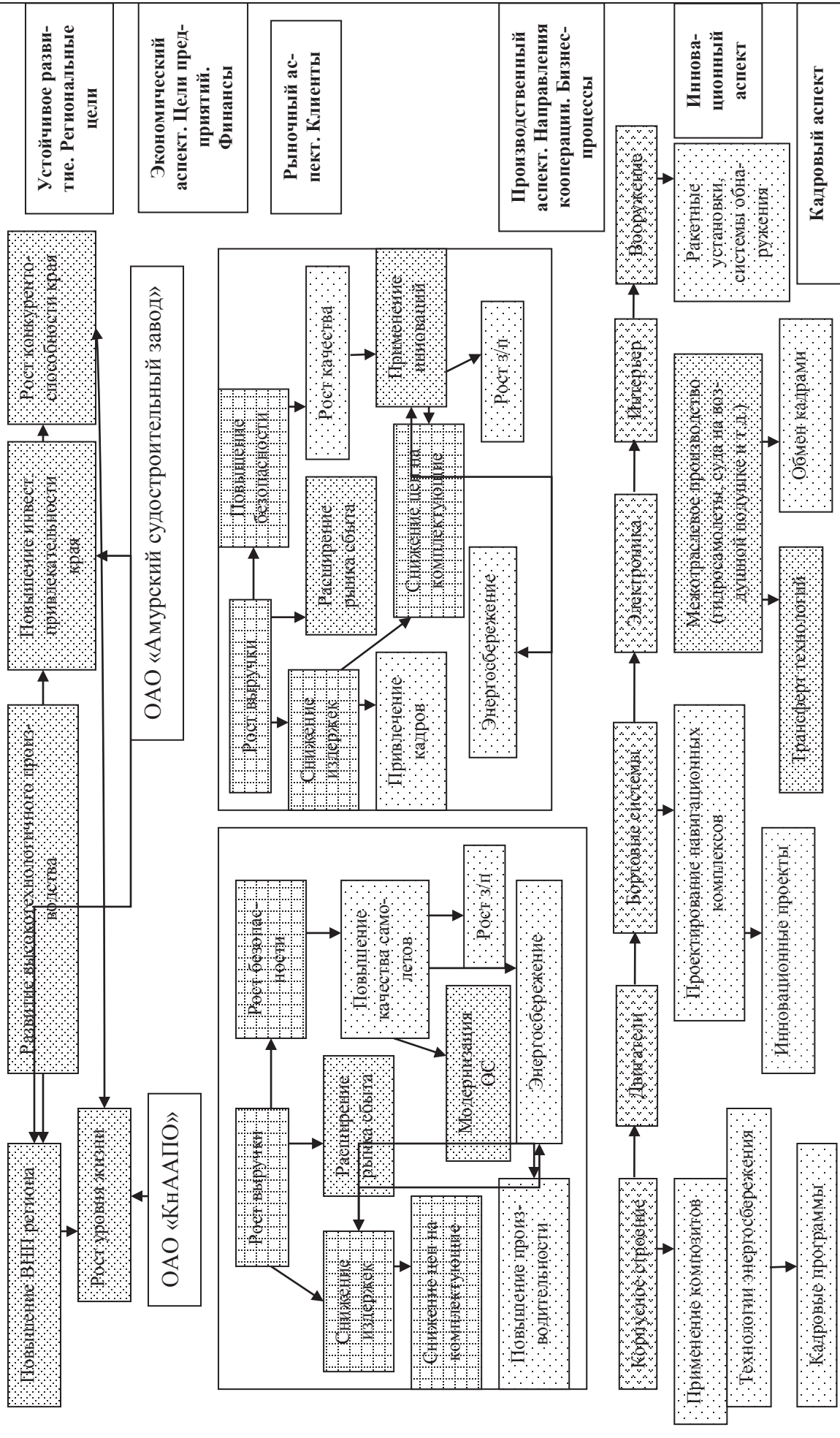

Рис. 1. Фрагмент стратегической карты кластера

Несмачных О. В.

МЕХАНИЗМ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КАРТЫ ИННОВАЦИОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КЛАСТЕРА АВИА- И СУДОСТРОЕНИЯ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

того, в функции должны присутствовать технические характеристики самолета (расход топлива, навигационные возможности, грузоподъемность и т.д.) Технические характеристики были выделены экспертами (мастерами производственных цехов «КнААПО»), а также были выделены интервалы значений этих характеристик, которые приведены в ГОСТ 19919-74, ГОСТ 17102-71, ГОСТ 16504-74, ГОСТ 17657-71. Совокупность контролируемых технических характеристик можно заменить параметром степень соответствия стандарту или просто соответствие.

Качественные характеристики оцениваются с помощью нечетких множеств на основе проведенного среди работников КнААПО и покупателей анкетирования. Конкурентоспособность оценена таким же способом. Затем был проведен корреляционно-регрессионный анализ, с помощью которого приведены в соответствие все эти характеристики. Конкурентоспособность компании определяется на основе следующего уравнения:

$$R_1 = (105,54;108,45;112,63)X_1 + (23,568;28,45;31,47)X_2 + (458,69;468,12;489,35)X_3 - (45,87;47,46;50,87)X_4 + (136,85;168,45;179,23)X_5 + (65,12;68,14;71,23)X_6, \quad (1)$$

где X_1 – уровень удовлетворенности покупателя; X_2 – уровень сервисного обслуживания; X_3 – доля рынка; X_4 – уровень конкурентоспособности аналогов; X_5 – уровень использования инноваций; X_6 – соответствие технических характеристик стандарту.

Каждое треугольное число характеризует разброс мнений опрашиваемых по поводу определения уровня каждого параметра. По такому же принципу сформирована функция формирования цены изделия (рассматривали на примере SSJ 100). Разница заключается в том, что уравнение составлено с помощью регрессионного анализа, поэтому не может содержать треугольных чисел. При составлении уравнения формирования цены на будущее была учтена неточность плановых показателей и сформирована нечеткая функция

$$R_2 = (48,23;51,47;55,12)X_7 + 125,14;147,36;179,54)X_8 - 78,45;89,13;101,60)X_9 - (456,21;479,13;490,65)X_{10} + (13,45;18,65;21,32)X_{11} + (26,46;28,35;32,40)X_{12}, \quad (2)$$

где X_7 – уровень спроса; X_8 – уровень производительности труда; X_9 – цены на комплектующие; X_{10} – себестоимость товара; X_{11} – производительность оборудования; X_{12} – уровень безопасности самолета.

Объем продаж находится в зависимости от конкурентоспособности и цены на изделие. Зависимость выглядит следующим образом:

$$R_3 = (125,12;147,25;154,36)X_{13} + (156,14;174,35;196,23)X_{14}, \quad (3)$$

где X_{13} – конкурентоспособность компании; X_{14} – цена изделия SSJ 100.

Выручка компании – это функция, зависящая от доли вклада отдельных производимых ею товаров. Часть выручки, приходящаяся на SSJ 100, находится как произведение цены изделия на объем продаж:

$$\text{Доля}_\text{выручки}_\text{SSJ}_100 = R_1 * R_3. \quad (4)$$

Таким же образом формируется экономико-математическая модель кластера, основанная на взаимосвязях показателей компаний, НИИ, университетов и государственных учреждений.

Предложенная модель формирования стратегической карты кластера позволяет определить общность интересов основных участников кластера и сформулировать конкретные, измеримые, количественные цели, позволяющие каждому участнику кластера достичь своих собственных результатов. Экономико-математическая модель, сформированная на основе стратегической карты, позволяет прогнозировать финансово-экономические, социальные и инновационные результаты деятельности кластера, а также определять приоритетные направления финансирования. С помощью предложенной модели можно контролировать результаты реализации выбранной стратегии и вовремя вносить соответствующие коррективы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция развития инновационного кластера в Хабаровском крае. – Правительство Хабаровского края, Фонд «ЦСР «Северо-запад»», 2011 г.
2. Оценка эффективности реализации финансовой стратегии предприятия на основе сбалансированной системы показателей: моногр. / О. В. Несмачных, В. В. Литовченко. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2007.
3. Постановление Правительства Хабаровского края «О содействии экономическому развитию и Конкуренции, инвестиционной и внешнеэкономической Деятельности в Хабаровском крае» от 2 мая 2012 г. № 137-пр.
4. Несмачных, О. В. Формирование синергетического эффекта в экономическом кластере на основе закона возрастающей отдачи / О. В. Несмачных, В. В. Литовченко // *Фундаментальные исследования*. – 2013. – № 6 (часть 5). – С. 1210-1219.

Третьяков М. М., Филоненко В. В.

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ СЕЗОННОСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ТУРИСТСКОГО СПРОСА

Третьяков М. М., Филоненко В. В.

Mikhail M. Tretyakov, Valentina V. Filonenko

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ СЕЗОННОСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ТУРИСТСКОГО СПРОСА

ASSESSING THE SEASONALITY OF TOURISM DEMAND

Третьяков Михаил Михайлович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и логистики Тихоокеанского государственного университета (Россия, Хабаровск); 680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.

Mr. Mikhail M. Tretyakov – Doctor of Economy, Professor, Head of Department of Marketing and Logistics, the Pacific State University (Russia, city of Khabarovsk).

Филоненко Валентина Владимировна – аспирант Хабаровской государственной академии экономики и права, начальник отдела международной и межрегиональной кооперации Министерства экономического развития и внешних связей Хабаровского края (Россия, Хабаровск). E-mail: dolchediva@hotmail.com

Ms. Valentina V. Filonenko – PhD student, Khabarovsk State Academy of Economy and Law ((Russia, city of Khabarovsk), head of Department for International and Inter-regional Cooperation, Ministry of Economic Development and External Affairs of the Khabarovsk Region. E-mail: dolchediva@hotmail.com.

Аннотация. В статье рассматриваются причины возникновения сезонности на туристских рынках, классификация туристских рынков в зависимости от равномерности распределения туристских потоков, виды сезонности, вопросы оценки сезонности туристского спроса с использованием методики расчета коэффициента Джини, а также возможные методы сокращения сезонных колебаний туристского спроса на рынке Хабаровского края.

Summary. In this paper we explore: why seasonality takes place at tourist markets, the seasonal classification of tourist markets, the types of seasonality, the approach proposing measurement of seasonality in tourism demand by the Gini Coefficient calculation, and possible methods for decreasing seasonal fluctuations in tourism in the Khabarovsk Region.

Ключевые слова: сезонность, туристский спрос, коэффициент Джини, туристские услуги, рынок туристских услуг.

Key words: seasonality in tourist demand, Gini Coefficient, tourist services, tourist market.

УДК 338

Сезонность оказывает существенное влияние на формирование и функционирование туристских рынков многих стран мира, как со стороны спроса, так и со стороны предложения. В зависимости от времени года наблюдаются резкие увеличения и спады въездного и выездного туристских потоков. Причины сезонности могут быть объединены в две большие группы: природные и институциональные [6]. К ним относятся не только низкие среднесуточные температуры в дестинации, но и государственный и религиозный календари, сезоны дождей и наводнений, регулярное проведение массовых мероприятий (фестивалей, карнавалов) и т.п.

Сезонность предложения связана с невозможностью удовлетворения туристского спроса поставщиками туристских услуг в различные периоды года (например, невозможность доставки туристов на острова в период дождей). Поставщики туристских услуг знают основные причины возникновения колебаний туристского предложения и разрабатывают меры по их сокращению.

В этой связи в данной статье будут рассмотрены вопросы определения степени сезонности туристского спроса и сокращения его сезонных колебаний.

Сезонность спроса – колебания въездных и выездных туристских потоков в зависимости от времени года, государственного календаря, религиозных праздников и других причин. Так, в России в период рождественских каникул наблюдается увеличение спроса на зарубежные туристские поездки, в периоды школьных каникул растет спрос на зарубежные образовательные программы, а в летнее время резко увеличивается спрос на путевки в детские загородные оздоровительные лагеря и круизные туры, в холодное время года после формирования снежного покрова увеличивается спрос на горнолыжные туристские поездки и т.п. Низкие среднесуточные температуры оказывают резкое лимитирующее влияние на размер въездного туристского потока на большинстве территорий страны.

Таким образом, различные виды туризма в разной степени подвержены сезонным колебаниям. Наибольшим колебаниям подвержен спрос на купально-пляжные, круизные, экстремальные, религиозные, образовательные и познавательные туры. В то же время оздоровительные и элитарные туры, деловой и событийный туризм в меньшей степени подвержены сезонным колебаниям.

Все туристские рынки в зависимости от ритмичности туристских потоков можно разбить на две большие группы: круглогодичные (всесезонные) и сезонные (односезонные и двухсезонные).

Для круглогодичных туристских рынков характерно относительно равномерное распределение туристского спроса в течение года, не наблюдается явных колебаний в размере въездного туристского потока. Однако таких дестинаций в мире немного и к ним относятся наиболее известные центры цивилизации, культуры, оздоровления: известные города мира, курорты, места, располагающие уникальными лечебными минеральными водами и целебными грязями.

Большинство регионов привлекают туристов только в определенное время года. На сезонных туристских рынках выделяют наиболее загруженные – пиковые – сезоны, сезоны со средней степенью загрузки – тихие, и незагруженные, почти не посещаемые сезоны – мертвые.

Большинство стран и регионов мира, экономика которых в высокой степени зависит от туристских поступлений, проводят исследования по определению причин сокращения размера въездного потока и разрабатывают программы по привлечению туристов в тихие и мертвые сезоны.

Основными методами сокращения сезонных колебаний на туристских рынках являются [3]:

1. Диверсификация рынка, которая может быть объединена со стратегиями сегментирования, формированием различных ценовых ниш, а также целевыми рекламными и промо-кампаниями.
2. Диверсификация турпродукта (расширение линейки туристского продукта).
3. Привлечение населения дестинации к обслуживанию туристского потока в низкие сезоны в случаях высокой сезонной занятости.

Использование тех или иных методов зависит от вида и степени сезонности, а также от факторов, оказывающих наибольшее влияние на формирование сезонных колебаний.

Один из наиболее перспективных методов оценки сезонности туристских рынков, используемых в зарубежной экономической науке, основан на расчете коэффициента Джини.

Коэффициент Джини – статистический показатель степени расслоения общества данной страны или региона по отношению к какому-либо изучаемому признаку [1]. В туризме коэффициент Джини рассчитывается для измерения сезонной концентрации туристского спроса по отношению к идеально равномерному распределению туристского потока в течение календарного года. Преимуществами коэффициента Джини по сравнению с коэффициентом сезонности является то, что он менее зависим от максимального объема туристского

спроса (поэтому более эластичен в периоды за пределами пикового сезона), а также менее подвержен влиянию множественных экстремумов.

Значения коэффициента Джини варьируются от 0 (идеальное равенство между месяцами) до 1 (идеальное неравенство между месяцами).

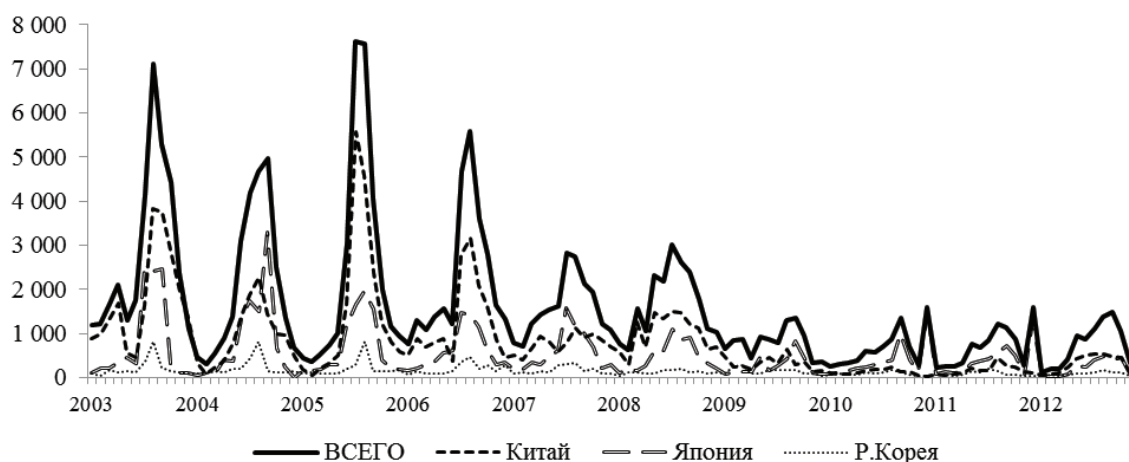
Использование этого метода позволяет также выявить факторы, оказывающие наибольшее влияние на формирование сезонных колебаний туристского спроса, и в дальнейшем разрабатывать меры по их сглаживанию.

Оценка влияния факторов проводится с помощью декомпозиции – разбиения массива данных на группы по факторам, которые могут оказывать влияние на усиление или сглаживание сезонных колебаний и дальнейший расчет коэффициентов Джини для этих групп [5]. Разбивка массива данных может быть проведена по нескольким группам: стране происхождения посетителей, целям поездки, количеству дней пребывания в регионе, выбранному месту размещения и др. В дальнейшем оцениваются полученные значения коэффициента Джини: чем они выше, тем большее влияние оказывает данный фактор на сезонные колебания туристского спроса. И, следовательно, для их сокращения необходимо разработать меры, направленные на уменьшение влияния данного фактора на туристский спрос.

Апробация данной методики проведена для оценки сезонности туристского спроса на рынке Хабаровского края.

Для проведения исследования использованы статистические данные о ежемесячном въезде в Хабаровский край иностранцев, прибывших через пограничный пункт пропуска Хабаровск в 2003 – 2012 гг., предоставленные Пограничным управлением Федеральной службы безопасности России по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области.

Наличие сезонных колебаний на рынке туристских услуг Хабаровского края наглядно прослеживается на графике (см. рисунок).

Сезонные колебания въездного потока иностранцев через пункт пропуска Хабаровск в 2003 – 2012 гг. (тыс. чел.)

Как видно из рисунка, максимальные значения туристского спроса на региональном туристском рынке наблюдаются в летние месяцы и в начале осени – период с июня по сентябрь. Минимальные значения туристского спроса приходятся на холодное время года – период с ноября по март. Таким образом, для Хабаровского края июнь – сентябрь – пиковый сезон, ноябрь – март – мертвый сезон, апрель – июнь и октябрь – тихие сезоны.

Для оценки степени сезонности регионального туристского рынка рассчитаны коэффициенты Джини за период 2003 – 2012 гг. Результаты расчетов показали, что туристский спрос на рынке туристских услуг Хабаровского края подвержен сезонным колебаниям (см. табл. 1).

Таблица 1

Значения коэффициента Джини для въездного потока иностранцев, прибывших через пункт пропуска Хабаровск в 2003 – 2012 гг.

2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
0,16	0,19	0,18	0,15	0,09	0,07	-0,01	0,24	0,25	0,16

Как видно из табл. 1, максимально неравномерное распределение въездного потока наблюдалось в 2010 и 2011 гг. В 2009 г. коэффициент Джини имеет отрицательное значение и максимально приближен к 0. В первой половине 2009 г. фактическое распределение туристского потока через КПП Хабаровск было максимально приближено к идеальному варианту. Однако в пиковый сезон (август – сентябрь) наблюдается резкий рост количества въезжающих зарубежных туристов, а ближе к концу года – резкий спад. Таким образом, отрицательное значение коэффициента Джини свидетельствует о наличии экстремумов во второй половине года по сравнению с относительно равномерным распределением в первом полугодии 2009 г. То есть коэффициент Джини неустойчив к слишком резкой смене основных тенденций развития функции.

Для оценки влияния факторов, оказывающих влияние на формирование сезонных флуктуаций, авторами проведена декомпозиция въездного потока иностранцев, приезжавших в Хабаровский край в 2003 – 2012 гг. через пункт пропуска Хабаровск, в зависимости от страны происхождения туристов. В связи с отсутствием статистических данных о сроках пребывания, месте размещения и цели прибытия провести декомпозицию по данным факторам не удалось.

Основными странами-поставщиками туристов в Хабаровский край являются соседи из стран Северо-Восточной Азии: Китай, Япония, Республика Корея. Их доля в общем объеме туристского потока в край на протяжении многих лет превышает 90 %. Доля остальных стран в общем объеме остается незначительной и существенного влияния на изменение спроса на въездном туристском рынке региона не оказывает. По этой причине расчет коэффициентов Джини в зависимости от страны происхождения туристов проведен для Китая, Японии и Республики Корея. Результаты расчетов приведены в табл. 2.

Таблица 2

Значения коэффициента Джини для въездных потоков из Китая, Японии и Республики Корея, въехавших в Хабаровский край через пункт пропуска Хабаровск в 2003 – 2012 гг.

Страна	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Китай	0,182	0,19	0,206	0,117	0,087	0,042	-0,05	-0,01	0,149	0,212
Япония	0,16	0,194	0,143	0,139	0,129	0,132	0,137	0,377	0,345	0,211
Р. Корея	0,1	0,097	0,143	0,184	0,05	0,059	-0,14	0,008	-0,01	0,113

Как следует из проведенных расчетов, наиболее подвержен сезонным колебаниям въезд посетителей из Японии: в период 2003 – 2009 гг. неравномерность распределения въездного потока варьировалась в пределах 13 – 19 %, а в 2010 – 2012 гг. достигала 37,7 %, 34,5 % и 21,1 % соответственно. В данные периоды между Хабаровским краем и Японией отсутствовало регулярное авиационное сообщение. Поскольку большинство граждан Японии прибывают в Хабаровск сроком на 2 – 3 дня, следуя с туристическими целями транзитом в Москву, Санкт-Петербург и на оз. Байкал, отсутствие регулярного авиасообщения (особенно в зимний период) оказало существенное влияние на сокращение количества японских туристов и формирование повышенной сезонности в туристском спросе.

Количество посетителей из Китайской Народной Республики также неравномерно распределялось в течение 2003 – 2007 гг., затем наблюдалась тенденция сглаживания сезонных колебаний в 2008 – 2010 гг. и их возобновление в 2011 – 2012 гг. Это можно объяснить

последствиями мирового финансово-экономического кризиса, сказавшимися на резком сокращении китайских граждан, выезжавших за рубеж в 2008 – 2010 гг., наступлением рецессии китайской экономики, что привело к уходу с туристского рынка Хабаровского края авиакомпании «Южнокитайские авиалинии», осуществлявшей рейсы из Хабаровска в Харбин, Пекин и Гуанчжоу, и сокращению въезда китайских граждан в Хабаровский край. В дальнейшем после стабилизации ситуации в мировой экономике и расширения сети авиаперевозок на китайском направлении российскими авиаперевозчиками, количество китайских посетителей края снова начало увеличиваться. В 2009 – 2010 гг. коэффициент Джини имеет отрицательное значение и максимально близок к 0, что также подтверждает информацию о сокращении количества китайских посетителей и сглаживании сезонных колебаний (вероятнее всего, приезжавшие в эти периоды китайцы посетили край с деловыми целями, в целях обучения, а не в целях отдыха и рекреации, и время года не имело для них большого значения).

Наименее подвержен сезонным колебаниям въездной поток из Республики Корея. В 2003 – 2008 гг. значения индекса Джини колеблются в пределах 5 – 18 %. Последствия мирового финансово-экономического кризиса оказали свое влияние и на туристский рынок этой страны: в 2009 – 2011 гг. значения коэффициента Джини максимально близки к 1, а в 2009 и 2011 гг. – имеют отрицательный характер, что также подтверждает факт, что большинство корейцев приезжают в край с деловыми целями или в целях посещения родственников, поэтому время года при организации поездки существенного значения не имеет.

Результаты расчетов позволяют сделать вывод о том, что наименее подвержен сезонным колебаниям спрос со стороны туристов из Республики Корея, которые в большинстве своем приезжают в Хабаровский край с деловыми целями или в целях посещения друзей и родственников.

Развитие делового туризма на туристских рынках оказывает положительное влияние на сокращение сезонных колебаний туристского спроса. Организация семинаров, конгрессов, конференций, выставок в тихие и мертвые сезоны позволяет привлечь дополнительных туристов в регион за пределами пикового сезона [4]. Мультипликативный эффект от развития делового туризма увеличивается также за счет того, что бизнес-туристы тратят в командировках больше, нежели туристы, приехавшие на отдых, поскольку решение о командировке, источниках и размерах ее финансирования принимают не туристы, а их руководители.

Что касается туризма с целью отдыха и рекреации, то большинство жителей Северо-Восточной Азии, приезжающих в Россию через пункт пропуска Хабаровск с туристическими целями, посещают Хабаровский край транзитом и приобретают лишь краткосрочные ознакомительные экскурсии по городу.

В 2010 г. на сайте www.mega-mir.com в сети Интернет проводился опрос на тему «Почему японцы, корейцы, китайцы, американцы, немцы и другие иностранцы не хотят ехать в Хабаровск и Хабаровский край в качестве туристов?». В исследовании приняли участие 411 человек. Главными причинами были названы отсутствие привлекательных для иностранцев туров (турпродуктов) массового спроса (61,3 балла), отсутствие международных туристских информационных ресурсов (52,8 балла), отсутствие рукотворных чудес и достопримечательностей (28,7 балла), а также отсутствие святынь, объектов почитания и поклонения (24,8 балла). Остальные варианты ответов получили от 20,0 и менее баллов [2].

Таким образом, для привлечения в Хабаровский край дополнительных туристов из стран Северо-Восточной Азии и сглаживания сезонных колебаний спроса на въездном туристском рынке необходимо диверсифицировать региональный туристский продукт по двум направлениям:

1. Разработать и реализовать в Хабаровском крае программу развития делового и событийного туризма, рассчитанного на весь календарный год.

2. Создать и вывести на рынки стран Северо-Восточной Азии новый туристский продукт, ориентированный на туристов из Китая, Республики Корея и Японии, способный обеспечить увеличение массового спроса на въездном рынке края не только в пиковый, но и в тихие сезоны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башарин, Г. П. Начала финансовой математики / Г. П. Башарин. – М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 130-135.
2. Литовченко, В. В. Организационный подход к сущности и управлению развитием муниципальных образований / В. В. Литовченко, Г. И. Бурдакова // Фундаментальные исследования. – № 11-5. – С. 975-981.
3. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Маркетинговое исследование в сфере внутреннего и въездного туризма в г. Хабаровске» – Хабаровск: ДальНИИ рынка, 2010. – С. 17.
4. Baum, T. & Hagen, L. (1999). Responses in seasonality: the experiences of peripheral destinations, *International Journal of Tourism Research*, 1(5), pp. 299-312.
5. Marijana Kožul, Ivana Brozović TOURISM CONGRESS AS A SPECIAL TYPE OF TOURISM 14-16.11.2012 // http://www.congress.is/11thtourismstatisticsforum/presentations/Marijana_Kozul.pdf
6. Nigel Halpern Measurement and Decomposition of Seasonal Demand for Tourism in Norway // http://www.congress.is/11thtourismstatisticsforum/presentations/Nigel_Halpern.pdf
7. Markus Landvogt Why Combating Seasonality in New Zealand Requires a More Coordinated Multi-layered Approach Including Collaboration with Airlines // http://www.congress.is/11thtourismstatisticsforum/presentations/Markus_Landvogt.pdf

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

Воробец Л. В.
Larissa V. Vorobets

ПЕРШИНА Е. Ю. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ КОРАБЛЕСТРОИТЕЛЕЙ: ЧАСТЬ 1. БАКАЛАВРИАТ: УЧЕБ. ПОСОБИЕ – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2014. – 162 С.

PERSHINA E. J. ENGLISH FOR SHIPBUILDERS: PART 1. A BACHELOR DEGREE COURSE. KOMSOMOLSK-ON-AMUR STATE TECHNICAL UNIVERSITY, 2014. – 162 P.

Воробец Лариса Викторовна – доцент кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681021, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Первостроителей, д. 20, кв. 104; +7(4217)53-10-95. E-mail: larisa-13@inbox.ru.

Ms. Larisa V. Vorobets – Associate Professor, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681021, Komsomolsk-on-Amur, 20, Pervostroiteley Av., app. 104; +7 (4217) 531095. E-mail: larisa-13@inbox.ru

Рецензируемое учебное пособие «Английский язык для кораблестроителей», выпущенное в 2014 году редакционно-издательским отделом ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», имеет своей целью осветить различные аспекты кораблестроения и, как следствие, развить и усовершенствовать билингвальную коммуникативную компетенцию в устном и письменном общении. Пособие является результатом длительной работы его автора, Елены Юрьевны Першиной, в области изучения особенностей преподавания английского языка в неязыковом вузе в целом и в сфере формирования общекультурных компетенций студентов технических и гуманитарных специальностей в частности.

Учебное пособие начинается с обращения автора к студентам, в котором подчеркивается важность овладения иностранным языком на современном этапе развития поликультурного общества XXI века. Автор подчеркивает необходимость формирования коммуникативной компетенции у бакалавров, ориентируя их на овладение языком как средством общения в рамках выбранной ими дисциплины.

Учебное пособие «Английский язык для кораблестроителей: Часть 1. Бакалавриат» представляет собой самостоятельный целостный текст со строгой содержательной и структурной организацией, которая проявляется в следующих характеристиках составляющего ее материала: его стилистическом единстве, концептуальной определенности, исследовательской направленности и композиционной нормативности. Композиционная нормативность определяется тем, что учебное пособие состоит из нормативно-определенного набора обязательных и факультативных разделов, расположенных в неизменной последовательности: оглавление, введение, содержательная часть, состоящая из 15 уроков, тезаурус, семь приложений, заключение, биографическая справка об авторе и список литературы.

Автор решила выйти за рамки тематики, присущей направлению подготовки *180100 – «Кораблестроение, океанотехника и системотехника объектов морской инфраструктуры»* и представила свою работу в виде развернутого экскурса в направление кораблестроения. Эта тенденция просматривается в той лексической направленности, которая отражает не только область судостроения в целом, но также область систем жизнеобеспечения и оборудования корабельной техники. Таким образом, студентам указанного направления подготовки будет легче сориентироваться в лексической терминологии, свойственной работе целой отрасли кораблестроения, т. к. область профессиональной деятельности бакалавров включает в себя создание судов морского и речного флота, а также средств океанотехники; создание

энергетических комплексов для движущихся плавучих инженерных сооружений, технологические процессы проектирования и конструирования судов.

Для более продуктивной работы в ходе изучения иностранного языка Е. Ю. Першина включила в свое пособие не только грамматический справочник и список аббревиатур, наиболее часто используемых в ходе работы над темами, но и языковое портфолио, что, в свою очередь, способствует не только выработке у студентов самооценки, но и ведет к выбору стратегии для дальнейшего совершенствования своих знаний и корректировке пробелов в них.

Характеризуя учебное пособие в содержательном и структурном аспектах, необходимо отметить, что автор проявила элементы творчества при его создании. Кроме этого, автору удалось заключить в строгую научную форму обоснованное изложение собственного видения важности аспектов темы кораблестроения, нестандартного решения некоторых методических вопросов. Самостоятельные подходы к традиционным приемам и способам изучения дисциплины «Иностранный (английский) язык» в рамках основной образовательной программы бакалавров по направлению подготовки 180100 – «Кораблестроение, океанотехника и системотехника объектов морской инфраструктуры» по профилю «Кораблестроение» показывают возможность автора использовать различные функциональные стили, переходить от разговорной речи к научному изложению.

Рецензируемое учебное пособие соответствует содержанию профессиональной образовательной программы подготовки по указанному направлению. Оно может быть рекомендовано лингвистам-практикам, а также широкому кругу лиц, владеющих английским языком.

Першина Е. Ю.

ВОРОБЕЦ Л. В., ЧИБИСОВА О. В. ПРАКТИКУМ ПО ТЕОРИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: УЧЕБ. ПОСОБИЕ - КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2014. - 82 С.

Першина Е. Ю.

Elena Yu. Pershina

ВОРОБЕЦ Л. В., ЧИБИСОВА О. В. ПРАКТИКУМ ПО ТЕОРИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: УЧЕБ. ПОСОБИЕ – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2014. – 82 С.

VOROBETS L.V., CHIBISOVA O.V. THEORY OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION: A PRACTICAL WORKBOOK. KOMSOMOLSK-ON-AMUR STATE TECHNICAL UNIVERSITY, 2014. – 82 P.

Першина Елена Юрьевна – доцент кафедры «Иностранные языки» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681024, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Первостроителей, д. 21, кв. 641; 8217531053, 89141775259. E-mail: g.curl@mail.ru.

Mrs. Elena Yu. Pershina – Associate Professor, Department of Foreign Languages, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681024, Komsomolsk-on-Amur, 21, Per-vostroiteley Av., ap. 641; +7 217531053, +7 (914) 1775259. E-mail: g.curl@mail.ru.

«Global village» в переводе с английского языка означает «планетарная деревня». Это название современного мира. Этот мир становится все теснее, он действительно начинает напоминать большую многоязыковую и поликультурную деревню. И общение в этой планетарной деревне возможно только на основе межъязыкового и межкультурного взаимопонимания и взаимодействия.

Стабильность и благополучие мира в третьем тысячелетии во многом будут зависеть от способности молодого поколения проявлять терпимость, уважать иные культурные и социальные особенности, от воли и желания понять друг друга и сотрудничать друг с другом, искать и находить пути урегулирования социокультурных конфликтов.

Интегративные процессы в Европе и остальном мире, переход от биполярного к полиполярному сотрудничеству, от диалога к полилогу культур, постоянно растущая академическая мобильность молодежи требуют не только желания понять соседа по общему планетарному дому, но, прежде всего, предполагают готовность овладеть его языком. Хочется надеяться, что XXI век будет веком взаимопонимания и сотрудничества без этнических, расовых и культурных барьеров. Устранение этих барьеров зависит от воли, желания и способности людей разрешать возникающие межэтнические, межконфессиональные и межкультурные конфликты. Это возможно только на основе понимания и уважения социокультурных различий народов мира и практического осуществления основополагающих принципов межкультурной коммуникации.

Учебное пособие «Практикум по теории межкультурной коммуникации» авторов Воробец Л. В. (кандидата культурологии, доцента) и Чибисовой О. В. (кандидата культурологии, доцента) обобщает опыт преподавания, накопленный в ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» при организации учебного процесса в рамках дисциплины «Основы теории межкультурной коммуникации», предусмотренной основной образовательной программой подготовки дипломированных специалистов и бакалавров по направлению 035700 – «Лингвистика».

В данном учебном пособии представлены материалы о современных методологических подходах к обучению межкультурной коммуникации как в отечественных учебных заведениях, так и за рубежом. Содержательно-тематическая направленность учебного пособия выбрана весьма удачно, поскольку аналогичный учебный материал, как правило, подается в различных пособиях в виде отдельных разрозненных фактов. В данном же пособии сложная и разносторонняя тематика систематизирована и предложена в презентабельном виде.

Материал учебного пособия построен на основном принципе межкультурного диалога – принципе «Три Т» (Терпение, Терпимость и Толерантность), что позволяет не только продемонстрировать уважительное отношение к чужой и своей культурам, но и сформировать у студентов умения критически осмысливать ценности зарубежной культуры, творчески использовать достижения другого народа для собственного культурного развития и успешного решения возникающих межкультурных проблем в дальнейшей профессиональной деятельности.

Материал учебного пособия изобилует аутентичными текстами, что позволяет студентам развивать различные типы чтения, а именно: поисковое чтение с целью определения наличия или отсутствия в тексте запрашиваемой информации, ознакомительное чтение с целью определения истинности/ложности утверждения, изучающее чтение с элементами анализа информации или аннотирования.

Помимо текстов, в пособии представлены задания, направленные на выявление и устранение непонимания и на предотвращение возможных конфликтов при межкультурном общении представителей разных культур.

Методически структура учебного пособия придерживается принципа личностно-деятельного подхода, рассматривающего студента как творческую, активную личность. Вовлечение студентов в диалог, постоянное обращение к их личному опыту и мнению является оригинальным авторским приемом. Такая личностная направленность обучения способствует формированию положительной мотивации и активизации учебного процесса. Многие из вопросов, предложенных для обсуждения, носят проблемный характер и способствуют развитию творческих и аналитических способностей обучающихся, что является другим достоинством указанного учебного пособия. В этом плане оно направлено не столько на усвоение определенной суммы знаний о межкультурной коммуникации, сколько на общее интеллектуальное развитие обучающихся и на формирование у них целого комплекса общекультурных и профессиональных компетенций.

Учебное пособие «Практикум по теории межкультурной коммуникации» основано на так называемом центрированном на учащемся подходе; иными словами, акцент перенесен с деятельности преподавателя на деятельность самого студента, и таким образом студент становится активным виртуальным участником диалога культур. Многие задания предполагают самостоятельную творческую работу по освоению, осмыслению и презентации изучаемого материала.

Задания иллюстрированы таблицами, схемами, образцами документов, что позволяет студентам войти в реальную ситуацию межкультурного общения.

Список литературы, использованной авторами при создании учебного пособия, является репрезентативным и включает научные монографии, учебные пособия, научные и методические журналы.

Актуальность и практическая ценность приведенного в учебном пособии материала состоит в том, что он представляет в обобщенном виде основные сведения, дающие студентам представления об общих требованиях к содержанию дисциплины «Основы теории межкультурной коммуникации», заявленных в государственных образовательных стандартах. Учебное пособие содержит систематизированную информацию по рассмотренной в ней тематике.

Костюрина Н. Ю.

ЧЕЛОВЕК КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА: РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ М. А. АРКАДЬЕВА «ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА». - СПБ.: ИЗД-ВО ИВАНА ЛИМБАХА, 2013. - 504 Р.

Костюрина Н. Ю.

Nadezhda Yu. Kostyurina

**ЧЕЛОВЕК КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА:
РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ М. А. АРКАДЬЕВА «ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
КАТАСТРОФА». – СПБ.: ИЗД-ВО ИВАНА ЛИМБАХА, 2013. – 504 С.**

MAN AS A LINGUISTIC AND ENVIRONMENTAL CATASTROPHE.

**A BOOK-REVIEW ON: ARKADYEVA M.A. LINGUISTIC CATASTROPHE. –
ST.-PETERSBURG, IVAN LIMBAKH PUBLISHING, 2013. – 504 P.**

Костюрина Надежда Юрьевна – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681022, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Победы, 56-33; 8-4217-25-32-01. E-mail: kosturina@mail.ru.

Ms. Nadezhda Yu. Kosturina – Ph.D. of Cultural Studies, Professor, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; 681022, Komsomolsk-on-Amur, 56-33 Pobedy pr.; 8 (4217) 253201. E-mail: kosturina@mail.ru.

Михаил Аркадьев – дирижер, композитор, пианист, теоретик музыки, философ, обремененный различными званиями и должностями (доктор искусствоведения, заслуженный артист РФ, главный дирижер и художественный руководитель Тихоокеанского симфонического оркестра и т. д.) – опубликовал исследование о сущности человеческой природы, свободе и ответственности, музыке языка и языке музыки.

Концепция человеческого уложена автором в музыкальную композицию – тему с пятью вариациями плюс восемь комментариев-маргиналий, причем М. Аркадьев иронизирует над своей целью и замыслом, цитируя Леви-Строса: «Глядя на этот неудобоваримый и неясный текст, я сомневаюсь в том, действительно ли публика получит от него впечатление музыкального произведения, как это внушают ему план и названия глав». Задача, однако, именно такова, а структура текста четкая и жесткая. Автор вполне нескромен, предупреждая читателя: «Я предлагаю... концепцию, претендующую на истинность» (с. 11). Эта концепция одновременно претендует стать «теорией всего» и оказывается «экзистенциально-философской автобиографией и даже исповедью».

Концепция М. Аркадьева – это концепция катастрофы. Однако это не катастрофа, угрожающая человечеству, «лингвистическая катастрофа – это сам человек» (с. 14, 57). Человек – это катастрофа естественного/природного/животного способа существования, потому что он обладает речью и сознанием, вынуждающими его к «осознанию смерти и свободе выбора». Человеческое для Аркадьева есть сознающее смерть. Свобода неизбежна, но она ограничивается либо биологической смертью, либо клиническим безумием.

Язык, речь, письмо порождают разрыв природного трансцендентного бытия и осознание смерти; речь «конституирует разрыв и свободу как парадоксальную неприродную “природу” человека» (с. 93). Человек, стремясь избавиться от осознания смерти, стремится избавиться и от языка, остановить внешний и внутренний монолог, используя для этого выработанные за тысячелетия человеческой истории формы: от медитативных до дискурсивных техник. М. Аркадьев различает два способа нейтрализовать языковую коммуникационную деятельность, два вида «анестезирующего» инструментария: миф и ритуал (различные экзистенциальные наркотические практики). «Ритуал дает ощущение победы над “ужасом хроноса” или “ужасом истории”» (с. 79). Вынужденная свобода человека – это свобода выбора между признанием «парадоксальной несвободы от свободы», осознания смерти, от сомнения-совести, усилением саморефлексии, максимального самоосознания и употреблением своей свободы для того, чтобы «избежать реальности».

М. Аркадьев вводит категории «фундаментального сознания», т. е. речевого (языкового) сознания/объективации/рефлексии; парадоксального «бессознательного сознания» как

объективации, «автоматической», встроенной в нас с детства языком рефлексии. Оно связано, во-первых, с фонемой как чистым различием, пустым знаком без всякого значения, во-вторых, с самореференцией эгоцентрических слов: местоимений и глагольной функции. Это, по мнению автора, само тонкое, сложное и важное в теории. Отсюда и тонама в музыке как попытка восстановить расщепленный фонемой природный звук.

Вторая важнейшая категория концепции – «фундаментальное бессознательное», т. е. логически «тотальный» универсум, связанный с присутствием в человеке опыта «досознательной», доязыковой телесности. Человек «помнит» о «райской непосредственности» и внепроблемности доязыкового бессознательного бытия, стремится вернуться в это блаженное состояние, что называется в книге «фундаментальной ностальгией». Эта ностальгия рассматривается М. Аркадьевым как причина проявления такого качества/свойства человека как прафашизм (илиур-фашизм, вслед за У. Эко); фундаментальная ностальгия оказывается условием как для созидания и творчества, так и для разрушения и насилия.

Этот тезис возвращает нас к одному из ключевых вопросов, поставленных автором на первой странице книги: «Как возможен одновременно Акрополь и Освенцим?» Или в другом – классическом – варианте: «Гений и злодейство – две вещи несовместные?». Это ключевая идея одного из разделов книги – Маргиналий VII (с. 434). Собственно, это размышление на тему нравственности художника, приоритета этики или эстетики в отношении к миру. Мы помним: И. Бродский считал, что эстетика – мать этики, а ранний О. Уайльд утверждал, что в «становлении личности даже обретенное ею чувство цвета важнее обретенного понимания добра и зла». М. Аркадьев препарирует способность человека одновременно быть гениальным художником и расистом/нацистом, пытается объяснить это противоречие. «Прафашизм ... заключается ... в способности человека не считать кого-то себе подобного в полной мере человеком», – считает Аркадьев (с. 438). Аналогичная оценка во множественном числе называется автором «негативным обобщением в форме презумпции чужой виновности», что представляется следствием «неосознанного страха человека перед свободой других людей, и, в конечном итоге, перед своей собственной свободой, перед открытым пространством мира» (с. 439). Противоположной позицией оказывается попытка принятия «иного» как возможного «своего». Это осмысление разрыва между интеллектуальными и моральными добродетелями особенно актуально звучит в контексте социально-политических трансформаций современной России.

Страх и власть – важные категории в концепции М. Аркадьева. В Маргиналии III («Имморальном») речь идет о том, как разрушается и извращается любовь там, где выступают власть и страх, как желание радости трансформируется в желание «владеть и унижать» (с. 370). Отдельные формы христианской морали и различные социальные табу, включая сексуальные, рассматриваются как злоупотребление собственной свободой, и, как следствие, «нарушение свободы и унижение другого человека». Человеческая нравственность связывается с необходимостью постоянного выбора и самоограничения. Этическая позиция автора может быть выражена следующей формулой: «Принимая временность и бренность всего сущего, принимая смертность как необратимость, вести себя так, как если бы человеческая свобода, достоинство и милосердие обладали статусом бессмертия» (с. 378). В этом «как если бы» заключается важнейший смысл, утверждается принципиальная невозможность ответа на фундаментальные вопросы человеческого существования. Собственно, этим «как если бы» автор практически отрекается от своего тезиса представить «концепцию, претендующую на истинность».

Все попытки «уйти от вопросительности, разрывности человеческого существования, вопросительности, связанной с наличием языка и сознания смерти» автор считает «бегством» (в том числе религию, философию) в той мере, в которой они претендуют на окончательность ответов. Аркадьев называет свою позицию «новым стоицизмом»: «Стоять в точке вопроса – тяжкое бремя, и несут его единицы» (с. 309).

Для тех, кто хочет вечных и окончательных ответов, самое главное – вовремя проконтролировать свою и чужую речь. Это отмечает автор, возвращаясь к проблеме слова и Сво-

Костюрина Н. Ю.

ЧЕЛОВЕК КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА: РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ М. А. АРКАДЬЕВА «ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА». - СПБ.: ИЗД-ВО ИВАНА ЛИМБАХА, 2013. - 504 Р.

боды слова. Это проблема не только социальная, но и проблема взаимоотношения человека с самим собой.

Безусловно, мы лишь затронули ключевые понятия концепции лингвистической катастрофы. Текст Михаила Аркадьева сложный, провокативный, и он совершенно закономерно вызвал значительный резонанс: в презентациях книги и обсуждениях в СМИ участвовали А. Жолковский, М. Эпштейн, А. Ахутин, Я. Кротов, Г. Ревзин, Л. Рубинштейн, Д. Быков, Л. Данилкин, М. Гурьев, Г. Гутнер и др.

Шунейко А. А.
A. A. Shuneyko

**ФЛОБЕР ГЮСТАВ. ЛЕГЕНДА О СВЯТОМ ЮЛИАНЕ МИЛОСТИВОМ.
СОСТАВЛЕНИЕ И ПОСЛЕСЛОВИЕ ИРИНЫ ПРИХОДЬКО – М.:
ПРОГРЕСС-ПЛЕЯДА, 2007. – 232 С.**

**FLAUBERT, GUSTAVE. LA LEGENDE DE SAINT-JULIEN L'HOSPITALIER. COMP.,
ED. AND AFTERWORD BY IRINA PRIKHODKO. – MOSCOW, PROGRESS-PLEYADA
PUBLISHING, 2007. – 232 P.**

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin Av.; 8(4217)52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru

От витражей собора в Руане до российских читателей путь не близкий. Но многие из них, даже не побывав во Франции и не подозревая, что такие витражи есть, знают и все могут знать основное содержание рассказанной на одном из этих витражей истории. Чтобы такое стало возможным, трудилось множество талантливых художников. Не договариваясь между собой, не организуя совместных действий (исключение – прямые контакты между Г. Флобером и И. С. Тургеневым), не выстраивая линии трансляции, они бережно передавали информацию, переносили ее из одного пространства в другое, делали ее доступной для все более и более широких масс. В процессе самоорганизующихся изменений эта информация завоевывала пространство, умы и расширяла сферу своего влияния (воздействия). Видимо, свет, проникающий сквозь витражи собора в Руане, настолько силен и несет такой сильный позитивный заряд, а одновременно и настолько важен для человека, что просто не может остановиться на каменных плитах церковного пола или рассеяться во мраке погребальных ниш.

Странствия (путешествия) текстов по миру создают удивительные причудливые сюжеты, которые занимательны сами по себе и безмерно интересны как демонстрации характера и способов трансляции информации. Единое содержание, минуя границы различных стран и культур, проходя сквозь время, меняя форму своего выражения, чередуя своих авторов и трансляторов, организует линию, подчас куда более запутанную, чем мастерски написанный авантюрный роман. Содержание (единая совокупность событий и их оценок, стройный ряд повествовательных компонентов) само подбирает себе нужных рассказчиков и нужные средства выражения. Оно меняет подходящие для него в тот или иной момент семиотические системы, жанры, адресную направленность, способы воплощения и фиксации, актуализируется в определенных культурных контекстах, уходит в тень, заставляет сконцентрировать на себе внимание. И все это для того, чтобы быть доступным той совокупности читателей, для которой оно изначально предназначено. Один из удивительных примеров путешествия содержания представлен в книге. Коротко, благодаря изысканиям И. С. Приходько, это семисотлетнее хождение по миру может быть описано так.

В XIII веке создаются сборники «Золотая легенда» Якова де Воррагине и «Историческое зеркало» Винсента де Бове; в это же время были созданы витражи Руанского собора, фиксирующие легенду о Святом Юлиане Госпитальере (Странноприимце, Странноприимнике, Гостеприимном, Госпиталите); затем, в 1832 году, появился «Исторический и описательный опыт о живописи на стекле и самых замечательных витражах» Э. Г. Ланглуа. Все

Шунейко А. А.

ФЛОБЕР ГЮСТАВ. ЛЕГЕНДА О СВЯТОМ ЮЛИАНЕ МИЛОСТИВОМ. СОСТАВЛЕНИЕ И ПОСЛЕСЛОВИЕ ИРИНЫ ПРИХОДЬКО - М.: ПРОГРЕСС-ПЛЕЯДА, 2007. - 232 С.

это послужило базой для написания Гюставом Флобером в 1877 году новеллы – стилизации житийной истории «La Légende de Saint Julien l'Hospitalier». Потом появляется череда переводов на русский язык: в 1877 году – перевод Ивана Тургенева «Легенда о Святом Юлиане Милостивом» (неоднократно переиздавался); в 1883 году – анонимный перевод, вероятно, В. И. Губина (второе издание – в 1899 г.); в 1898 году – перевод И. Ясинского; в 1908 году – перевод Н. Соболевского (2-е издание – 1908 г., 3-е – 1911 г.); в 1908 году – перевод Ан. Анненского (переиздание – 1911 г.); в 1914 году – перевод Александра Блока (1-е издание – 1994 г.); в 1930 году – перевод Максимилиана Волошина «Легенда о Святом Юлиане Гостеприимце» (1-е издание – 1934 г.).

Четыре из этих текстов: репринтное воспроизведение французского издания оригинала с пометками Александра Блока, которое дает возможность заглянуть в творческую лабораторию поэта, и в хронологической последовательности три перевода (Ивана Тургенева, Александра Блока и Максимилиана Волошина) помещены в книге. Здесь же в качестве послесловия содержится статья составителя сборника Ирины Приходько «“Легенда” Флобера в русских переводах», где представлено глубокое и бережное освещение истории создания текста, его переводов на русский язык, а также оценка его включения в русскую культуру, важности для нее и интерпретация содержания. Значение статьи не ограничивается историко-культурным комментарием и указаниями на достоинства и недостатки различных переводов; в ней содержится ключ эстетического и идеологического восприятия текстов. Автор статьи реализует позицию осведомленного восхищенного наблюдателя, который умело и последовательно передает читателю результаты своих нетривиальных находок и размышлений.

«Легенда» в объективировано-номинативной манере раскрывает земной путь Юлиана: рожденный в благочестивой семье мальчик, который обуян страстью к кровавым и бессмысленным убийствам животных, со временем становится главой шайки разбойников, родственником императора, убивает собственных родителей, принимает полную аскезу, посвящает себя служению людям и обретает высшую духовную награду. Текст содержит три предсказания. Вот первое из них в трех изложениях: «Однажды она проснулась и увидела в лунном луче, падавшем из окна, как бы движущуюся тень. То был старец в грубой волосяной рясе, с четками на чреслах, с котомкой за плечами – в полном одеянии отшельника. Он подошел к ее постели – сказал, не разжимая губ: // – Радуйся, о мать! Твой сын будет святой!» (И. С. Тургенев); «Проснувшись под вечер, она увидела в луче месяца скользящую тень. То был старичок в грубой шерстяной ряске; на боку болтались четки, на плече – сумка, словом, он всем походил на отшельника. Он приблизился к изголовью и сказал, не разжимая губ: – Радуйся, мать! Сын твой будет святым!» (А. А. Блок); «Раз вечером, проснувшись, она увидела в лунном луче, падавшем через окно, какую-то движущуюся тень. То был старец в грубой монашеской рясе, с четками у пояса и сумкой через плечо, по всем признакам – отшельник. Он приблизился к ее изголовью и сказал, не разжимая губ: // – Возрадуйся, о мать! Сын твой будет святым!» (М. А. Волошин).

Осведомленному читателю очевидно, что даже в этих минимальных контекстах четко проявлены индивидуальные особенности трех авторов, а сами тексты являются великолепной базой (чистым экспериментальным полем, исключая множество присутствующих при сопоставлении различных произведений факторов) для решения задачи по их выявлению. Для менее осведомленного читателя знакомство с текстами – проникновение в мир эстетических вариаций, легко и трудно уловимых оттенков, создающих художественно оправданную гармонию.

Демонстрацией индивидуальных способов работы с содержательно единым материалом значение книги не ограничивается. Она дает возможность воспринимать текст в развитии и его нынешней полноте. В этом смысле она представляет собой культурный феномен многомерной фиксации единого семантического комплекса. Важно и симптоматично, что

пересказы «Легенды» сопровождаются новым способом ее графического прочтения – интересными иллюстрациями Светланы Ушковой.

Обретя новое средство трансляции, «Легенда» продолжает звучать в русской культуре. Ее глубокий текст учит тому, что никогда не поздно перемениться, что на пути к светлему перерождению нет преград, что наши страсти обуздываемы, что руководящие нами силы благоносны, что деятельная аскеза творит истинные чудеса, что искупление ждет каждого, что прийти к нему можно через осознание собственной греховности и отрицание греха, что встреча с истиной ждет нас внутри нас самих.

Вопрос «Почему для российского читателя XIX – XXI веков оказался так актуален текст “Легенды”» или «Что заставляет его актуализироваться?» предельно сложен. Сейчас обратим внимание только на одно: основное количество переводов и изданий приходится на рубеж XIX – XX веков. А эта грань – самые трагические годы в истории России, наполненные тотальным братоубийством, глобальными проявлениями иррациональной злобы и потоками невинной крови, которые хотя еще и не были столь полноводны, как немного позже, но предопределили будущую вакханалию смерти и торжество красно-коричневых людоедов. В этом контексте в легенде можно видеть предостережение, указывающее на принципиальную бесперспективность иррациональной злобы и то, что она, в конечном счете, переродится в светоносное слияние с идеалами истинного служения Свету.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ
CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

Шунейко А. А.
A. A. Shuneyko

ИРИНА СТЕПАНОВНА ПРИХОДЬКО
IRINA S. PRIKHODKO

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin Av.; 8(4217)52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru

И только избранные умирают молча, в одиноком изумлении.
Иннокентий Анненский

В Москве 24 марта 2014 года на семьдесят первом году своих земных дней ушла из жизни Ирина Степановна Приходько (рождение – 23.04.1943), доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН, председатель Блоковской комиссии и заместитель председателя Шекспировской комиссии при Научном совете «История мировой культуры» РАН, член Шекспировской ассоциации Америки, член Международной шекспировской ассоциации, автор около ста научных работ (подробнее см. <http://www.world-shake.ru/ru/Encyclopaedia/3748.html>). Прощались с ней в Судебно-медицинском морге №5 ГКБ № 67. Панихида состоялась в храме святых бессребреников Космы и Дамиана

(Благовещения Пресвятой Богородицы) в Шубине. Похоронена она на Хованском кладбище.

Ирины Степановны не стало 24 марта, а 25 марта на канале «Культура» наконец-то вышла в эфир передача «Игра в бисер» с ее участием, посвященная сонетам Шекспира. Каждый может познакомиться с записью передачи по адресу http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20921/episode_id/974069. Этого эфира Ирина Степановна очень ждала. Передача была записана еще 26 января 2014 года, но ее выход постоянно откладывался. Сама Ирина Степановна объясняла это тем, что передача не получилась, что она не смогла сказать, что нужно, была зажата, «все испортила». А в кадре она такая, какая есть: со своей заинтересованной улыбкой и стремлением раствориться в предмете разговора, со своим светом в глазах, своей позитивной энергией, своим желанием узнать новое и поделиться главным, своим очарованием безукоризненной леди, своим отменным вкусом, проявленным и в одежде, и в жестах, и в содержании речи. И мало кто знает, чего стоило сохранить все это (и так очень немногим данное), пережив смерть мужа, смерть сына, непонимание коллег и неизменно находясь в жестком режиме тяжелого аналитического труда.

Ею руководила постоянная потребность в самоотречении. Не показная, а истинная – тихая, без афиш, заполненная постоянным делом. При внешней четкой вовлеченности и живости, при предельной мобильности и строгом отношении к форме, она ощущала себя всю жизнь даже и не монахиней в миру, а смиренной послушницей. В тех делах, где она была профи высочайшего класса – в университетской аудитории, в академическом кабинете, она оставалась послушницей, которая не хочет (не испытывает нужду) ничего доказывать, но ей просто необходимо и внутренне потребно соответствовать неким предельно высоким константам.

Эти константы задавали христианские догматы (Ирина Степановна была всю земную жизнь глубоко верующим и последовательно воцерковленным человеком), но не только они. Был еще один абсолютный ориентир: свет высших эстетических ценностей. Ее любимые авторы, при всем истинно христианском смирении Ирины Степановны, воспринимались ею как высшие существа, как проводники в мир некоей содержательно бесценной информации. Ирина Степановна стремилась даже и не перевести эту информацию на общедоступный язык, а, в первую очередь, указать на ее неисчерпаемую глубину. Она предлагала восхититься вместе с ней, она обращалась к тому, что достойно молитвенного экстаза. Она выявляла в материи текста эзотерическую энергию.

Выход программы на следующий день после смерти – знаковое событие в финале земной жизни Ирины Степановны. Он раскрывает нам две важные характеристики ее дней: стремление спрашивать, в первую очередь, с себя и отсутствие полного признания. Одно из отличий организованных натур от прочих людей состоит в том, что в спорных ситуациях, касаются ли они быта или бытия, первые ответственность за нестыковки и неудачи возлагают на себя, в себе, а не в окружающих или условиях ищут причины неприятностей, с себя спрашивают за промахи других, себе выставляют счет за коварство условностей, перед собой намечают перспективы развития и совершенствования. Такой и была Ирина Степановна, которая при земной жизни не получила полагающейся ей меры признания. Особенно она гордилась памятной серебряной медалью Александра Блока, которую получила в 2012 году.

Ирина Степановна ушла, как праведница, одномоментно, без физической боли и страдания: одна в пустой квартире с прекрасным видом на реку Сходню, в своем любимом кресле, где часто работала, рядом со столом, на котором был обязательный букет цветов и портрет любимого человека, того, чью жизнь она наполнила искренней преданной любовью – классика отечественной филологии Александра Борисовича Пеньковского (19.12.1927 – 06.02.2010). Ушла, обсудив с племянницей стрижку, которую хотела сделать к скорой конференции в Париже.

Одиночество ее ухода уже не символично, оно реализует принцип трагического контраста с жизнью. Она никогда не была одна. Просто не хотела и не могла. Вернее, иной раз хотела, но не получалось. Она любила и умела принимать гостей, готовиться к их приходу, с особой тщательностью сервировать стол. Забытое понятие «открытый хлебосольный дом» наполнялось своим содержанием, когда гость переступал порог их квартиры во Владимире ли, в Москве ли, или приезжал к ним на дачу.

Символично то, что тревогу по поводу ее отсутствия поднял мальчик-сосед, которого ученый с европейским именем совершенно бескорыстно учила английскому языку и литературе. Этот последний ученик, плативший ей нарисованными детской рукой открытками и своими чистыми улыбками, мало знал о том, что в длинном ряду благодарных учеников он был даже не тысячным. Не знал он и о том, что читателей и слушателей у его учительницы еще больше, чем воспитанников. Но он знает главное: жизнь подарила ему встречу, после которой невозможно лгать, блудословить и воспринимать существование как погоню за спокойной сытостью и удовлетворением страсти к убогому доминированию.

Одним из распространенных недугов многих членов научного сообщества является неотвязное стремление тянуть внимание на себя: служить себе и своим работам вне зависимости от того, есть ли в них хоть грамм содержания. Ирина Степановна всю свою земную жизнь работала для других (совсем не случайно то, что две ее главные книги до сих пор не изданы), для сложного механизма организации научного пространства. Она возобновила конференции и издания «Шекспировские чтения», организовала конференцию «Художественный текст и культура», много лет проводила конференции, посвященные жизни и творчеству А. Блока и редактировала их итоговые сборники, комментировала полное собрание сочинений А. Блока. При подготовке конференции или сборника она всегда успешно стремилась сделать их не исключительно научными, а культурными событиями, потому приглашала к участию поэтов, композиторов, художников и скульпторов. Для нее на первом месте

стояла эстетическая полнота и многомерность явления, которая может быть достигнута только в результате сопряжения различных точек зрения. К этому она и стремилась.

Научное пространство она никогда не воспринимала как замкнутое или самодостаточное. Потому для нее был так важен выход к иному читателю. Отсюда ее блистательные издания «Розы и Креста» А. Блока и «Легенды о Святом Юлиане Милостивом» Г. Флобера – книги, ставшие фактами культурной жизни. Она буквально создала их от замысла и до воплощения, потому что не только определяла концепцию, собирала и комментировала тексты, но и находила издателей и художников.

И при всем немалом количестве изданных и откомментированных текстов, проведенных конференций, прочитанных в разных странах лекций и написанных статей одной из главных гордостей своей жизни она считала постановку со студентами драмы А. Блока «Роза и Крест», осуществленную в прошлом веке во Владимире.

Служение Ирины Степановны – это служение эстетическому идеалу, а он многолик и никогда не сводим к статичному набору характеристик. Именно поэтому одной из главных ее задач была эстетизация и гармонизация пространства в том объеме и теми силами, которые были ей дарованы. Этой задаче она посвящала себя безраздельно, реализуя ее и в бережных отношениях с людьми, и во внимании к текстам, и в актуализации для культурного пространства тех или иных фактов, и в создании новых объектов.

В ее собственных работах тонкий, бережный и глубокий анализ символов выстраивал перспективы, которые вели к глубинам духа и раскрывали горизонты новых пониманий.

Прекрасное – это и истинное, и благое, неоднократно повторяла она применительно и к Флоберу, и к Шекспиру, и к другим авторам. Понимание этой максимы дается не многим, и еще меньшее количество людей способно своим трудом доказывать ее абсолютную правоту, нести ее в жизнь.

С лихостью водила машину, безукоризненно одевалась, прекрасно устраивала быт, служила людям и высокому искусству, постоянно находилась в движении и при прощании умела перекрестить с такой глубокой мудростью и спокойной уверенностью, которая говорила без слов: добро всегда будет здесь.